

И.А. ГАФАРОВ

ОТ ИСТОКОВ К ИСТИНЕ

История Волжской Булгарии
и Казанского ханства на перекрестке мнений

Второе дополненное издание

Казань 2012

ББК ТЗ (2 Рос. Тат)
УДК 94 (47)
Г 26

В 2002 г. книга была издана по рекомендации редакционно-издательского совета Казанского государственного педагогического университета.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Р. А. Г а р а ф у т д и н о в;
д-р ист. наук, проф. О. В. С и н и ц ы н;
к-н ист. наук, проф. З. З. М и ф т а х о в

И.А. Гафаров

Г26. От истоков к истине (История Волжской Булгарии и Казанского ханства на перекрестке мнений) – Казань: «Идел-Пресс», 2012. – 256 с.

В монографии освещаются отдельные проблемы в истории Волжской Булгарии и Казанского ханства. Проводя параллели, сравнивая и сопоставляя факты, мнения, имеющиеся в разных источниках, полемизируя с ними, автор пытается установить истинное место татарского народа в истории, народа, у которого еще более тысячи лет назад были государственность, развитая для своего времени культура, экономика, религия, мораль и т.д.

Данная работа предлагается как дополнительный материал на занятиях по истории учителям, студентам, научным работникам, а также широкому слою читателей, интересующихся историей.

*Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без
письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 978-5-85247-575-6

© И.А.Гафаров, 2002

© И.А.Гафаров, 2012

© «Идел-Пресс» оформление, 2012

Посвящается году истории в России.

От автора

Данная работа была издана еще до тысячелетнего юбилея Казани и быстро исчезла с прилавков. Книга получила положительный отзыв у читателей, а также предложения о ее переиздании.

Это подтолкнуло нас к новым поискам. Автором были изучены несколько десятков новых источников, в том числе поработать в Российском государственном архиве древних актов, Национальном архиве Республики Татарстан, Государственном архиве Ульяновской области, Российской Государственной Библиотеке (бывшая Библиотека им. Ленина) в г. Москве и т.д. В результате были найдены новые сведения, документы, относящиеся к истории татарского народа, поэтому мы решили переиздать наш труд, дополнив его ими или заменив имеющиеся.

Люди во все времена интересовались историей. Тяга к познанию своего прошлого не ослабевает и по сей день. Подтверждением этому является значительное количество литературы на исторические темы, которые появились в последнее время. Много появилось публикаций, связанных с историей Татарстана, татарского народа, стали доступными для читателей труды русских и татарских историков, архивных документов, на которых стоял гриф «секретности». Однако в этом потоке литературы трудно разобраться не только широкому кругу читателей, но иногда и специалисту. Часто взгляды авторов на одни и те же события, факты, их оценки отличаются друг от друга вплоть до полярно противоположных.

Отдельные труды издаются небольшим тиражом, к тому же, если учесть дороговизну этих книг, они практически остаются недоступными для обычного читателя.

Нужно иметь в виду и огромный поток информации, который ежедневно выплескивается с экранов телевизоров и мешает работе с книгой. Редкий читатель может перебороть соблазн и, выключив один из многочисленных каналов, взять в руки какой-нибудь фолиант.

В наше время многие имеют доступ к интернету, где можно найти огромное количество сведений и на исторические темы. Однако в этих сведениях можно обнаружить много неточностей, в том числе даже фальсификации.

Автор изучил более двухсот книг, брошюр известных русских, татарских и зарубежных ученых-историков, в том числе и не историков, а

также другие источники, в которых есть сведения по истории Волжско-Камской Булгарии и Казанского ханства.

Мы попытались изложить те или иные события, факты, гипотезы, ссылаясь на труды этих авторов, одновременно полемизируя с ними, выдвигая свои версии, и не претендуя при этом на абсолютную истину. Главное, по нашему мнению, история должна стать точной наукой, которая опирается на подлинные факты, а не на комментарии, иначе сохранится опасность использования ее в качестве орудия политических манипуляций, опасность подмены реальности вымыслом, искажением событий, неполной передачей или фальсификацией, наконец.

Автор не ставит своей целью осветить всю историю Волжской Булгарии и Казанского ханства, а обращается лишь к отдельным проблемам, в освещении которых, на его взгляд, допущены различные подходы. Мы ставим перед собой задачу сообщить читателям о наличии большого количества литературы по истории и предостеречь их от поспешных выводов, основанных лишь на одном источнике. Для этого мы собрали все найденные по крупицам сведения из истории Волжской Булгарии и Казанского ханства, обобщили и изложили итоги в едином труде.

В работе делаются ссылки и на труды, публикации, авторы которых не являются учеными, однако затрагивают вопросы истории, в том числе вопросы, связанные с историей татарского народа. Их версии не всегда являются достоверными источниками или материалами и зачастую эти авторы желаемое хотят выдать за действительность. Однако эти работы также становятся историческими источниками для читателей, в том числе не искушенных в вопросах истории и делающих по ним далеко идущие выводы. Известно, что отдельные выдающиеся личности историю изучали по художественной литературе.

Пусть читателей не удивляет, что в работе имеются ссылки на газеты, журналы. Это было сделано в тех случаях, когда материалы принадлежали известным авторам или были сообщениями официальных органов (Использованные газетные материалы в список литературы не включены. – И.Г.).

При ссылках на источники автор в основном старался сохранить их стиль, орфографию, поэтому у читателей могут возникнуть недоумения при расхождении цитируемого текста с правилами современного русского языка.

Накопление материалов, их обработка и изложение велись в течение долгого времени. Появлялись новые источники, материалы, поэтому автор многократно перерабатывал свой труд. В связи с этим в библиографии лишь в начале выдержан алфавитный порядок в списке авторов, а в дальнейшем названия, авторы источников даются по мере получения новых данных.

Специалистам покажется, что в работе много известного, хотя и разных толкований. Но, как сказано в аннотации, наш труд рассчитан не

только на специалистов, а и на массового читателя. Для многих из них, на наш взгляд, вопросы истории являются «темным лесом». Поэтому без ссылки на различные источники наше исследование не было бы «перекрестком мнений», а тропинкой, к тому же узенькой.

Для уточнения или акцентирования отдельных моментов, мыслей, взглядов автор иногда выходит за хронологические рамки, обращаясь также и к нашему времени. Однако, на наш взгляд, это не должно повлиять на основное содержание.

Мы думаем, что встретим понимание читателей даже среди тех, кто стоит на другой стороне «перекрестка». Если это так, наш труд проделан не зря, кого-то он не оставит равнодушным и заставит взяться за перо, чтобы еще и еще раз изложить свое мнение, версию, понимание и т.д.

В свое время М.Ш. Шаймеев говорил: «Нельзя до конца понять историю любого народа, не зная древнейших периодов зарождения и развития его материальной и духовной культуры. В связи с малой исследованностью этой стороны жизни татарского народа сформировались, к сожалению, субъективные и однобокие представления о различных этапах его развития. Настало время более пристально взглянуть в прошлое и определить место нашего народа в мировой истории» (182, с. 8).

Основное внимание в книге уделено болгаро-татарам как нации в ее историческом развитии, но не для идеализации татар, среди них тоже много различных личностей, да пусть не обвинят нас в национализме. Автор является представителем своего народа и стремится вместе с другими учеными-историками, публицистами, исследователями определить истинное место татарского народа в истории. Более тысячи лет на земле Татарстана бок о бок живут разные народы, и нам неизвестно, чтобы на национальной или религиозной почве здесь были конфликты. Надеемся, что и не будет.

Истории с историей

Только больной или плохой человек не ценит своего детства и юности... плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории.

В. Васнецов

История волжских татар и болгар имеет колоссальное значение. Без ее изучения мы никогда не поймем связь России с Востоком. Это история блестящего, яркого, талантливое, смелого народа<...> привлекает нас своим большим значением в истории, я бы сказал, «общей и международной».

М.Н. Тихомиров

История как наука родилась в Древней Греции. Первый историк, Геродот, так и назвал эту науку: история, от глагола «исторео», что в первую очередь значит «исследовать, расследовать, разузнавать, допрашивать, допытываться» и лишь во вторую – «повествовать, описывать, рассказывать о разузнанном» (95, с. 32)*.

Историю принято считать гуманитарной наукой. Так ли это? Ведь история отвечает на вопросы: «когда? где? кто?». Можно ли на них ответить приблизительно? Нет. Если мы не получим точных, конкретных ответов, то это не будет историей. Поэтому мы можем констатировать, что история должна быть точной наукой.

Слово «история» созвучно по форме и содержанию со словами «истина», «истец», то есть поиск, достижение правды. Таким образом, основным условием истории как «повести о событиях» является критерий правды. Причем требуется правда вдвойне: повествование должно быть правдивым и сами события должны быть «событиями», то есть должны «были быть», как это видно из самого слова. Выражаясь иначе, описываемые события должны быть действительными, а не кажущимися, фиктивными или иллюзорными; а само повествование, описывание или суждение должно строго соответствовать описываемым событиям (95, с. 33). Слово «история» созвучно и со словом «истоки». В. Даль дает

*Полная информация об источнике дается в списке литературы. Здесь указывается только порядковый номер источника и страница.

следующее пояснение слову «истоки»: «...всякое начало или основание, исходная точка...» (96, с. 59), то есть в нашем случае - это начало истории человечества.

Люди всегда интересовались историей. Тяга к познанию своего прошлого особо возросла в наше время, когда в стране происходят и уже произошли огромные социальные, политические, экономические изменения. Люди ищут ответа на вопросы: «Кто мы? Кто наши предки? Каковы были взаимоотношения с близкими и дальними соседями?»

Слов, которые начинаются с корня «ист-» мы встречаем и в татарском языке: истә (помню), истәлек (произведение, сооружение, сохранившиеся с древних времен; память об умершем; мемуары; мемориальная доска); истәлекле (связанный с близким человеком; посвященный кому-то или какому-нибудь событию); истәлекче (мемуарист) и т.д., которые по смыслу также адекватны истории.

Естественно, мы остаемся в мнении о том, что наличие в русском и греческом языках однокоренных слов, совпадающих и по значению, вызовут интерес у лингвистов.

Однако то, что нам преподносили как историю, не всегда соответствовало действительности, потому что история писалась или переписывалась в угоду кому-то, по чьей-то указке, иногда реальность подменялась вымыслом или искажалась неполной передачей, а иные факты, события вообще умалчивались.

Л.Н. Гумилев писал: «История – это поиск истины, ибо сведения древних источников забрызганы ложью, как зловонной грязью. Прошлое тогда перестает быть реальным, когда его подменяют вымыслом или искажают неполной передачей, или отягощают ненужной мишурой бессмысленных подробностей. Отец лжи нашептывает доверчивым невеждам, что в истории нет правды, а только личные восприятия, что ее явления – не цепь событий, казуально связанных между собой, а бессмысленный калейдоскоп, запомнить который невозможно» (17, с. 256).

Очень долго мы сами называли свою Россию «страною с непредсказуемым прошлым»: мол, постоянное переписывание истории, ее подлаживание под очередного вождя вконец превратили летопись нации в разновидность идеологизированной публицистики.

Заговорили о том, что непредсказуемость собственной истории у нас в крови, что летописные свитки, из которых корифеи черпали свои сведения, дошли до нас лишь в копиях поздних веков, а потому, видимо, неоднократно были фальсифицированы и переделаны в угоду очередной правящей династии («Российская газета», 1999, 22 октября).

Здесь хотим обратить внимание наших читателей и на изменение взглядов на развал СССР. Примером этому является выступление на канале РТР министра МЧС С. Шойгу. Он сказал следующее: «За развал

СССР еще кого-то будут судить, и я надеюсь дожить до этого дня» (23 ноября, 2003 года, 21. 30). А В.В. Путин охарактеризовал распад СССР как «крупнейшую геополитическую катастрофу» («Звезда Поволжья», 2011, 17-24 февраля).

Старшие поколения хорошо помнят, как исчезали учебники по истории и вообще книги, в том числе и энциклопедии, в которых упоминались имена и события, объявленные «не бывшими». В свою очередь, появлялись новые учебники, книги и энциклопедии, в которых действительно «не бывшие» события и люди объявлялись «бывшими».

Интересную картину того, что произошло с историей, на наш взгляд, дает татуировка, сделанная заключенными на их теле. Она изображает комнату, где орудует черт у прокрустова ложа с надписью: «Партгосстандарт демократии 1 м 20 см». На стене лозунг «СССР – страна подлинной народной демократии, гарантированной Конституцией». Под лозунгом список побывавших в прокрустовом ложе, где на первом месте находится **история** (выделено нами. – И.Г.). Для сравнения укажем: генетика на 2 месте, религия – на 4, кибернетика – на 8, литература – на 9 и т.д. (97, с. 176.) (К сожалению, автор данной работы мой хороший знакомый Патшин Н.В., долгие годы проработавший в органах прокуратуры, рано ушел из жизни. – И.Г.).

Публицист И.Н. Андрушкевич пишет, что «...основным видом фальсификации истории является ее идеологизация». «Что такое идеологизация истории?» – спрашивает он. Затем сам же отвечает: «Это подчинение повествования о происшедших событиях и о причинах этих событий идеологическим, а не объективным критерием. Идеологические критерии выражаются в том, что беспристрастный, объективный разбор и анализ событий и их причин подменяется навешиванием – как на события, так и на их причины – заранее заготовленных ярлыков. Причем ярлыки эти только двух сортов: строго порицательные или строго одобрительные» (95, с. 36).

Известный татарский писатель-историк М.М. Хабибуллин приводит слова западных историков, которые пишут, что не могут изучать историю России, там много неправды («Крис», 1997, 26 марта). Только ли в истории России?

А.А. Бушков, автор исследования «Россия, которой не было», говорит, что в любой стране историческая наука слегка протитует из, скажем так, благих побуждений («Российская газета», 1999, 22 октября).

Г.Р. Еникеев, ссылаясь на Г.В. Носовского пишет, что: «... по мнению многих независимых исследователей истории Отечества... не только история татарского народа – вся подлинная история России была в свое время основательно переписана и тщательно заштукатурено» (199, с. 13).

История претерпевала изменения с давних времен. Еще в Древнем Египте некоторые фараоны приказывали уничтожать все надписи и

записи, в которых упоминались имена и действия других, предыдущих фараонов (95, с. 32).

Авторы «Повести временных лет» старались «представить события более приглядно», а то, что летописец Нестор пропускал большие временные отрезки, показывает, что в последующие годы Олег не побеждал (16, с. 431, 437). В последнее время появились сомнения и в существовании самого Нестора («Крис», 1997, 26 марта).

А.А. Бушков пишет, что Татищев мало-помалу собрал *десяток* (выделено автором. – И.Г.) списков, по ним и сообщенным ему другим вариантам составил одиннадцатый. Но ему так и не удалось опубликовать результаты своих трудов (104, с. 471). Татищев совершенно не доверял «Повести временных лет», о чем написал прямо: «О князьях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе». Таким образом, двести лет назад еще существовал десяток роднившихся меж собой «летописей Нестора» – да вдобавок некие «другие варианты»... Сегодня остался один единственный канонический текст – тот самый, о котором нам велено думать, что он написан в 1106 г. и является единственно правильным (104, с. 48).

Чтобы оценить «правдивость» летописи Нестора, «Повести временных лет», а также доказать, что она никоим образом не могла быть составлена в 1106 г. (в 1606, а то и позже – так будет гораздо вернее), А.А. Бушков приводит один из ключевых эпизодов сего творения: рассказ о событиях, якобы происшедших перед принятием Владимиром христианства.

Нестор пишет, что к князю пришли «немцы Рима». По А.А. Бушкову, слово «немцы» неопровержимо доказывает, что «Повесть» сочинена не ранее шестнадцатого столетия. Именно в то время вошло в употребление в России слово «немцы», служившее для обозначения любого европейца. В средневековье на Руси их называли «фрязы» либо «латины».

Ахиллесова пята «Повести» в ее эпизоде: евреи сказали: *бог землю нашу отдал христианам* (выделено автором. – И.Г.). Разговор этот произошел в 986 г. А первые крестоносцы в Палестине появились лишь сто с лишним лет спустя после описываемых событий.

Свои рассуждения он заканчивает следующими словами: Нестор – поганый русофоб. Надо очень не любить своих земляков, чтобы представить их полными и законченными дикарями. Будто они впервые услышали о существовании мусульманства, иудаизма, «немецкой веры»... Ведь в эти страны направляются послы (104, с. 57, 58, 59)! В самом деле, из этих стран на Руси побывало много разных людей: торговцев, миссионеров, оттуда даже привозили невест со своими слугами и приближенными.

То, что в «Повести временных лет» имеются неточности, признают и другие авторы, которые подчеркивают, что «княгиня Ольга, судя по имени (Константин Багрянородный приводит его скандинавскую форму –

Хельга), была варяжка из Пскова. «Повесть» датирует ее замужество 903 г., и, следовательно, во время гибели мужа это была старая женщина, которая никак не могла родить Святослава» (105, с. 72).

Л.Н. Гумилев сообщает о том, что Иван Грозный заставлял подделывать летописи (17, с. 257). В другом источнике читаем, что Иван Грозный лично изуродовал многочисленными поправками на полях последний том «всемирной истории», созданной по его же повелению, причем эти поправки были направлены как раз на *фальсификацию* (выделено автором. – И.Г.) иных реальных событий. Так, одна из таких приписок сообщает, что в 1542 г., во время набега крымцев, трое русских воевод сдали город крымскому хану, хотя в это время все трое находились в других местах и никакого города не сдавали. Дело в том, что, когда была сделана приписка, все трое угодили в немилость к царю, и на них задним числом сваливали чужие ошибки. Таких примеров много... (104, с. 279).

Он также пишет о том: «...Г.М. Прохоров доказал, что с Лаврентьевской летописи три страницы, посвященные походу Батыя, вырезаны и заменены другими – литературными штампами батальных сцен XI-XII вв.» (18, с. 547). То есть не просто утеряны, а заменены другими листами.

Или приведем следующее сообщение: «Вся знаменитая история Грозного и его деяний основана на сомнительных копиях, изготовленных не ранее XVII века. Вообще-то и официальные историки признают, что эпоха грозного описана в историографии путем «выстраивания длинных рядов гипотез... ввиду крайней скудности источников» (199, с. 395).

О том, что с историей происходили и происходят удивительные «истории», писалось не раз.

Так, «Историю Российскую с древнейших времен» В.Н. Татищева, которую академик Б.А. Рыбаков считает последним летописным сводом, сделанным с большой тщательностью и добросовестностью, О. Сулейменов назвал *грандиозной подделкой* (выделено нами. – И.Г.), которая принята на веру без должного сомнения. Для подтверждения своей оценки он приводит ряд фактов, изложенных Татищевым в «Истории», сравнивает их с подлинниками и делает вывод: отсебятина Татищева легко выделяется при сравнении с текстами списков Ипатьевской летописи, например. Также, характеризуя его (Татищева. – И.Г.) метод переписки, О. Сулейменов пишет: он расширительно толкует краткие сообщения, «оскорбительные места уравнивает, домысливает картины, данные намеком, пополняет придуманными сведениями сообщения источников и т.д.» (53, с. 98).

В послевоенное время нас убеждали, что победа в Великой Отечественной войне достигнута благодаря умелому и мудрому руководству «вождя народов» И.В. Сталина. В дальнейшем мы узнаем о большом вкладе в победу члена Военного совета ряда фронтов Н.С. Хрущева, который вдохновлял наших солдат и офицеров своей

уверенностью в победе. В 90-е гг. за большой «вклад в победу над врагом» высшим полководческим орденом – орденом «Победа» был награжден бывший начальник политотдела 18-й армии Л.И. Брежнев. По его книге «Малая земля» проводились читательские конференции, на которых высшие партийные руководители, ученые и убежденные сединой военачальники захлеб говорили о «выдающемся полководце» Брежневе. Тогда же появился анекдот: «...что-то с памятью моей стало: все, что не было со мной, помню». Заключенные придумали новую татуировку: книга Л.И. Брежнева под названием «Майн Кайф» (97, с. 177).

Если бы М.С. Горбачев еще несколько лет пребывал на своем посту, нашлись бы сведения о том, что он, будучи в оккупации, продырявил колеса немецких велосипедов или мотоциклов, тем самым внес вклад в победу над Германией. Получил бы даже орден.

Хотя он получил орден, высший орден России, о чем объявил Д.А. Медведев. А ведь «... сейчас Горбачев уверяет, что всю жизнь, т.е. выходит, с оккупационного отрочества, сперва один, а потом со своей Раечкой мечтал сокрушать коммунизм. Это вздорная выдумка. Он был заурядным партийным функционером, прихоть судьбы вознесла его на самую вершину. ... человек неумный и болезненно тщеславный, пустой, он заигрался в поддавки с западом. И, в конце концов, предстал перед миром полным банкротом и был отброшен. Перед мерзавцем встал вопрос: остаться в истории банкротом-идиотом, или натянуть маску хитроумного и ловкого предателя? Он, в полном соответствии с духом бесстыдного времени, предпочел второе («Завтра», 2012, январь. В. Бушин).

На наш взгляд, в учебниках должны найти место лишь те периоды в истории того или иного народа, когда с исторической арены уходят правители, находившиеся у власти. Иначе это просто дифирамб самодержцу или, в наше время, власти имущему. Прав был Л.Н. Гумилев, который в свое время сказал: «История наступает тогда, когда умирает последний живой свидетель времени» (143, с. 586).

Меняются взгляды, оценки даже на те или иные события, которые произошли несколько столетий тому назад и, казалось бы, уже все точки поставлены над «и».

Рассмотрим это на примере нескольких личностей, а также событий, которые явились поворотным пунктом в судьбе русского народа и всей Руси. Восьмого сентября 1380 г. на Куликовом поле сошлись два огромных войска: русские и татаро-монголы. Патриотические настроения народа поддержал авторитетный церковный деятель Сергей Радонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря (24, с. 105). В другом источнике находим, что без святого Сергия Радонежского немислима была бы Куликовская битва, начало конца татарского ига (95, с. 49). В то же время мы узнаем, что «верный православному смирению, предпочитавший лучше золотом и серебром отделаться от врагов, чем отважиться на кровопролитие, Сергей сказал великому князю: «Почти

дарами и честью нечестивого Мамаю. Господь увидит твое смирение и вознесет тебя, а его неукротимую ярость низложит» (83, с. 110), то есть вначале он предлагал конфликт решать мирным путем, а не воевать.

Началась битва. В жестокой схватке русский передовой полк погиб. Сменив княжеские доспехи на одежду рядового воина, бился с врагами и князь Дмитрий Иванович (24, с. 106, 107). В этом бою он был *тяжело ранен* (выделено нами. – И.Г.). Великий князь, сражавшийся в рядах передового полка (передовой полк к этому времени уже погиб. – И.Г.), «прежде всех стал на бой и впереди с татарами много бился». Со всех сторон наседали на него ордынцы, и много по голове и по плечам и по животу... били и кололи и секли, но спасся он от смерти, только утомлен был от великой битвы почти до смерти». Весь израненный, избитый, Дмитрий еле добрался пешком до дерева (85, с. 279). Так сообщают источники.

До последнего времени не было известно - с кем же князь менялся своим княжеским одеянием? Оказывается, им был боярин Михаил Андреевич Бренк, которого, как уверяют современники он (Дмитрий Донской. – И.Г.) любил, а между тем не пожалел подвергнуть опасности за себя самого, то есть просто послал на верную гибель. Дмитрий передел своего боярина великим князем с той целью, чтобы сохранить себя от преждевременной гибели и еще более от позорного плена, потому что татары, узнав великого князя по знамени и по приволоке (плащу), приложили бы все усилия, чтоб схватить его. Иного побуждения быть не могло (точно так же поступил и персонаж книги «Живые и мертвые» К. Симонова полковник Баранов, который, боясь попасть в плен, сжег свою гимнастерку, партбилет и переделся в форму рядового бойца. – И.Г.).

Так оно и случилось. Татары, увидевши черное великокняжеское знамя, направили туда все силы; добрались, изрубили знамя и убили Михаила Бренка. А великого князя между простыми воинами сбили с коня, он пересел на другого, но бросились на него четыре татарина, опять сбили с коня, погнались за ним. Князь Новосильский оборонял его. Дмитрий почувствовал на своих доспехах несколько ударов и упал под срубленное дерево без чувств (83, с. 116, 117, 118). После битвы князя Дмитрия нашли без сознания, но сам князь *даже не был ранен* (выделено нами. – И.Г.) (98, с. 175).

В Софийской первой летописи также читаем: «А самому же великому князю Дмитрий Иванович(у) бяше весь видети доспех его бить и язвень но на телеси же его не быс(ть) раны никоеа же» (170, с. 467).

Опять возникает вопрос, какому же источнику верить? Если бы история была точной наукой, мы бы такого вопроса и не задавали.

Неясно и другое: мог ли князь Дмитрий, находясь в первых рядах, в окружении десятков тысяч сражающихся, которые задыхались от великой тесноты, руководить боем и заслужить «славное имя Донского?». Здесь двух мнений не может быть – Дмитрий Донской просто самоустранился от руководства боем. Нам вспоминается известный кинофильм, в

котором Василий Иванович Чапаев при помощи картофелин показывает место командира в бою в начале и конце сражения.

Не в пользу Дмитрия Донского говорит и следующий факт: когда в 1382 г. у стен города Москвы появился хан Тохтамыш, ему вместе с семьей (по некоторым сведениям лишь с казной) пришлось укрыться в Костроме, оставив для защиты Москвы дружину под командованием князя Остея. Все они погибли (98, с. 175), то есть Дмитрий Донской в данной ситуации просто струсил и сбежал.

И, наконец, кто с кем сражался на Куликовом поле? А.А. Бушков отмечает, что «...не было никаких «злых татаровей». На Куликовом поле сошлись единокровные враги. «Спор славян между собою» шел из-за московского престола – и только. Тем более «татар» в войске Мамаю как раз и не наблюдается. По традиции его воины именуется «татарами», но состав их иной: ясы и аланы (то есть православные аланы и осетины!), черкасы (то есть казаки!), половцы и печенеги (славяне!), «фряги» (генуэзские наемники) (104, с. 262, 267).

П.И. Рычков пишет, что Мамай нанял армян, фрягов, черкас, яс и буртасов (171, с. 41).

Иногда авторы, чтобы удивить читателей своей осведомленностью, приводят такие примеры, которых можно использовать лишь в фантастических произведениях. Так, в одном из учебников мы читаем, что «...битва началась с традиционного богатырского поединка. Из русских рядов выехал инок Пересвет, из татарских - **пятисаженный «злой печенег»** (выделено нами. – И.Г.). Богатыри ударили друг друга копьями, и оба пали замертво (130, с. 133). В данном случае, на наш взгляд, автор умышленно хочет убедить читателей в том, что молоденький монах сражается на равных с противником, который намного сильнее его. В то же время он показывает себя как некомпетентного ученого. Ведь известно, что сажень составляет 2 метра [(сажень – мера в три аршина (131, с. 129), а аршин – 0,711 метра (19, с. 26)], то есть «злой печенег» был ростом в 10 метров, по-другому, высотой с трехэтажный дом. На чем же он выехал на поединок, ведь даже со слона волочились бы его ноги? А какой длины должна была быть древко копья Пересвета, чтобы достать грудь противника? Слово «злой» также не подходит к исторической терминологии. С другой стороны, даже в современных боевиках противники не выходят на арену с очаровательной улыбкой.

Нужно подчеркнуть, что и Александр Пересвет не был простым монахом, до пострига он был некогда боярином брянским и витязем мужественным (132, с. 1136), то есть владел приемами боевого искусства и разными видами оружия.

Такие преувеличения находим и у вышеупомянутого П.И. Рычкова. Он писал следующее: «Русские могли взять город в тот день или осадой. Но увидев, что от татар осталось много еды и питья, стали гулять, опьянили. Мухаммед Амин (казанский хан. – И.Г.) все это наблюдал с

высокой башни, собрал своих 20 тысяч конных и пеших черемис до 30 тысяч и на третий день в 9-м часу (нужно думать вечером) напал на русских. Арское поле и Царев луг (место, где в настоящее время расположены стадион и цирк. – И.Г.) был покрыт телами и кровью русских. От 100 тысяч бегством спаслись лишь 7 тысяч. За что Мухаммед Амин был поражен неизлечимой болезнью» (171, с. 90). Естественно возникает вопрос: чтобы накормить и напоить три дня 100 тысяч русских, сколько же еды и питья должны были оставить казанцы за городом?

В другом месте находим следующее цифры: «... казанцев погибло 42 тысячи (171, с. 102). ... Через несколько лет, когда казанцы спали, 10 отважных русских неожиданно напали на них..., погибло 60 тысяч казанцев» (там же, с. 104). Откуда же в Казани было столько воинов?

Следующий герой – Петр I, который считается одной из самых замечательных личностей отечественной истории. Тот же А.А.Бушков пишет: «во-первых, Петр I не придумал сам решительно *ничего* (выделено автором. – И.Г.) нового. Все его «новшества» – уродливо искаженные, гипертрофированные, весьма даже бездарные продолжения тех реформ, изменений и новшеств, что родились до Петра. Во-вторых, Петр не «ввел» реформы, а принялся с яростью идиота пришпоривать и ускорять реформы уже начавшиеся». Далее он продолжает, что не было никаких «свершений» Петра. Было шараханье из крайности в крайность, обезьянничанье, самодурство, кровь, крайне завлекательные, но оказавшиеся пустышками проекты.... И только. По большому, глобальному, стратегическому счету результат оказался в сто раз ниже затраченных усилий» (104, с. 358, 378).

В первом томе «Истории России», вышедшей в 1935 г. на французском языке в Париже под редакцией П.Н. Милюкова, глава о петровских преобразованиях имеет многозначительный заголовок: «Результаты реформы: хаос» (104, с. 430).

Согласно сделанным еще до революции подсчетам (П.Н. Милюков), за время царствования Петра прямые и косвенные налоги возросли в пять с половиной раз, и эта цифра не учитывает еще огромную инфляцию. Петром были введены около тридцати новых налогов (104, с. 384).

Далее А.А. Бушков на конкретных примерах подвергает сомнению те успехи, которые приписывали Петру I в области экономики, внешней политики, в военном деле, науке, образовании, культуре и т.д.

Его поддерживает доктор философских наук А.М. Буровский: «Эти представления есть плод сознательной подтасовки фактов, трактовки документов в угоду надуманной схеме, подчинения истории политической злобе дня. Взять хотя бы превращение одного из самых *бездарных и самых страшных* (выделено нами. – И.Г.) монархов [Петра I] в главного российского просветителя и чуть ли не спасителя Отечества» (104, с. 589).

О том, что Петр I кровавое чудовище и способен на самое дикое самодурство, свидетельствует следующий факт: в Прутском походе (1711 г. – И.Г.) русская армия потеряла 27 285 человек. Из них в боевых действиях погибли только 4800, остальные – от жажды, болезней и голода. Однако, возвратившись в Петербург, Петр устроил пышный парад, словно это он остался победителем и безусловным триумфатором (104, с. 356, 395).

Грубость нравов эпохи и лично Петра сказывалось в том, что любой праздник сопровождался диким пьянством. Современники с содроганием пишут о том, что у дверей пиршественной залы ставился караул, солдаты-преображенцы разносили ушаты с водкой и по настоянию царя гости упивались до потери сознания (148, с. 312).

Вот какую оценку реформам Петра I дает И.Н. Андрушкевич: «В процессе реформ, начатых при Петре Великом, произошло сильное повреждение политического строя России. Однако вместо дальнейшего органического развития государственных учреждений они были просто отставлены и заменены бюрократическими нововведениями, заимствованными с Запада. Вместо дополнения получилось замещение. Так Россия получила трансфузию чужой крови и вместе с нею и чужие болезни, для которых у нас даже не было выработано никакого иммунитета» (95, с. 52). Сюда можно добавить вконец обнищавших крестьян, разоренных купцов и ремесленников. Строительство Петербурга и Кронштадта стоили жизней нескольких сотен тысяч человек (147, с. 160).

Даже сын Петра царевич Алексей не воспринимал преобразований отца. Он надеялся, став царем, вернуть все к старым порядкам. «Я кораблей держать не стану и войны ни с кем вести не буду; буду довольствоваться старыми владениями».

Однако это не понравилось Петру. Он приказал созвать суд и судить по всей строгости не взирая на лица. 120 членов суда подписали смертный приговор царевичу. Уже после оглашения приговора, Петр приезжал в крепость и присутствовал на пытках сына. Через семь часов после отъезда отца царевич скончался (147, с. 167-168).

Утопических мечтаний полны и предписания Петра I о развитии школ, науки, искусства, средств на которые выделялось мало, поскольку все забирали войны и постоянно растущий бюрократический аппарат (100, с. 162).

В сведениях о Петре I с самого начала были разногласия. Считалось, что после смерти Федора Алексеевича царями были избраны Иван и Петр Алексеевичи. Однако это не точно. В воззвании Всероссийского Патриарха Иоакима ко всем государственным чинам и к народу от 27 апреля 1682 г. сообщалось о единодушном избрании по кончине царя Федора Алексеевича Российскому Престолу преемника. При этом единогласно от всех провозглашен был царем Петр Алексеевич. В докладной выписке от 29 апреля 1682 г., утвержденном Петром

Алексеевичем сообщается о государственных печатях и о перемене на оных царского имени (208, с. 412, 413).

Лишь 26 мая 1682 г. братья стали царями, о чем сообщается в Образцовой грамоте государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича Думному дворянину Ивану Желябужскому и дьяку Максиму Бурцеву: «С присоединением указа о совокупном именовании обоих государей самодержцами Всероссийскими» (там же, с. 440). Далее грамоты писались от имени двух царей и государыни царевны Софьи Алексеевны.

Рассмотрим еще один исторический факт – битву на Неве в 1240 г. В источниках мы читаем, что «в разных концах обширного лагеря закипел упорный бой, продолжавшийся до ночи». Если учесть, что битва произошла 15 июля, то есть в период «белых ночей», она продолжалась более 20 часов. Потери новгородцев были весьма незначительны, всего с ладожанами двадцать человек. Выходит, что шведы «получили» конкретное указание: махать мечами, секирами, копьями и в течение часа убивать лишь одного, но не более, дружинника Невского. Однако вскоре это шведам «надоело» и они «бросились избивать друг друга и продолжали кровопролитный бой между собой и на другом берегу Ижоры». В результате «с удивлением видели русские на другой день множество трупов на противоположном берегу Ижоры» (83, с. 100, 101). Чем не сказка с хорошим концом!

Здесь могут быть две версии: шведов было очень мало, а сражение – скоротечным или летописцы явно уменьшают потери князя Александра. На последнее обратил внимание и С. Герберштейн, который писал: «... и хотя иногда воины возвращались домой едва не в половинном количестве, однако Московиты утверждают, что в сражении не потеряно было ни одного» (89, с. 20).

Такое наблюдалось и раньше. Как пример можем привести слова участника взятия Казани А. Курбского. Он со своим 12 тысячным войском устремляется на штурм. Когда они были еще вдаль, ни единого выстрела, ни единой стрелы. Казанцы допустили их до самой крепости, и вдруг дали залп из всех орудий; ядра вырвали целые ряды; стрелы затмили воздух; кипящие вары обливали русских; камни и бревна давили их (48, XLII). Несмотря на это он писал следующее: «... бо ось нашу сторону зело было тяжко от належаний бусурманов..., в моем полку девяносто и осмь храбрых мужей убито» (48, с. 38). То есть в ходе сражения погибло всего 98 человек.

Значит, его воины были бессмертными? К тому же далее он писал следующее: «... и не осталось уже было со мною полутора ста воинов (где же остальные?), а их (казанцев. – И.Г.) еще было о десять тысящей» (там же, с. 40).

А подвиги брата и о своем при взятии Казани он с восхищением описывает на нескольких страницах (там же, с. 38, 48, ...).

Встречаемся мы и с другим явлением – увеличением количества убитых. Если раньше общие потери СССР во второй мировой войне

назывались около 10 млн., в 1991 г. эта цифра с подачи А.И. Солженицына достигла 44 млн. человек (86, с. 73). По состоянию на 15 февраля 1989 г. потери СССР в Афганистане составляли 13 833 человека (86, с. 52), а 13 февраля 2001 г. с экранов телевизоров прозвучала цифра 20 тыс. человек.

В другом месте А. И. Солженицын, который не раз призывал «жить не по лжи», утверждает, что 110 миллионов русских людей пали жертвой социализма. Конечно, если посчитать всех умерших и погибших на территории СССР за годы советской власти, то «жертв социализма» может оказаться еще более впечатляющей, но к исторической правде она, согласитесь, не будет иметь никакого отношения. Так что «говорить всю правду» не всегда удается даже тем, кто к этому призывает остальных (Н.Коньков, «Завтра», 2012, №2).

Манипуляции с историей происходят и в наше время. Средства массовой информации многократно сообщали о честных и чистых выборах 1996 г., в результате чего российским президентом стал Б.Н. Ельцин – человек, которого более 60 % россиян считали взяточником, столько же – что он развалил экономику. Стратегию предвыборной кампании изобрели американцы. Ельцин в результате этой стратегии не говорил на выборах о своих достижениях, не говорил о своих профессиональных планах, не говорил об интересах народа, о развитии экономики, не говорил ни о чем созидательном, а говорил то, что подсказали ему профессиональные вашингтонские советники: «Если не я, то коммунисты». Ложь против коммунистов лилась потоком, искусные розыгрыши и манипулирование общественным мнением осуществлялись масштабно.

Как уже отметили, данная стратегия для Ельцина была придумана американцами, потому что именно они были заинтересованы в продолжении его политики разгрома России, ее оборонного потенциала. Только с 1994 по 1996 гг. Гарвардский институт международного развития подготовил, написал и передал Ельцину сотни проектов указов президента России. И проекты превращались в Указы Ельцина и в постановления правительства.

В комнате № 1119 в президент-отеле в Москве находилось бюро дочери Ельцина Татьяны Дьяченко. Штаб предвыборной команды Ельцина находился именно здесь. В комнате 1120 сидела американская команда из четырех человек, в числе которых был Ричард Дрейзнер, который в начале 70-х гг. способствовал избранию Билла Клинтона на пост губернатора Арканзаса вместе с Диком Моррисом. Именно Дик Моррис стал посредником, когда американским советникам потребовалась помощь администрации для переизбрания Ельцина. На избирательную кампанию Ельцина было затрачено, по разным оценкам, от 2 до 10 млрд. долларов. Деньги, в том числе наличные, для избрания Ельцина на второй срок поступали из Америки и Германии. Из государственной кассы было взято около 2 млрд. в связи с предвыборной

кампанией, 500 млн. долларов исчезли в карманах чиновников (110, с. 54, 58, 59, 61). Может поэтому Клинтон сказал: «Мы потратили 8 миллиардов на подкуп высшего руководства, а вывезли уже на 5 триллионов...» («Завтра», 2012, январь).

Хотим подчеркнуть и то, что Советского Союза больше не существует, Б. Ельцин первым доложил президенту США, а граждане только потом узнали о том, что страны, в котором они жили, больше не существует («Звезда Пополжья», 2012, 1-6 марта).

Наконец, прозвучала новая, на наш взгляд правдивая, версия о результатах данного события. Ведущий канала «Россия 1» В. Соловьев в ходе предвыборных дебатов 29.09.2012 г. привел слова Д.А. Медведева, говорившего, что на выборах 1996 г. Б. Ельцин не победил.

Иногда в разных источниках наблюдается не соответствие количества участников в одном и том же событии. Так, мы читаем, что Наполеону противостояли три группировки русских войск под командованием генералов М. Барклая-де-Толли, П. Багратиона и А. Тормасова общей численностью 590 тыс. человек (133, с. 413). В другом источнике написано, что в войсках 1-й, 2-й и 3-й Западных армий было всего 220-240 тыс. человек (132, с. 1092).

Далее, 12 июня 1812 г. более чем 400-тысячная армия Наполеона перешла Неман и вторглась в Россию (134, с. 136). В то же время в тылу, между р. Одер и Висла, находился её 2-й эшелон (170 тыс. чел.), который в ходе войны также был задействован в России (132, с. 1092).

В двухтомнике для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «История», изданном в 1998 г., мы также читаем, что русская армия насчитывала 590 тыс. человек, которая была разделена на три далеко отстоящих друг от друга группы (137, с. 309).

В названии нашего труда есть слово «истина», поэтому, хотя бы, на одном примере хотим показать, что есть что. В «Энциклопедическом словаре», который является трудом крупнейших историков, сообщается: «Великой армии Наполеона I (около 610 тыс. человек) противостояли на западной границе... российские армии (около 240 тыс. человек) (101, с. 322).

Эти цифры подтверждает и «Советский энциклопедический словарь»: «Силы сторон к началу Отечественной войны: французы – около 610 тыс. человек; русские – около 240 тыс. человек» (49, с. 948). На наш взгляд, во всех источниках цифры, даты, другие данные должны быть одинаковы или с небольшой лишь разницей.

Неточности допускаются и в фундаментальных трудах. Так, на странице 200 «Россия: полный энциклопедический иллюстрированный справочник» читаем об осаде и взятии крепости Оренбург войсками Пугачева в количестве 2500 человек и имеющих 20 пушек. На странице 198 данного же труда дается карта, на которой Оренбургская крепость

отмечена как осажденная, но не захваченная пугачевцами. На самом деле восставшие не смогли захватить крепость (129).

Российское государство формировалось на протяжении многих веков, во взаимодействии и противоборстве с окружающими с Востока и Запада государствами. Особую роль играли в российской истории взаимоотношения с тюркским миром, со степными народами.

Наверное, поэтому, во введении нового справочника читаем о том, что прошлое неславянских народов, издавна обитавших в Восточной Европе и за Уралом, чьи потомки составляют сегодня изрядную долю населения нашей страны, драматичны и богато событиями. Но мы должны помнить о том, что Россия – родина многих других народов (129, с. 5).

Однако в многочисленной исторической литературе дореволюционного и особенно советского времени история России по традиции рассматривалась в великодержавном духе, как история формирования Российской империи, история русского народа, часто в противопоставлении Руси народам Востока и в первую очередь тюркским народам (94, с. 3, 4).

Эта традиция продолжается. В школьных и вузовских учебниках мы продолжаем находить только историю русского народа. И это после того как уже пережили распад СССР, а взамен получили большое количество самостоятельных государственных образований, и некоторые из них в самом деле имели когда-то свою историю, государственность и оставили определенный след в истории мировой цивилизации.

Так, мы почти не находим сведений о высокоразвитом, для своего времени, во многих отношениях государстве Волжско-Камская Булгария, с историей, насчитывающей несколько столетий. Даже ни словом не упоминается героическая борьба болгар за свою независимость, что болгары, как и русские (если не больше. – И.Г.), были жертвами монгольского нашествия (23).

Еще в XVIII веке П.И. Рычков писал следующее: «История Казанского царства по ея многим переменам мешавшимся с историею всей России, была бы для нас важнее и полезнее Сибирской (в это время история Сибирского ханства уже была написана. – И.Г.)... Можно видеть тут многие дела, которым подражать, и от коих воздержаться надлежит» (171).

М.М. Хабибуллин, изучавший византийские источники, пишет, что болгар, гуннов, татар в них называли варварами. Но писали очень уважительно. Если быть справедливым, история гуннов, болгар-тюрков оказалась в византийских документах куда значительнее, чем история славян. Сообщу, например, такой факт: в этих документах говорится о «скловенах». В России историки утверждают – это упоминание о славянах, между тем слово «скловены» на латыни означает «рабы» («Крис», 1997, 26 марта).

Академик М.Н. Тихомиров писал: «История волжских татар и болгар имеет колоссальное значение. Без ее изучения мы никогда не поймем связь России с Востоком. Это история блестящего, яркого, талантливое, смелого народа <...> привлекает нас своим большим значением в истории. Я бы сказал, общей и международной» (94, с. 530).

История даже тесно связанных с Русью других народов Поволжья (башкиры, чувашаи, мари, мордва) была слабо отражена в обобщающих трудах по истории России Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др. Это отчасти объясняется слабой изученностью их прошлого, но главная причина состоит в том, что история многонациональной России трактовалась исключительно в великодержавном духе как история Российской империи.

Эта тема всегда в русской историографии оставалась на заднем плане и о судьбе нерусских народов вспоминали лишь тогда, когда шла речь о вооруженной борьбе против них (94, с. 531, 532).

В ряде случаев, где упоминается Казанское ханство, материал авторами излагается с целью оправдания завоевательной империалистической политики русского государства. Так, мы читаем, что «особенно обострилась обстановка (между Москвой и Казанью. – И.Г.) после утверждения в Казани враждебной Москве династии из Крыма» (23, с. 125). Разве виноваты в этом только казанцы? Летописи утверждают другое – русское правительство либо не подписывало договора, либо неоднократно нарушало условия подписанного договора, не хотело признавать неудобных ему казанских ханов и регулярно направляло в Казань многочисленное войско (65). Об этом мы будем вести отдельный разговор.

Авторы (23) данный абзац дополняют сообщением о том, что в Казанском ханстве находились многие десятки тысяч захваченных в плен русских людей. Этим самым они ищут оправдания «крестовому походу» против казанцев. Также мы читаем о том, что «освободив русских пленников, победители учинили жестокую расправу с населением города. Отсюда пошло выражение «сирота казанская». Однако и в первом, и во втором случаях авторы явно заигрывают: русское правительство не интересовала судьба пленных, это было лишь ширмой. В том числе и после взятия Казани русским было не до пленных, они сразу же занялись грабежом и насилием. К тому же в 1552 г. в казанском крае русских пленных не было (то есть некого было освобождать. – И.Г.). В 1551 г., по официальным сведениям, было возвращено на родину 60 тыс. человек. Но после освобождения рабов-военнопленных в Казанском ханстве осталось немало русских «полоняников», которые настолько прочно осели на этой земле и занялись хлебопашеством, что они не возвратились в Россию, а предпочли остаться на прежних местах. Здесь их и застало завоевание (65, с. 213).

На это обратил внимание и П.И. Рычков: «Шах Али, вступив на трон, отпустил 100 тысяч мужчин и женщин, бывших в плену. Многие

россияне, перейдя в ислам, отатарились, они не хотят возвратиться на свою родину» (171, с. 136).

По другим источникам, «после смерти Сеита был выпущен плен – более 100 000 человек, но многие не захотели уходить из казанской земли, потому что приняли мусульманство» (20, с. 36).

Необходимо отметить и тот факт, что продолжительность рабства в Казанском ханстве была ограничена всего 6 годами, по истечении коих раб становился свободным (65, с. 214).

На наш взгляд, неуместно использовано выражение «сирота казанская» – означающее человека, прикидывающегося несчастным, обиженным, беспомощным и т.п., чтобы разжалобить кого-либо (58, с. 425). Читатели в дальнейшем узнают, каким унижениям, издевательствам, оскорблениям, насилию, вплоть до физического уничтожения, были подвержены казанцы, и им было не до плутовства.

Интересно, что сами авторы в ряде случаев не остаются безучастными к модным веяниям времени. О «перевоплощении» авторов можно судить на следующем примере. В учебнике «История СССР» мы читаем: «С введением христианства появились монастыри, где, по идее, люди должны были посвящать себя служению богу, отказавшись от семьи, собственности и всех житейских дел. На самом же деле монастыри были как бы коллективными феодалами, владевшими землей и зависимыми крестьянами, торговавшими и даже занимавшимися ростовщичеством» (24, с. 54).

Через 4 года эти авторы резко меняют свои взгляды: «На Руси стали появляться монастыри. Монах отказывался от своего имущества, семьи и посвящал свою жизнь трудам и молитвам. Пример высоконравственной жизни монахов благотворно влиял на состояние русского общества» (23, с. 1).

Интересно, в каком случае «лукавят» авторы: в первом, во втором или ...?

Раньше при изучении истории Казанского ханства одним из основных источников многие считали «Историю о Казанском ханстве» («Казанский летописец»). Этот труд был составлен в 1564-1565 гг. анонимным автором, бывшим русским пленником, непосредственным очевидцем последних 20 лет самостоятельного существования Казанского ханства, длительное время жившего во дворе Казанского хана Сафы-Гирея (20).

Автор «Казанского летописца» после взятия Казани Грозным поступил к нему на службу, стал его горячим приверженцем и должен был угождать царю, тем более что получил задание написать историю Казанского царства. Сам автор во вступлении к «Истории» называет ее «красной, новой и сладкой повестью». Недаром этот труд включен в книгу «История древней русской литературы» (М., 1966). Автор этой книги Н.К. Гудзий пишет, что аналогия могущества и величества Московского царства и его главы Ивана Грозного характерна и для такого

популярного памятника, как «История о Казанском царстве», или «Казанский летописец», который является произведением, представляющим значительный интерес с точки зрения чисто литературной (15, с. 343, 344).

В своей, изданной еще в 1767 году книге, статский советник, корреспондент Санкт-Петербургской императорской академии, член Свободного экономического общества (автор так представляет себя. – И.Г.) П.И. Рычков писал следующее: «Казанская история – продолжение по взятию г. Казани царем Иоанном Васильевичем... и внесено в него много таких вещей, которые к истории гражданской существенно не принадлежат» (171, с. 66).

То есть, данное произведение не может служить для подтверждения исторических сведений. Мы еще вернемся к данному произведению и постараемся показать истинное лицо автора.

Вот какую оценку дал «Казанскому летописцу» историк М.Г. Худяков: «Казанский летописец» с избытком пропитан фанатической ненавистью к казанцам и всячески старается представить их злобными дикарями и осмеять несчастья, в которые им иногда приходилось попадать. С большим удовольствием составитель «Казанского летописца» нагромождает нелепые вымыслы один на другой, стараясь намеренно поразить читателей зверством татар и смакуя смешные и нередко скабрзные подробности, сочиненные им же самим. Вообще это произведение относится скорее к разделу беллетристики, а не исторической литературы» (65, с. 32, 33).

На предвзятость авторов к истории татар обратил внимание и Г.Н. Ахмеров. Он писал, что русские исторические сведения чаще всего исходят из оставленных монахами летописей. А эти сведения, особенно в эпоху Казанского ханства, так и дышат ненавистью к татарам, то есть изначально настроены только на негативное восприятие всего татарского... Русские летописи, разумеется, во всех бедах обвиняют только татар, о чем неоднократно предупреждает кази Ризаэтдин. «Русские исторические книги нужно изучать очень внимательно и осторожно», – считает он (151, с. 65, 66).

Права русская пословица, которая гласит: «Кто платит деньги, тот и заказывает музыку». Один умный человек сказал: «История принадлежит народам, а историки царям». Продолжая эту же мысль, мы можем сказать: история «малых» народов принадлежит их «большим» братьям. Мы считаем, что нет «малых» и «больших» народов, а есть только многочисленные и малочисленные.

В последние годы появилось значительное количество литературы по истории татарского народа. К сожалению, и среди татарских историков нет единого взгляда на те или иные события, а публикуемые материалы иногда противоречат друг другу. Вместо того чтобы собраться за круглым столом и цивилизованно, по-джентльменски решать спорные

вопросы, эти разногласия, как желчь, выплескиваются на страницы газет и журналов, и авторы обвиняют друг друга во всех смертных грехах.

В связи с этим вспоминаю рассказ одного Московского ученого. Оказывается, он принял участие при защите докторской диссертации по истории татарского народа. Представители русскоязычной части членов ученого совета дали положительную оценку труду. Однако после выступлений оппонентов татарской национальности они резко изменили свое мнение – диссертация не была утверждена (позднее этот труд все же получил достойную оценку. – И.Г.). Он с сожалением говорил: «Почему татары так выступают друг против друга, хотят топить друг друга?»

Естественно, будет неверно, если мы обвиним только историков. Ведь татарскому народу, чтобы получить в истории свое законное место, пришлось преодолеть многочисленные преграды, пройти испытания. Здесь есть и объективные причины. Исторические документы пылали в огне в 1236 году и позднее, а не охваченные огнем также исчезли. Такое же повторилось и в 1552 году.

Что же было потом: «... особенно после поражения татар-ордынцев и их союзников, уничтожались во множестве «книги на татарском языке и бумаги с татарскими письменами» по всей Евразии вплоть до XVIII-XIX веков включительно» (199, с. 113).

Даже в 20 годы XX века продолжалась борьба с историей татар. Под предлогом борьбы с религией, уничтожались книги, рукописи, напечатанные арабским шрифтом. Подтверждая данную мысль, хотим сослаться на один документ. В 1930 г. из Буинского кантона в Городищенскую волость было направлено письмо следующего содержания: «Председателю Городищенского волисполкома т. Андрееву. В материале, поступившего из газеты «Эшче» (Рабочий) сообщается, что председатель Чукальского сельского совета Зайнуллин Нигматзян с 5 комсомольцами ходит по дворам и собирает религиозные книги. Не сдавшим добровольно эти книги граждан угрожает штрафом в сумме 25 рублей... Организационный отдел Кантонисполкома. 8/VIII.1930 г.» (НАРТ, ф. 2770, оп. 2, д. 10, л. 25).

Подливают масло в огонь публикации, связанные с историей других народов, в которых история татар выглядит в другом ракурсе, а авторы иногда выдают желаемое за действительное. В душе каждого человека должно жить чувство гордости за свой народ и те, кто хочет узнать, уточнить, воссоздать его историю, достойны внимания. Это необходимо также потому, что много лучших представителей, пожелавших приоткрыть занавес тайны над историей своего народа, были обвинены в «национализме» и даже лишены жизни. Однако это должно быть сделано не в ущерб истории других народов.

Ссылаясь на Татищева, один из авторов писал о тех болгарях, которые помогли русским в лихолетье, поставив им хлеба *по реке Оке* (выделено автором. – И.Г.), выражая при этом сомнение: «...чтобы доставить хлеб голодающим русским из известного по развалинам

Булгара, разве обязательно выходить сухопутьем сперва на Оку и только потом на ладьях - к Волге? Вот то-то и оно...» (77, с. 110).

Во-первых, В.Н. Татищев писал, что «болгары учиня мир, возили жито по *Волге* (выделено нами. – И.Г.) и Оке в все грады русские» (63, с. 117). В данном случае из текста Татищева пропущено лишь одно слово – «Волга», но содержание меняется в корне. У читателя может появиться сомнение: «В самом деле, Ока ведь от нас далека». Вот то-то и оно!

Во-вторых, что Ока и Кама притоки Волги и по этим рекам можно добраться до многих древнерусских городов, а болгары находились и находятся на Волге, должно быть известно даже посредственным ученикам, во всяком случае, этого требуют школьные программы.

Татарская поговорка гласит: «Не говори о том, чему люди не поверят, хотя все это и верно». К сожалению, есть историки, если их таковым можно назвать, которые в погоне за сенсацией пишут о таких фактах в истории своего народа, которые никем и ничем не подтверждены, и вызывают лишь недоумение и усмешку. Однако эти работы попадают не только в руки специалистов, а и неискушенным читателям, которые по ним могут сделать далеко идущие выводы.

Так, Г.П. Егоров пишет: «Богу было угодно, чтобы имя первочеловека связано с чувашским языком. Бог оказал этим чувашскому народу огромное доверие. По благоволению бога чувашский язык по праву может называться языком Адамовым, а чувашский народ – Родом Адамовым» (78, с. 17).

Далее он продолжает: «... значение чувашского языка в становлении и происхождении русского языка неопределимо велико. Частое использование звуков *й, к, п, р, с, т, я, х, ч*, также окончаний слов на *-ат, -ет, -ан, -ен, -ом, -ем, -ах, -ых, -ешь, -ший, -ий* в русской речи напрямую связаны с чувашским языком. Говорить об обогащении языка Адамова с помощью возникшего в XII-XVIII в. русского – это равносильно утверждению, что солнце всходит с Запада и садится на Востоке. Выше приведенные слова перешли к русским из чувашского языка. Пусть никого не обижает сравнение: хорошо, если в сегодняшнем «словарном запасе» русского языка будет, хотя бы 7-8 процентов исконно русских» (78, с. 91).

На основании созвучности некоторых русских слов с чувашскими, Г.П. Егоров пытается доказать об их чувашском происхождении. Приведем несколько примеров: **вй** (сила) – воин, **хёнет** (бьет) – гнет, **йывар** – тяжелый, **куç** – глаз, **çакӑр** (хлеб) – сухари, **чёлхе** (язык) – челюсть, **çёнё** (новый) – снова, **хёрес** (против) – крест, **сын** - человек, **армути** (полынь) – аромат, **шӑвӑт** (скользит) – живот и т.д. Правда, в некоторых случаях получается несуразица. Так, от **пуш ал** (пустая рука), якобы происходит пужал, испуг. А кого же можно пугать пустыми руками? Иногда используется и домысливание. Так, он пишет, что чувашское слово **ача** легло в основу слова (д) оча. **Видимо** (выделено нами. - И.Г.) от **тав ача** (спасибо детка) произошли **дев оча** – девочка –

девушка – дева. Хорошо, что он не знает таджикского языка, иначе слово «бача» (мальчик. – И.Г.) тоже вывел бы из чувашского.

Хотим вынести на суд читателей еще несколько «открытий» Г.П. Егорова. «Неферт – жена царевича (египетского. – И.Г.) Рахотепа по лицу – типичная чувашка. То же самое можно говорить о царице Нефертити и царе Тутанхамоне» (78, с. 20). Далее: «Имя Христос состоит из двух чувашских слов Херес Тус (Друг Креста). Имя Богородицы Марии также чувашское (78, с. 64).

Однако с этим могут быть не согласны украинцы, потому что одним из самых распространенных тезисов современной официальной украинской культуры является то, что их история на 1000 лет старше российской. «Мы арийская нация. Адам, Ева и даже Иисус Христос были украинцами», - заявляют они («Республика Татарстан», 2000, 5 декабря. Приложение «Деловой вторник» № 44).

Оказывается, как считает Г.П. Егоров, не только язык, но и гордость русского народа – деятели литературы, искусства являются выходцами из чувашей. Так, «Пушкин себя, А.С. Грибоедова, П.А. Катенина, П.А. Вяземского причислял к плеяде чувашей» (правда, при этом он ссылается на материал М. Ставского, который был опубликован в «Советской Чувашии». 1993. № 31. – И.Г.). Далее он продолжает, что И.С. Тургенев (Туркений) открыто говорил, что он потомок князей бывшего волжского государства (но это еще не означает, что из чувашей. – И.Г.) (78, с. 66), а Атос, Партос, Арамис, Артаньян – герои романа А. Дюма «Три мушкетера», названы шумерскими (чувашскими. – И.Г.) именами (78, с.106), потому что «жизнь и путь шумеров – это жизнь и путь чувашского народа. Шумерский язык - это чувашский язык» (78, с. 25).

Таким образом, мы еще раз подчеркиваем, что история должна быть точной и правдивой наукой, каждый народ – многочисленный или малочисленный имеет право найти в ней свое достойное место. Конечная цель правдивой истории – быть учительницей жизни. Конечно, история не повторяется, но именно история должна учить не повторять ошибок и не упорствовать в них. Она должна обобщать практику и делать из нее выводы. А также исследовать причины той или иной практики, как удачной, так и неудачной (95, с. 35).

Как писал В. Васнецов, «...только больной или плохой человек не ценит своего детства и юности... плох тот народ, который не помнит и не любит своей истории» (83, с. 9).

Приобщение к истории начинается со школьной скамьи, то есть учителя должны оказать помощь ученикам сделать первые шаги на исторической стезе. Однако до сих пор школа остается камнем преткновения в овладении исторической наукой. В «Программе для образовательных учреждений по истории», рекомендованной Управлением общего среднего образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, выделяется время на изучение историй Смоленского и Полоцкого, Черниговского и

Новгород-Северских княжеств, Галицко-Волынских земель, но вообще не упоминается Волжская Булгария, государство, которое получило свое достойное место во всемирной истории.

Если быть справедливым, то упоминание о булгарах в программе мы находим, но какое? «*Беспокойные соседи: хазары, болгары и варяги...*», то есть получается, будто болгары часто тревожили русские земли, что не соответствует действительности, о чем будет сказано в дальнейшем. Такой фальсификации не позволяли себе даже историки советского времени! Во всех источниках болгары выглядели как мирный, торговый народ. Еще Н.М. Карамзин писал: «Не имея духа воинского, любя торговлю, земледелие...» (29, с. 62).

Как показывают древнерусские летописи, в течение X столетия Киевская Русь организовала пять военных походов на Волжскую Булгарию (в 965, 977, 985, 994, 997 гг.). Ответный поход ни разу не состоялся. В XII и первой трети XIII века были взаимные походы. Всего из 16 зафиксированных летописцами военных походов 12 совершено русскими князьями и всего лишь 4 – волжскими булгарами. Эти данные полностью снимают вопрос о мнимой «агрессивности» булгар (202, 61, 62).

Не уделено внимания и Казанскому ханству, как мы увидим в дальнейшем, одному из развитых государств Восточной Европы. Правда, в подзаглавии «Казанское взятие» мы встречаемся с новым термином, впервые введенным в научный оборот: «*Героизм русских и татарских воинов*», то есть повлияла поговорка: «факты – упрямая вещь» (113).

Данную главу хотим завершить словами профессора А. Халидова из Санкт-Петербурга, который отмечает, что «существующая практика обязательного изучения истории Новгорода, Киева, Владимиро-Суздальской и Московской Руси в школах Поволжья, как единственной предыстории Российской империи и бывшего СССР, ущербна, дезориентирует учащихся, способствует выработке у них ложного исторического самосознания» (99, с. 11). В самом деле, школьные программы составлены таким образом, что выпускники школ лучше разбираются в истории зарубежных стран, нежели в истории родного народа.

Волжско-Камская Булгария: миф или реальность?

*Выявлено и доказано, что Волжская
Булгария была страной с развитыми
земледелием, градостроительством,
ремеслами и торговлей.*

М.Х.Хасанов

*Теперь, кажется, уже всем ясно:
никакой Великой Булгарии на Каме в
домонгольский период не существовало.*

М.С.Глухов

В «Большой Советской энциклопедии» читаем следующее: «Около VIII века на Средней Волге образовалось большое, относительно культурное государство Волжско-Камская Булгария, распространившее свою власть на множество тюркских и урало-алтайских племен и охвативший бассейны этих двух рек с их притоками (8, с. 570).

В школьных учебниках сообщается, что в IX в. н.э. у восточных славян складывается феодальное государство Русь. Далее читаем, что на Средней Волге сложилось государство Волжская Булгария; эти болгары были одними из предков татар Среднего Поволжья и чувашей (24, с. 35, 37, 38). Других сведений о Волжской Булгарии в данном учебнике почти нет (есть лишь несколько упоминаний в связи с походами русских князей на болгарские земли, о чем будет сказано позже. – И.Г.).

Авторы учебников посвящают отдельные подтемы Галицко-Волынскому княжеству, Владимиро-Суздальской земле и др. (о чем частично было сказано ранее. – И.Г.), однако, история одного из больших раннефеодальных государственных объединений Восточной Европы, которое по своему социально-экономическому и политическому развитию становится в один ряд с крупными государственными образованиями Евразии, остается за пределами школьных учебников.

Может быть, поэтому мы встречаем сомнения: «...такой народности, как болгары, в низовьях Камы, очевидно, никогда и не существовало»; «следовательно, не может быть и речи о якобы имевшей место в истории Камской Булгарии»; «теперь, кажется, уже всем ясно: никакой Великой Булгарии на Каме в домонгольский период не существовало» (77, с. 108, 126, 128).

Автор такого рода сомнений М.С. Глухов отмечает, что «...как были сомневающиеся в реальном существовании когда-либо «камских болгар», так они и остаются. И среди них – выдающийся историк и археолог современности Борис Александрович Рыбаков» (77, с. 109). Но у этого же выдающегося историка читаем, что в IX в. «на Средней Волге сложилось государство Волжская Булгария; эти болгары были одними из предков татар Среднего Поволжья и чувашей» (23, с. 36). М.С. Глухов далее продолжает: «К сожалению, кое-что о «Великих Булгарах на Каме», как всегда, ничем *не подтвержденное*, попало и в рубрику «Неизвестные страницы» новейшего спецвыпуска журнала «Родина» (1977. № 3-4) (77, с. 126).

Он же дважды отмечает: «Во второй половине XIII века на Средней Волге такого народа, как болгары, уже не было. Его с некоторым опозданием, но, видимо, с основательной переоценкой всего им же написанного, признал и Р.Г. Фахрутдинов, такой убежденный, казалось бы, болгарист. На странице 180 своей работы «История татарского народа и Татарстана» он прямо пишет, что в составе Казанского ханства *никаких болгар не было*» (выделено автором) (77, с. 116, 130).

М.С. Глухов, вероятно, незнаком с последними работами Р.Г. Фахрутдинова, который в № 8 журнала «Мирас» за 1998 г. заявляет: «Сейчас «болгаристами» признают тех, кто в этнической истории татарского народа, никого, кроме болгар, не хочет увидеть. Я... не из таких».

В действительности же, Р.Г. Фахрутдинов приводит слова Андрея Курбского – участника взятия Казани в 1552 г., одного из воевод в армии Грозного: «...бо кроме татарского языка, в том царстве 5 различных языков: мордовский, чувашский, черемисский, воитецкий, або арский (удмуртский), пятый башкирский». Далее автор продолжает: «...Не трудно понять, что здесь названы народы, говорившие на этих языках» (82, с. 180). Курбский не историк и не филолог, поэтому для него все казанцы были татарами. Он не разделял их на болгар, ногаев, ногайцев, половцев и т.д.

Заслуживает внимания в данном случае признание М.М. Хабибуллина, который говорил, что «...вначале я был болгаристом. Но стал изучать китайские источники. О киданях, татарах. Выяснил, что среди болгар было много угров. Например, мать Кубрат-хана была из угров. Сегодня я занимаю более гибкую позицию. Наши корни очень смешанны. Даже Иван Грозный был потомком Мамаю» («Крис», 1997, 26 марта).

Р.Г. Фахрутдинов в той же книге пишет, что появились болгары в Среднем Поволжье на территории нашего Татарстана и прилегающих землях южнее и юго-западнее где-то в конце VIII - начале IX вв. (82, с. 54).

Эту же мысль подчеркивает А. Белавин, который отмечает, что «огромное значение для развития экономических и этнокультурных

связей народов Приуралья имело появление на Нижней Каме болгар и возникновение здесь к началу X в. одного из наиболее экономически развитых государств раннесредневековой Европы – Волжской Болгарии» (99, с. 162).

Заявления М.С. Глухова о том, что «...ни одна археологическая экспедиция еще не обнаружила в пределах т.н. «Камской Булгарии» домонгольского периода хотя бы остатков культовых сооружений...» (77, с.108), «...что касается собственно болгарского ни археологи, ни архитектор Халитов и его коллеги обнаружить не смогли» (77, с. 113), «...обнаружение хоть какого-нибудь черепичного осколка, пусть очень отдаленно напоминающего нечто «болгарское», преподносится ими как великое открытие, в газетах сразу же появляются «сенсационные» сообщения» (77, с. 117) не находят подтверждения в уже упомянутой книге Р.Г. Фахрутдинова: «...приход болгар на Среднюю Волгу подтверждается археологическими данными. Эти остатки материальной культуры, которые исследованы в Татарстане и прилегающих районах, например в Ульяновской области, очень похожи на материалы археологических памятников бывших болгарских земель Приазовско-Прикубанского юга. Это особенно ярко проявляется в материалах раннебулгарских могильников» (82, с. 56, 57).

Р.Г. Фахрутдинов с 1959 г. возглавлял археологические экспедиции и прошел вдоль и поперек большую часть территории Татарстана и сопредельных районов. В результате было обнаружено и обследовано более 1200 новых памятников различных археологических эпох и культур, раскопками обнаружено более 50 тыс. находок, изучено около 100 разнообразных объектов (80, с. 3). Он пишет: «...большое число домонгольских городищ западного Закамья и Предволжья – а их к настоящему времени известно более 70 с мощной обороной от 1 до 4 рядов валов ... и наличие вокруг них нескольких окружающих селищ...» (57, с. 31). В книге представлены карты и планы этих городищ.

В географическом трактате неизвестного автора «Хөдүд-эл-галәм» («Пределы мира») написанного в 982/983 г. в Афганистане есть сведения, хотя уже устаревшие к тому времени, о том, что «Булгар – небольшой по площади город, расположенный у берега Волги. Живущие там все мусульмане; из этого города выходят 20 000 всадников. Несмотря в каком количестве войско яуров (неверных), они воюют с ними и побеждают. Это место крепкое, богатое. Сувар – город около Булгар. Живущие в нем, также борцы за религию» (179, с. 46).

О том, что в Волжской Булгарии, помимо широко известных в арабском мире Булгара и Суvara, существовало и множество других городских поселений, сохранились данные в целом ряде средневековых источников.

В частности, в древнерусских летописях домонгольского периода упоминаются столица Булгарии Великий Город (отождествляемый с Булгаром), Ошель, Брахимов, Тухчин городок, Собекуль, Челмат,

Торцьск (99, с. 25). За очень редким исключением ранние слои всех постоянных поселений, в том числе и столичных центров: Булгара, Суvara, Биляра, относятся ко второй половине X в. (99, с. 25, 102)

В письме Иосифа Кагана Хазарского (написано не позднее осени 961 года нашей эры) еврейскому сановнику при дворе кордовского халифа Абд-ал-Рахмана III (912-961) Хасдаю Ибн Шафруту среди других народов, проживающих на берегах Итили упоминаются буртасы, **булгары** (выделено нами. – И.Г.), вотяки, черемисы, славяне и др. (207, с. 24-25).

Приведем и извлечение из описания путешествия к монголам францисканца Платона Карпини, предпринятого по поручению папы Иннокентия IV в 1246 г.: «Среди земель захваченных татарами Биляры, то есть Великая Болгария» (там же, 181).

П.И. Рычков упоминает города Булгар, Биляр, Жукотин, Ошель. Подчеркивает о наличии близ нынешнего городка Ташлы Симбирского уезда на горе здания болгарского городка Ташлы (на наш взгляд, речь идет о городе Тетюши. - И.Г.). Он также отмечает о вывозе значительного количества камней из великого города Сарачина, расположенного в 60 верстах от г. Гурьева, для строительства крепости Гурьев. Далее, опираясь на Лызлова, он пишет: «Татары основали много городов: Булгар, Балымат, Куман, Корсун, Тура, Казань, Арейск, Гормир, Орнач, Сарай Великий, Чалдай, Астрахань» (171, с. 22, 23, 26).

В энциклопедии «Отечественная история», изданной в 1994 г., мы читаем: «Булгар средневековый город. Упоминается арабскими авторами с 10 в. (аль-Балхи, аль-Джувайни, Ибн Фадлан), позже в русских летописях. Один из центров торговли и ремесла, древний центр мусульманства. В конце X-XI вв. столица Булгарии Волжско-Камской. Укрепления Булгара в X в. состояли из двух рвов и деревянной стены по краю внутреннего рва. За пределами города в X-XI вв. существовало несколько поселков (позже поглощены городом). До конца XIII в. столица Золотой Орды (111, с. 306).

Среди народов, перечисленных в соседстве с Русской землей в «Слове о погибели Русския земли» упоминаются и болгары (207, с. 126).

Абу Хамид ал - Гарнати, побывавший в Булгарах в 1133-34 и 1135-36 гг., писал: «...а Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов. Когда день длинный, то длина его двадцать часов, а ночь – четыре часа. Я постился там в месяц рамадан летом и нарушил пост» (91, с. 30).

Однако М.С. Глухов и здесь высказывает сомнение: «очевидно, тогда – то и было основано поселение в золотоордынское время, переросшее в город Булгары на Волге, недалеко от устья Камы, поскольку в источниках домонгольского периода этот город не упоминается» (77, с. 207).

Р.Г. Фахрутдинов отмечает, что «важную категорию письменных источников составляют русские летописи, в которых содержится много ценного по политической истории Булгарского государства, его международным связям. Историческая ценность русских летописей заключается в том, что в них наиболее точно указаны даты важнейших событий и болгарской истории» (57, с. 6). При этом он ссылается на Никоновскую, Симеоновскую, Холмогорскую, Лаврентьевскую, Воскресенскую, Вологодскую, Новгородские и другие летописи. А это уже не «рукописи сомнительного происхождения», как считает автор «Татарики»

П.И. Рычков писал следующее: «Около Камы, Волги и Яика... обитали болгары по их бывшему купечеству, и многим ремеслам, как сильной, богатой, и в городах обитавший народ, за знатнейшей признавался».

Далее он продолжал так: «Архимандрит Рагужский, сказуя о болгарях объявляет... остановились они в пространных местах около реки Волги, и назывались от нея волгарами, а потом болгарями. Побывшишь тут, одна из них часть вышла на Дунай, и пробрались во Фракию (речь идет о сыне Кубрат хана Аспарухе, который увел свои племена на берега Дуная. – И.Г.). В прежних местах (на Волге) осталось немало болгар» (171, с. 2, 3, 11).

Ф.Ш. Хузин, исходя из материалов археологических исследований 1994-1998 гг., пишет, что Волжская Булгария за пределами страны была известна как «великое и могущественное царство с богатыми городами». Население ее состояло преимущественно из тюркоязычных племен, проникавших в Средневожско-Нижекамский регион неоднократно волнами почти на всем протяжении I тысячелетия н.э., а также местных поволжских финнов и угров.

В настоящее время на территории Татарстана и сопредельных областей – Ульяновской, Самарской, Пензенской, а также в соседней Чувашии известно около 170 городищ, более 700 селищ, несколько десятков могильников и прочих археологических памятников, датируемых в пределах X – начала XIII в. (т.е. домонгольского периода. – И.Г.) (93, с. 5).

Монах-путешественник из далекой Венгрии Юлиан, посетивший в 1235 г. Волжскую Булгарию, писал: «Булгария – великое и могущественное царство с богатыми городами (125, с. 43).

Великой Болгарией называют Волжскую Болгарию периода монгольского нашествия и другие европейские источники; в частности, записки католических монахов Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Они же пишут и о едином болгарском народе, «крепче держащийся закона Магометова, чем кто-нибудь другой». Любопытно, что Рубрук Булгарию на Дунае называет «Малой Болгарией» и полагает, что «болгары, которые живут за Дунаем вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии» (61, с. 10).

В.Н. Татищев в своей работе об истории России отмечает следующее: «По сообщениям Геродота и Пенния болгары были мирными и поклоняющимися Богу: к ним приезжали поклоняться из дальних земель; они жили в городах, были склонны к торговле и разным ремеслам.

Главный город у них был Боогорд, признавая, якобы и имя Болгар от сего города; а не от реки Волги произошло, что я оставляю на рассуждение искуснейших. Стоял у них сей город ниже устья Камы реки верст с 30, от Волги лугами отделен верст на 7.

Строений было там весьма много, и поныне де видимо онаго в развалинах кругом верст на пять, а иные де сказывают верст на шесть или на семь» (171, с. 20).

На наш взгляд, эти сообщения являются одними их неоспоримых доказательств о существовании города Булгар.

Академик А.Х. Халиков в своих многочисленных трудах, посвященных истории татарского (булгарского) народа, написанных на основе личных наблюдений в ходе археологических раскопок, сообщает, что еще в начале 30-х гг. X в. были заложены основы городов Булгар, Сувар, Ошель и др. Археологами учтено около 200 древних укрепленных городов и замков (63).

Особую главу он посвятил главному городу Булгарии – Биляру, на территории которого с 1967 г. ведутся регулярные археологические исследования. По их результатам установлено, что г. Биляр с пригородами занимал территорию до 800 га. Также даются аэрофотоснимки останков города и хода раскопок. (63, с. 62, 63, 64, 73). Как известно, фотоаппаратура беспристрастна, она может выдать снимки лишь реальных объектов. Таким образом, археологические исследования позволяют утверждать, что домонгольский Биляр являлся крупнейшим торгово-ремесленным центром не только в Булгарии, но и в обширном регионе Северо-Восточной Европы. Его становление явилось результатом социально-экономического и политического развития государства, активизации международной и внутренней торговли (99, с. 149).

П.И. Рычков, ссылаясь на Лызлова, писал: «Они (волжские болгары. – И.Г.) в русских летописях называются нижними булгарами. Великий князь Владимир Святославович вел с ними многократные войны, подчинил их, заставил платить дань: правда, они часто отказывались от подчинения» (171, с. 12).

Несколько слов о мифических булгарах, про которых пишет М.С. Глухов: «...тем не менее **мифы** (выделено нами. – И.Г.) о каких-то «серебряных» камских булгарах еще живы и практически беспрепятственно расползаются по книжным страницам» (77, с. 126). Выходит, выдающийся русский историк С.М. Соловьев, через сто с лишним лет после своей смерти, из автора многотомной истории России превратился в автора мифов. Ведь это он писал: «...в 1184 г. с осемью князьями выступил Всеволод в поход водою по Оке и Волге; вышедши на

берег, великий князь оставил у лодок белозерский полк... - и пошел с остальным войском на конях к великому городу *серебряных* (выделено нами. – И.Г.) болгар (50, с. 624).

Этим сообщением мы хотим еще раз подчеркнуть то, что город Булгар был крупным торговым центром еще в X веке.

Если судить по документам, Волжско-Камская Булгария ровесник, даже старше, Русского государства, так как оно существовало с VIII по XIV вв. (6, с. 774), а временем образования государства Русь следует считать начало или первую половину IX в. (24, с. 45). Это же подтверждает Л.Н. Гумилев, который временем создания Камской Булгарии считает VIII-X вв., а русских удельных княжеств - X-XII вв. (16, с. 272, 273).

В XII веке источники, особенно русские летописи, очень хорошо знают только булгар (летописи называют их болгаре), как единый народ, болгарских князей, страну булгар – Болгарскую землю. В XI-XII вв. видные представители волжских булгар считали честью носить этнонимическую приставку к имени, так называемый тахаллус – ал-Булгари: историк Якуб бин Ногман ал-Булгари, философ Хамид бин Идрис ал-Булгари, теолог Хужа Ахмет ал-Булгари и др. (61, с. 7-9).

Как отмечал Г.Н. Ахмеров, русские летописи о булгарах начинают упоминать с 913 года. Они называют их белыми болгарами, свободными болгарами, т. к. ушедшие к Дунаю были покорены хуннами. Юнаны называли последних черными болгарами, а живущих в Поволжье – великими болгарами (151, с. 35).

Имамixon Мухаммадтаги – профессор Тегеранского университета подчеркивает, что болгары в 482 г., в период правления императора Зенона, отделились от гуннов и предприняли акт переселения. Предположительно в конце VI в. они вступили в район Этиля. В этом районе болгары встретились с некоторыми тюркскими группами, остатками бывших гуннов: с суварамы, а также тюркизированными финно-уграми и местными финно-уграми (99, с. 73).

Р.Н. Безертинов сообщает, что в 650 г. после смерти Хана Кубрата его сын Кодрак со своими людьми отступает до Этиля, Камского бассейна. Эти люди, в основном состоящие из отуз-огуров (булгары), здесь объединились с тюрками, которые остались от хуннов-сабаров и т.д.; и весь этот бассейн – северные границы Хазарского Каганата - усилился за счет пришлых тюрков (107, с. 134).

М.З. Закиев пишет, что после распада Великой Булгарии в конце VII в. часть булгар под предводительством сына Кубрата Котрага начинает борьбу за верховенство в Биармском государстве, расположенном в бассейне Волги-Камы. Однако только через 200 лет, т.е. к концу 9-го столетия, они прибрали к рукам это государство (126, с. 278).

Ф.Ш. Хузин, который долгие годы проводит важные археологические раскопки и занимается изучением истории татарского народа, также подтверждает, что «окончательно государство волжских

булгар сложилось в начале X в. Далее он продолжает, что в это время делаются первые шаги по установлению дипломатических отношений с Багдадским Халифатом (921-922 гг.), начинается строительство городов и крепостей (125, с. 37).

3.3. Мифтахов, автор учебников по истории татарского народа, отмечает, что в Поволжье княжество Булгар возникло в 760 г. Оно образовалось на основе княжества Атиль, возникшего еще в начале I в. н.э. Временем возникновения государства Волжско-Камская Булгария он считает середину 60-х гг. IX в. (90, с. 175, 166).

Сведения о Булгаре раннего периода черпаются главным образом из сообщений авторов, писавших на арабском языке. Эти источники выявлены востоковедами, переведены и прокомментированы.

Это подчеркивает И. Коновалова, которая пишет, что все арабские путешественники по Восточной Европе X-XIV вв., оставившие записки о своих поездках по этому региону, – Ибн Фадлан, Абу Хамид ал-Гарнати и Ибн Батута, – посетили столицу волжских булгар. Поэтому сведения об этнополитической географии, истории и культуре Волжской Булгарии отложились во многих средневековых памятниках на арабском языке (99, с. 21). Хотя М.С. Глухов пишет, что, по достоверным источникам, Ибн Батута никогда и не посещал Восточную Европу (77, с. 140), в энциклопедии «Я познаю мир» имеется карта, на которой указан маршрут путешествия Ибн Батута. Он пролегает через Волжскую Булгарию (109, с. 282).

Абу ал - Гарнати посетил город Булгар в 1134 г. Об этом он оставил свои записки под названием «Төхвәтеләхбаб фи гажаибид – дөнъя». Две копии данной рукописи имеются в библиотеке Күпреле г. Стамбула (79, с. 141, 142).

Правда, М.С. Глухов подвергает сомнению пребывание в Булгарии Ибн Фадлана, ал-Гарнати, а также выражает недоверие к переводчикам на русский язык записок Ибн Фадлана. Он пишет, что «Записки» ходили только в списках и в самых различных вариантах, и достоянием науки стала лишь т.н. «Мешхедская рукопись», обнаруженная сравнительно недавно (77, с. 122).

Данная работа в свое время была переведена на татарский язык выдающимся мыслителем, просветителем, историком и педагогом, писателем и журналистом Р.С. Фахретдиновым (1859-1936 гг.). Перевод был сделан из книги Якупа Хамави (XIII в.) «Словарь стран» («Илләр сүзлеге») (79, с. 12). Р.С. Фахретдинов подтверждает, что Ибн-Фадлан был именно в Волжской Булгарии. Кстати, он, сам того не подозревая, дает пояснение сомнению М.С. Глухова, который пишет: «...где и как принять более пяти тысяч человек и несметное количество животных?» (77, с. 125). У Р.С. Фахретдинова читаем: «вышли вместе из Багдада или присоединились в пути, все ли направляются в Булгар?..» (79, с. 64).

Чтобы и в дальнейшем рассеять сомнения, обратимся к В.О. Ключевскому, крупнейшему русскому историку второй половины XIX –

начала XX в., который родился почти на 20 лет раньше Р.С. Фахретдинова. Так, В.О. Ключевский писал: «...но араб Ибн-Фадлан в начале X в. видел на волжской пристани, по всей вероятности у города Болгар, большое изображение какого-то бога...» (35, с. 133).

А.П. Ковалевский писал, что книга Ибн Фадлана составляет золотой фонд источников, относящихся к истории народов СССР («Казан утлары», 1986, № 11, 183).

Первый в России профессор восточных языков Х. Френ, прибыв в Россию из Германии в 1807 г., около десяти лет преподавал в Казанском университете, занимался сбором восточных монет и исследованием местоположения городов Восточной Булгарии. В 1823 г. он на основании рукописей, поступивших из Египта в Азиатский музей, подготовил публикацию сведений о волжских булгарах путешественника X в. Ибн Фадлана, содержащихся в сочинении ученого конца XII – начала XIII в. Йакута. В том же году Френ опубликовал полный арабский текст и перевод на немецкий язык всех заметок Фадлана, содержащихся в названном труде (116, с. 27, 134).

Чтобы вызвать сомнение в пребывании Ибн Фадлана в Волжской Булгарии М.С. Глухов ссылается на Й. Маркварт, который выдвинул версию о том, что Ибн Фадлан, должно быть, столкнулся в Камской Булгарии с необычным для южного человека явлением «северного сияния», а затем сам же стал доказывать, что на 55-й широте и ниже такого не могло быть (77, с. 124).

Позволим не согласиться с этим, потому что автор данных строк в детстве дважды наблюдал северное сияние. Это было удивительное зрелище, и оно до сих пор перед глазами. Я родился в Дрожжановском районе, который находится даже южнее 55-й широты. Мы это наблюдали вместе с бабушкой и мамой (пусть им земля будет пухом), при этом они читали молитву.

На канале «Россия 1» 8 марта 2012 г. в 20.25 прозвучало следующее сообщение: «В связи с вспышкой магнитной бури на Солнце в Москве можно будет наблюдать северное сияние». А Москва тоже находится на вышеуказанной широте.

Сицилийский ученый-географ ал-Идриси сам не бывал в Восточной Европе, но ему удалось собрать богатейший и в ряде случаев уникальный материал о различных странах и народах нашего региона – Древней Руси, Волжской Булгарии и др. Ал-Идриси писал, что Ал-Булгар – это название города. Среди его жителей есть христиане и мусульмане. В нем имеется соборная мечеть. Близ него расположен г. Сувар. Его постройки деревянные, в них укрываются его жители зимой, а летом - в шатрах (99, с. 22).

Страна Булгар и город Булгар изображены на карте, составленной им в 1154 г. (61, с. 7).

В новейшем «Энциклопедическом словаре» мы читаем, что Булгария Волжско-Камская является государством булгар волжско-

камских, финно-угорских народов в Среднем Поволжье и Прикамье в X-XIV вв. Булгары волжско-камские – тюркоязычные племена, кочевавшие в Приазовье в VII в., затем переселились в Среднее Поволжье. В X-XIV вв. они основное население Булгарии Волжско-Камской (101, с. 131). Булгарами назывались не только первоначальные болгарские племена, но и все тюркские племена, входившие в состав населения Волжской Булгарии (99, с. 64).

О булгарах мы узнаем и через историю Киевской Руси. «Святослав подчинил последнее независимое от Киева восточнославянское племя вятичей, плативших дань Хазарии и контролировавших торговый путь из Киева в Волжскую Булгарию (964-967 гг. – И.Г.). Вслед за тем настал черед и самой Волжской Булгарии. Фактически под контроль Руси перешла огромная территория от Нижнего Поволжья до границ с Волжской Булгарией» (129, с. 23).

Далее, «...Владимир пошел войною на болгар камских. Те болгары не были славяне. Издавна отделились они от своих единоплеменников. Жили в тех местах, где Кама сливается с Волгою, и выше, где ныне город Казань. В ста двадцати трех верстах от берега была у них столица под названием: Болгары (83, с. 17). Тогда же был подписан договор о мире и торговле с мусульманской Вожской Булгарией, что позволило укрепить торговые связи с арабским миром.

Об этом писал и П.И. Рычков: «Великий князь Владимир I еще до крещения призвал дядю своего Добрыню с новгородским войском, и с ними совокупясь Волгою на насадах вниз к Булгарии пустились. В то время низовские и Камские Болгары по малом сопротивлении покорились, и платить дань обещали, с таким утверждением вечного мира, что он тогда перестанет, когда будет камень по воде плавать, а хмель на дно грязнут» (171, с. 16).

В это же время мусульманами Волжской Булгарии был составлен договор о дружбе и торговле. Это в свою очередь позволило укрепить их связи с арабским миром и усилить торговлю с ними (129, с. 26).

За контроль торговыми путями воевал с Волжскими булгарами и Юрий Долгорукий. Эту политику продолжал его сын, который крепко держал в своих руках ключи от Волжского торгового пути Андрей Боголюбский. Всеволод Большое Гнездо также воевал против Волжской Булгарии (129, с. 38).

Здесь мы и находим ответ на вопросы М.С. Глухова – русские же не воевали с с мифическими государствами! Ведь и Н.М. Карамзин подчеркивал: «Казанскую Булгарию Батый покорил раньше Руси...» (145, с. 366).

По сообщениям современных историков, усиление Булгарии приходится на XI – первую половину XII в., когда болгарские правители распространили свою власть и на Среднюю и Нижнюю Волгу. В частности, в городе Саксине, построенном на месте разрушенного Атиля, сидел в середине XII в. болгарский Эмир, а в 20-х гг. XIII в. болгарские

заставы находились на берегах Яика (Урала). Выросло и число городов в самой Булгарии (105, с. 90).

Большой и оригинальный материал содержится в исторических атласах России, изданных до 1917 г. Среди них привлекает внимание «Исторический Атлас России» Н.И. Павлицева (1873 г.). Он открывается картой, на которой показана Россия в 862 г. В это время на территории современного Татарстана проживали болгары. Их столица относилась к важнейшим городам, равным по величине Мурому, Суздалью, Чернигову (99, с.76).

Спорным является вопрос о том, где проходили границы Волжской Булгарии. В официальных источниках они выделяются следующими параметрами: север – р. Казанка, восток – р. Агидель, юг – Самарская Лука, запад – р. Свияга. Однако, на наш взгляд, эти границы значительно уменьшены и являются лишь границами так называемой «внутренней Булгарии».

Е.П. Казаков писал, что «последняя четверть X-XI вв. является периодом наиболее сильного культурного, экономического и политического воздействия волжских болгар на население сопредельных территорий. Активная «булгаризация» шла в регионе Марийского и Чувашского Поволжья. Возможно, в это время формируются чуваша – в основе своей тюркизированные поволжские финны, «суаслы мари». Бассейн р. Казанка с конца X в. уже, несомненно, можно включать в состав земель Волжской Болгарии (93, с. 68).

А. Белавин подчеркивает: «...вероятно, уже к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки, где уже в XI-XII вв. возникает русская Вятская земля) становится частью территории Волжской Болгарии, ее своеобразной угро-финской периферией. Здесь возникают и функционируют вплоть до XIV-XV вв. болгарские городки Афкула, Ыбыр и Чулман, бывшие важнейшими опорными пунктами сбора налогов и контроля над торговцами на Камском торговом пути. В целом Пермское Приуралье (Верхнее Прикамье) было хорошо известно в арабском мире как «страна и народ Вису», платящая налоги в казну царя Волжской Болгарии (99, с. 163, 167).

Академик М.З. Закиев определяет следующие параметры границ Волжской Булгарии. Северные границы доходили до Новгородских земель, далее граница доходила до южной части Перми, до Тюмени. Продолжая традиции Биармии (Биармия – страна, которая, по определению М.З. Закиева, располагалась на крайнем северо-востоке Европейской части России. – И.Г.), болгары через Югорские земли выходили к Северной Двине и далее через Белое море доходили до Скандинавских стран.

В литературе имеются сведения о поездках болгарских ученых далеко на север с целью изучения небесных тел, а также о переходе болгар через Урал и достижении ими берегов Оби (115, с. 171). Эти

сведения подтверждают, что границы Волжской Булгарии и в северо-восточном направлении достигали значительных размеров.

Сведений о Биармии мы находим и у Г.Н. Ахмерова, который пишет, что на нынешней территории Пермской и Вятской губерний в далеком прошлом существовало государство Великая Биармия. Население Биармии, с народами Северной Европы.... После распада Биармии основная роль в развитии торговых отношений этого края с зарубежными странами перешла к булгарам (151, с. 37, 38).

Об этом крае пишет и П.И. Рычков: «Сему явный пример Пермия, бывшее государство немалое и язык особой, которой по овладении оною Россиянами, и по введении христианства сперва так же стал мешаться с российскими, а ныне уже совсем почти пропал» (171, с. 14).

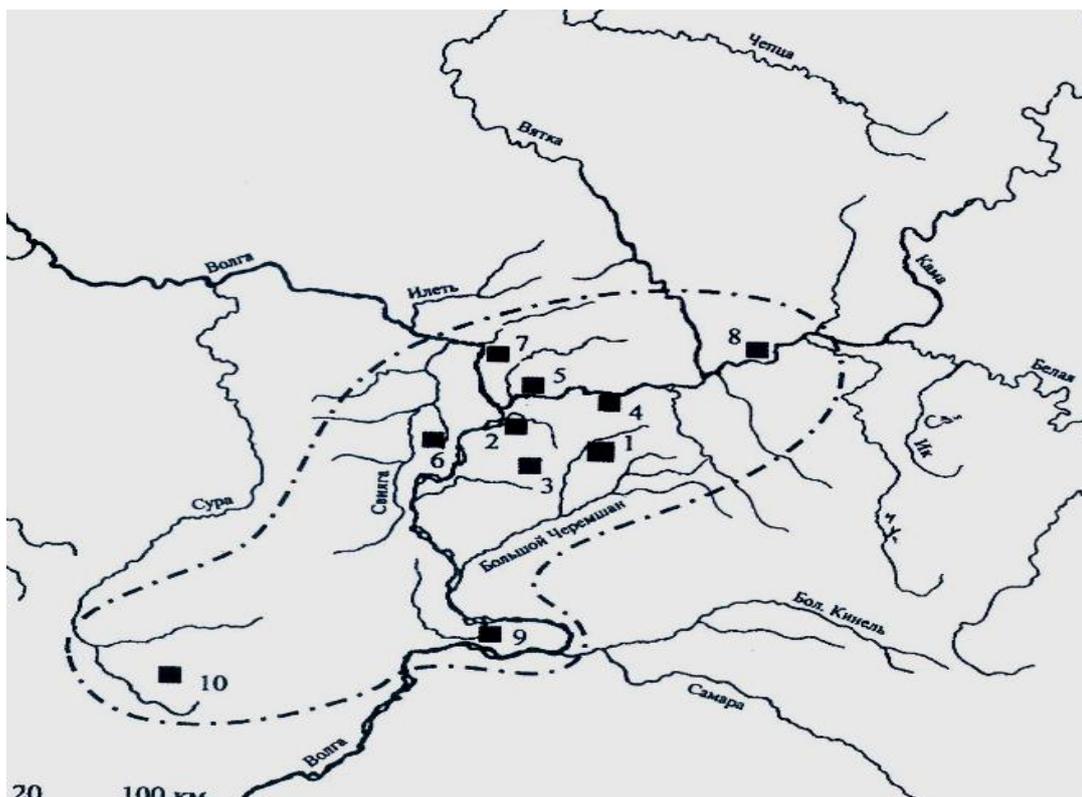
С. Герберштейн тоже оставил свое мнение по данному вопросу: «Великая и обширная область Пермия отстоит от Москвы к Северо-Востоку на 250 (или 300) миль» (89, с. 134).

Восточные границы не ограничивались рекой Джаек (Урал), доходили до Нижнего течения реки Иртыш. Здесь западносибирские местные тюркские племена были в дружеских отношениях с башкирским государственным образованием семи крупных племен, может быть, даже подчинялись им. По сообщению арабских источников, эти племена сами признавали свою зависимость от Волжской Булгарии.

Юго-восточные границы Булгарии, по мнению М.З. Закиева, доходили до границы Хорезма. Когда буртасы полностью подчинились Булгару, Хазарское государство было разгромлено русскими войсками, южные границы Булгарии XII в. расширились до Каспийского моря; хвалисы, по этнониму, которых Каспийское море называлось тогда Хвалиским, входили в состав населения Булгарии. На юго-западе границы Булгарии и Алании, на западе границы Булгарии и Киевской Руси были общими.

После захвата в 1236 г. татаро-монголами Волжская Булгария продолжает функционировать в составе Золотой Орды, а территория ее резко сужается (99, с. 65).

По мнению Ф.Ш. Хузина, территория Волжской Булгарии выходила за пределы современного Татарстана. Многочисленные болгарские поселения обнаружены археологами в Ульяновской, Самарской, Пензенской областях. Отдельные памятники известны также в Пермском Приуралье (125, с. 38). Об этом свидетельствует приводимая ниже карта:

Территория Волжской Булгарии в X- в начале XIII в. На карте отмечены основные города Булгарии: 1) Биляр; 2) Болгарское городище; 3) Сувар; 4) Джукетау; 5) Кашан; 6) Ошель; 7) Казань; 8) Алабуга; 9) Муромский городок; 10) Юловское городище.

Западный ученый Густав Бурбиел писал следующее: «Современные Казанские или Волжские татары – потомки Волжско-Камских булгар и тюрков-половцев, прибывших из Средней Азии на Волжско-Уральский регион в XIII , также тюркизированных финских племен. Тюркоязычные племена в этот регион прибыли в VII в. В IX в. они, расширяясь, включили в свой состав и башкир, проживавших на Западе Урала» (179, с. 43).

В учебнике, изданном более 10 лет назад для высших учебных заведений читаем следующее: «К концу первой половине XII века болгарские правители свое влияние распространили до Средней и Нижней Волги. В отдельности в середине XII века в городе Саксин, построенного вместо разрушенного Итил, сидел болгарский эмир, а в 20 годы XIII века на берегах Яик (Урал) находились болгарские заставы.

Влияние болгарских правителей распространилось также до Южного Урала, в частности, до земель башкурт, которые в наше время называется Башкирией (105, с. 90).

Таким образом, можем говорить, что еще в домонгольский период в Восточной Европе появилось крупное государственное образование под названием Волжско-Камская Булгария, страна цветущая, изобильная, имеющая самобытную культуру, крупные экономические и торговые

центры, тесные связи с Русью, Арабским Востоком, Скандинавией и т.д. (обо всем этом будет сказано в последующих главах).

В одном из своих интервью президент АН РТ академик М.Х. Хасанов сказал: «...выявлено и доказано, что Волжская Булгария была страной с развитыми земледелием, градостроительством, ремеслами (в том числе металлургией) и торговлей. Высокоразвитая материальная и духовная культура Булгарии оказала существенное влияние на быт и образ жизни народов Поволжья и Приуралья» («Республика Татарстан», 1999, 21 октября).

История Волжско-Камской Булгарии имеет большое значение для изучения раннефеодальных государств на территории бывшего СССР, освещения прошлого тюркоязычных и финно-угорских народов. Она содержит в себе ряд важнейших моментов взаимоотношений Булгарского государства со своими ближайшими соседями, и в первую очередь с Русским государством, позволяет решить сложные вопросы истории народов Поволжья (57, с. 3).

Как отмечалось на Международном симпозиуме, на протяжении 600 лет, с IX по XIV вв., Волжская Булгария оказывала настолько сильное культурное, экономическое и политическое воздействие на своих соседей, что отмеченный период времени для обширных регионов Северо-восточной Европы можно с полным правом назвать болгарской эпохой. На соседей оказывали влияние и более высокая политическая, экономическая и культурная организация болгар (99, с. 101). Поэтому любой человек, интересующийся историей своего народа, должен хорошо знать о Волжской Булгарии – древнем государстве их предков, ее связях с другими странами, роли в истории народов Поволжья и Урала.

Булгар или Пулкар?

*Пулкар было чувашским
государством.*

Г.П. Егоров

*Ко второй половине X века на
основной территории Волжской Булгарии
чувашей не осталось.*

А.П. Ковалевский

Из источника в источник переходит утверждение, что булгары были одними из предков татар Поволжья и чувашей. Однако кто-то принимает за истину только вторую часть. При этом они ссылаются на русского ученого, исследователя чувашского языка и фольклора Н.И. Ашмарина, считавшего единственными потомками булгар только чувашей (102, с. 5). Если следовать логике Г.П. Егорова, то вышеуказанный ученый является чувашем по происхождению. Рассмотрим этимологию фамилии «Ашмарин». Слово «аш» переводится с чувашского на русский язык как «мясо», «мар» – «нет», а - ин – это суффикс, то есть «Ашмарин» буквально переводится как «человек без мяса» (Н.И. Ашмарин в 1926 г. был назначен профессором кафедры турецко-татарского языкознания Восточного педагогического института – в последствии Казанский государственный гуманитарно-педагогический университет. Архив КГПУ, опись № 398, д. № 2- 00).

О том, что Н.И. Ашмарин из чувашей находим подтверждение и у лидера национального движения в Башкирии, ученого-историка Заки Валиди, который писал: «Упомянутый выше Емельянов.... познакомил меня с востоковедами Николаем Ашмарином и профессором Н.Ф. Катановым... Сам Николай Ашмарин был из чувашских тюрков...»

Далее он продолжал: «Самую большую помощь в издании моей книги оказали проф. Катанов и Ашмарин, что можно объяснить их научным пристрастием и тюркским происхождением» (156, с. 128).

Отрицает существование народности булгар и Г.П. Егоров: «**Народа с названием Булгар на Волге никогда не было; чувашей (шумеров) именовали булгарами по названию их государства** (выделено автором. – И.Г.). Также дунайские болгары носят имя названия государства, а не народа», - продолжает он (78, с. 54).

Однако исторические источники показывают, что обычно государства получают свое название от проживающих в них народов. В

IX-XI вв. в Булгарском государстве жили родственные племена. Из всех племен наиболее сильным было племя булгар. По его имени весь союз получил название булгарского, и город Булгар стал столицей государства (26, с. 45).

Г.П. Егоров считает, что Булгар (Пулкар) было Чувашским государством. В начале X в. чувашский царь Алмаш основал царь-город – Шар (город. – И.Г.) Пулкар, который до нашествия татаро-монголов был столицей государства. Здесь Г.П. Егоров допускает неточность: в XII в., в связи с участвовавшими походами русских князей, столица из Булгар была перенесена в глубь страны, в г. Биляр, о котором впервые упоминается в письменных источниках под 1164 г. (111, с. 233, 306). Далее Егоров продолжает, что после похода киевского князя в 985 г. между Чувашским государством и Киевом был заключен мирный договор. Пулкар была страна видная, стояла на более высокой ступени экономического и культурного развития, чем Русь, поэтому была приманкой для агрессивных соседей и становилась объектом нападений (78, с. 35).

Несмотря на то, что автор (Егоров Г.П.) приводит слова арабского летописца Ибн-ал-Асира, где упоминаются булгары, далее он продолжает: «...так шумеры (чуваши) отразили первое нападение татаро-монголов» (там же).

Далее читаем: «Завоевание Чувашского государства Пулкар отмечено в русской летописи: «В лето 1236 года придоша от восточные страны в *Болгарьскую* землю безбожные татары, взяша славный великий город Болгарьский...» (78, с. 36, 37). Г.П. Егоров продолжает, что шумеры не мирились с зависимым положением. Под предводительством князей Пойан и Шаку (Баян и Джик. – И.Г.) в 1239 – 40 гг. восстали против угнетателей.

Ссылаясь на академика В. Бартольда, Г.П. Егоров упоминает: «От разгрома хазар волжские булгары извлекли больше выгод, чем Киев...» (78, с. 38). Опять булгары, но чуваши.... При этом он пишет, что «основная заслуга в победе над хазарами принадлежит рыцарям Чувашского государства, а не Киеву» (78, с. 39).

Как подчеркивает Г.П. Егоров, у чувашей были цари. С момента нашествия захватчиков и до времен взятия Казани поменялось их несколько, а точное число *в предании* (выделено нами, то есть, по его мнению, история пишется по преданиям. – И.Г.) не сообщается. Последнего чувашского царя звали *Пике* патша, который «что было в его силах, руководил и спланировал народ вокруг себя» (78, с. 42). Здесь он показывает свою неосведомленность в истории – ведь количество и годы правления казанских ханов изложены во многих источниках, например у М.Г. Худякова (65).

Г.П. Егоров категоричен и в ряде других вопросов. Так, он утверждает, что «... казаки-шумеры чуваши. Они – рыцари Чувашского государства Пулкар». Далее он продолжает, что «... черты лица Степана Разина и Емельяна Пугачева на полотнах – чувашские. В памяти народа

сохранилось сказаний об этих двух героях. Степан Разин чувствовал себя на Волжских землях как дома. Он жил в чувашских лесах» (Можно ли считать Симбирск территорией Чувашии, ведь тяжело раненого Разина унесли из-под Симбирска, куда он больше не вернулся. К тому же все известные до сих пор источники Разина считают донским казаком. – И.Г.).

Далее автор утверждает, что «чувашское происхождение богатыря-казака Ильи Муромца (сказочного богатыря. – И.Г.) – несомненно. Илья богатырь был атаманом казаков Чувашского государства Пулкар».

Подытоживая свои рассуждения, Г.П. Егоров пишет: «Основываясь на выше сказанное можно сделать окончательный вывод: история казаков – это неотъемлемая часть истории чувашского народа, чуваша и казаки – один народ. Не было бы чувашского народа – не было бы ни атаманов, ни есаулов, ни казаков и не возникло бы казачества вообще» (142, с. 67).

Хотим еще раз подчеркнуть, что люди, которые хотят изучать, восстановить, писать историю своего народа, достойны уважения. В свое время Л.Н. Гумилев говорил: «Каждый народ свою историю должен писать сам» (142, с. 67). Однако данное благородное намерение не должно быть сделано в ущерб и за счет истории других народов. Иначе вместо повышения авторитета своего народа можно получить отрицательный итог.

Свои суждения хотим продолжить словами И.А.Гилязова, который писал: «... историк должен отвечать за свои слова, каждая его мысль, каждый его тезис должны быть доказуемы. Есть конкретные исторические факты, и, анализируя историческое прошлое, историк просто обязан идти вслед за фактами, а не подстраивать, замалчивать или тем более исказить эти факты в угоду любезной твоему сердцу концепции. И он должен стремиться к максимальной объективности и беспричастности при оценке исторического прошлого. Не следует искать в истории только того, что нам нравится и что мы хотим в ней видеть («Звезда Поволжья», 2009, 7-13 мая).

Здесь, на наш взгляд, нужно перейти к филологии, чтобы читатели могли разобраться в некоторых особенностях, связанных с чувашским языком. Автор данных строк неплохо знает чувашский язык, поэтому хотим дать комментарии. Особенность данного языка в том, что в нем отсутствуют звуки [б], [г], [д], [з] (всего 13 звуков), которые имеются в русском и татарском языках. Поэтому в разговоре чувашей можно услышать «польной» (больной), «трук» (друг), «корот» (город), «сапор» (забор) и др. Таким образом, по мнению Г.П. Егорова, последнего чувашского царя звали **Пике – Бике**. К тому же слово **Пике** он переводит как «красавица» (78, с. 44), а в татарском языке это слово означает «жена уважаемого человека». По другой версии «бике» - жена князя-бека (202, с. 29). Выходит, в памяти чувашского народа до сих пор живет имя последней Казанской царицы Сююмбике.

Г.П. Егоров упоминает это имя и по другому поводу. «После взятия Казани казаки очищали землю отцов от сохранившихся отрядов татаро-монголов и освободили от неприятеля пространство до Астрахани. Чувашский народ тем временем окрыленный свободой, в честь победы над захватчиком (кто же в таком случае захватчик? Выходит, сами татары (булгары), которые с давних времен жили на земле предков и оказывали ожесточенное сопротивление русским войскам, посягавшим на их независимость, а не московское войско во главе с Иваном IV. – И.Г.) воздвигнул в Казани многоярусную башню. По своей архитектуре она неповторима. В ней нет ни Азии, ни Востока, ни Европы. Башню назвали в честь чувашки-амазонки, принявшей активное участие во взятии Казани – Сулам Пике (огонь – красавица). Башня сегодня – одна из достопримечательностей города Казани» (78, с. 44). Увы, народная мудрость права – «бумага все стерпит».

С другой стороны, могли ли быть у чувашей цари, если не было у них своего государства? По крайней мере, мы такими сведениями не располагаем. Правда, как уже отмечали, Г.П. Егоров Волжскую Булгарию считает чувашским государством Пулкар. Допустим, это так, но после завоевания монголами его не стало. Тем более, как он пишет сам, с приходом татаро-монгол, оставшиеся в живых чуваша переселились в леса сегодняшней территории республики (Чувашии. - И.Г.).

К тому же «...В.А. Сбоев, исследователь быта чувашей, утверждал, - пишет сам же Г.П. Егоров, - что «у русских летописцев до 1551 года не встречается имени чувашей». По А.И. Артемьеву (составитель «Календаря Вятки»), о проживании чувашей на Вятке отмечено в 1548 г. Но основное открытие, что «черемисы горная» называются чувашами, русскими сделано только в 1552 году. После переправы Суры к русским воинам начали приходить «черемисы горная», а по их чуваша завомые, язык особый» (78, с. 42).

Это не соответствует действительности, потому что в ранее упомянутом источнике мы обнаружили следующую запись: «В русских летописях первые сведения о чувашах даются в связи с основанием в 1524 г. в устье реки Сура города Васильсурск. При движении русских войск на этом месте были бои, тогда было убито много чуваш. Более полные сведения о них даются в 1561 году (должно быть 1551 г. – И.Г.) в связи с основанием города Свияжск. Сохранилось письменное сведение о том, что в это время «... их привели к правде...» (162, с. 317). Таким образом, мы можем констатировать, что первые упоминания о чувашах было на 27 лет раньше, чем это приводится у В.А. Сбоева.

Г.П. Егоров не любит, когда недостаточно освещается история чувашского народа. Так, он пишет: «Сегодня, обращаясь к факту взятия Казани, марийские историки говорят: «...большой вклад марийского народа. Конечно, там были и чуваша.... До взятия Казани на большей части территории сегодняшней Чувашии жили черемисы (марийцы)». Вот что значит исказить названия народов, не называть вещи своими

именами. В глазах марийских историков чувашского народа не видать» (78, с. 43).

В то же время он себе такое позволить может: «Превратили в руины государство, а народы Поволжья – чувашаи, удмурты, мордва, марийцы живут и сегодня. Башкиры обитали на юго-востоке Пулкар еще до нашествия татаро-монголов» (78, с. 52). А куда делись татары? Для Г.П. Егорова их будто вообще и нет!

Далее он продолжает: «Входили вышеперечисленные народы в состав государства Пулкар? Нет. Они были соседями. Некоторые историки склонны к мнению, что Чувашское (шумерское) государство Пулкар было государством почти всех перечисленных народов. Пытаются отвести в нем чувашам незаметную роль. Тогда как объяснить огромное влияние чувашского языка на русский и другие языки народов Поволжья? Чувашаи находились на высоком уровне экономического и культурного развития по сравнению с соседями. Пулкар было государством одного народа – шумеров (чувашей). Об этом говорят **предания** (опять предания. – И.Г.)» (78, с. 52). По мнению Г.П. Егорова, все народы, населяющие Среднее Поволжье, - русские, татары, башкиры, марийцы, мордва, удмурты попали под влияние культуры и языка чувашей. И не только языку, но и земледелию, хлебопашеству, садоводству, ткачеству, пчеловодству, животноводству, металлургии учились у чувашей (78, с. 69).

А как же быть тогда с мнением Г.Б. Матвеева, который пишет, что «...чувашские мастера воспринимали некоторые навыки строительного дела у русских и татарских крестьян. Так, заимствованы были чувашскими крестьянами у татар новые типы домов, техника изготовления кирпича-сырца, типы печей, образцы архитектурных украшений и т.д.» (128, с. 36).

Егоров повторяет неоднократно: «русский язык – это детище чувашского языка» (78, с. 110); «значение чувашского языка в становлении и происхождении русского языка неопределимо велико» (78, с. 91); «чувашские князья, дети правителей, переехав в Русь, помогали творить русский язык» (78, с. 81); «чувашский язык – многим языкам отец, источник обогащения многих языков» (78, с. 96, 107); «чувашские слова есть у китайцев, монголов, от них перешли к корейцам, японцам» и т.д.

Далее у Егорова узнаем, что в турецком языке чувашских слов больше, чем в татарском. Название турецкого народа, видимо, не случайно связано с именем чувашского Бога - Тура (78, с. 56). А народы тюркской группы черпали от чувашей слова, как из бездонной бочки. Сколько чувашских слов в татарском и башкирском языках - никто не считал (78, с. 91, 92).

Здесь хотим подчеркнуть, что иногда авторам не мешает ознакомиться с работами известных ученых в области лингвистики. Таковым я считаю известного чувашского ученого Яковлева И.Я. В

своей докладной записке попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову о просвещении чуваш он писал: «... чувашский язык действительно не особенно богат, но и не настолько беден, чтобы нельзя было на нем передать необходимые для всякого христианина книги священного писания и богослужения... 1870, 22 декабря» (204, с. 331).

А.П. Смирнов, опираясь на археологический материал, подчеркивает роль болгар в формировании чувашского народа. Он считает, что в настоящее время можно считать установленным, что болгары шли в Поволжье широкой волной, как по левому, так и по правому берегу Волги (114, с. 167). Из этого, на наш взгляд, следует, что до прихода болгар на данной территории жили чувашаи, поэтому говорить о влиянии чувашей на другие народы Поволжья неправомерно, наоборот, сами чувашаи попадали под влияние болгар – татар.

М.С. Глухов подчеркивает, что «мусульманский образ жизни принимали и отатарившиеся по языку чувашаи, марийцы, мордва, удмурты и даже русские, жившие в тесном окружении татар» (77, с. 390).

Это отмечает и Н.И. Егоров (его не надо путать с Г.П. Егоровым. – И.Г.): «...чувашаи-язычники уважают татарскую религию и поэтому к татарам относятся с уважением. Чувашаи-мусульмане стали настоящими татарами: бреют головы, соблюдают омовение, усердно посещают мечеть соседней деревни Утямышево (Самарская губерния), одним словом, исполняют все мусульманские обряды, даже расположили к себе и других чувашей-язычников» (121, с. 92).

Автор данных строк, как уже сообщалось, неплохо знает чувашский язык. Если провести лексические параллели, на которые ссылается Егоров для подтверждения происхождения русского языка, то большинство слов похоже или повторяются на татарском языке, особенно близки они к мишарскому диалекту. Это отмечает и упомянутый Н.И. Егоров, который пишет о большой близости низовых чувашей и их диалекта к татарам-мишарям и их языку (там же, с. 92).

Допустим, что чувашских слов на самом деле много в татарском и башкирском языках, в данном случае чувашаи должны свободно объясняться с этими народами. Но много ли найдется таких, особенно среди тех, кто проживает в самой Чувашии. В то же время татары могут найти общий язык со многими тюрко-язычными народами, что подтверждено многократно. Автор данных строк в свое время общался с представителями около двух десятков тюркских народов, и мы вполне сносно понимали друг друга.

Но переняли русские, оказывается, не только язык: «...до принятия христианства на Руси предки русских уже переняли у чувашей основу религии» (78, с. 85).

Далее Егоров пишет: «...самый многочисленный народ в Поволжье (? – И.Г.) чувашаи с древности были трудолюбивы, сильны, красивы, талантливы, умны и почитаемы; традиции трезвого ума, свежей головы, чистоты тела строго соблюдались; видимо, многие народы узнали вкус

бани впервые от чувашей; чувашаи являются основателями веры в Единого Бога» (78, с. 17, 19, 32, 91).

Если все это так, то напрашивается вывод: чувашский народ в своей истории пережил большой регресс. До христианизации в XVI в. Иваном IV чувашаи были язычниками. Г.П. Егоров сам же отмечает, что «татарский ученый Н.Ф. Катанов (с какой стати? – И.Г.) пишет: «монголы-мусульмане (татаро-монголы) стали обращать в ислам чувашей с XIV века. Надо думать, что в XV веке чувашаи стали татарами» (78, с. 54). Естественно, тут возникает вопрос: «Когда же чувашаи-мусульмане, отказавшись от ислама, опять превратились в чувашей-язычников?»

В Волжской Булгарии была письменность, литература. Были поэты, ученые, имена, труды которых известны за пределами государства и о них будет сказано в других главах. А как признается Г.П. Егоров, в республике (Чувашии. – И.Г.) «агитаторы» время от времени делали открытия: «У чувашского народа никогда ранее не было письменности, государства. Лапотники и трахомные, чувашаи за спасение от физического вымирания обязаны русским», «чувашаи в XVII-XIX веках вынуждены были жить в хлевах вместе с домашними животными, в голоде и безземелье» (78, с. 55, 109). То есть получается, что он противоречит самому себе!!

Правда, Г.П. Егоров пишет: «...близ села Тукмакла обнаружены письменные памятники, оставленные чувашами. К сожалению, *на сегодняшний день они не прочитаны*» (выделено нами. – И.Г.). Это, на наш взгляд, свидетельство тому, что даже он сам сомневается в том, о чем пишет.

М.З.Закиев подчеркивает, что о болгарском происхождении чувашей свидетельствуют только лингвистические данные. О том же данных антропологии, археологии или этнографии нет. Свои выводы он подтверждает рядом неоспоримых фактов. Так, например, болгарам были свойственны развитое кожевенное производство и торговля, что затем передалось казанским татарам, а у чувашей развития этих ремесел и занятий не отмечается.

Культура письма от болгар передалась казанским татарам, у чувашей такой культуры до XIX в. не было. То же самое можно сказать о мусульманской религии. Следы болгар не сохранились ни в мифологии, ни в фольклоре чувашей, а для мифологии, фольклора казанских татар болгарская тематика является обычной. Чувашаи никогда не называли себя болгарами, а казанские татары считали, что их деревни заложены выходцами из Булгара, что их деды, прадеды являются болгарами.

Наконец, если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они имели бы самоназвание «палхар», которое закрепилось бы и в исторических источниках (106, с. 8,10, 12).

Вместе с тем Егоров сам же отмечает: «...со времен Ивана Грозного, попав под гнет жестокой эксплуатации, чувашаи забыли историю и свое происхождение» (78, с. 56). А татарам было легче? Нет!

Но сумели сохранить свою веру, культуру, обычаи и традиции, литературу и письменность. Это в свое время подчеркивал и М.Г. Худяков, который писал: «...среди народностей Поволжья, подчинившихся русским, татары одни смогли противопоставить русской культуре свою не менее древнюю культуру и сумели сохранить свой родной язык, быт, школу, религию» (94, с. 532).

Это отметил и К. Фукс, который писал, что казанские татары, в течение трехсот лет от их покорения, сохраняют еще так много собственного, национального, что заслуживает особого внимания наблюдательного этнографа. Они всегда живут довольно отдельно от русских и от других их окружающих племен, перед которыми они стараются, даже и ныне, поддержать то преимущество, каким отличались некогда их предки. Они гордятся своим происхождением, своими моральными качествами, своей религией, своим домашним бытом, что все составляет их отличительный характер (69, с. 14).

По мнению Г.П. Егорова, негативное отношение к чувашам было и в советское время. Это он хочет подтвердить тем, что в 1938 г. десять тысяч сынов и дочерей чувашского народа оказались в списках врагов. Хорошо, что только в списках. А вот на 1 января 1942 г. в лагерях ГУЛАГа находилось 29 116 татар. Это четвертый показатель после русских, украинцев и белорусов. В данной же таблице есть сведения о 4 669 башкирах, но чуваша там не упомянуты (86, с. 70). Ну и, слава богу, хоть им в данном случае чуть повезло!

Что же было, в самом деле? Почему все так противоречиво? На наш взгляд, наиболее точные сведения мы находим у А.П. Ковалевского, который утверждает, что «...не все племена сразу приняли ислам. Так, среди сувазов и болгарских племен против принятия ислама действовала целая партия. Во главе недовольных сувазов стал некто Вырыг, который, по словам Ибн-Фадлана, самовольно провозгласил себя князем». А.П. Ковалевский подчеркивает, что у Ибн-Фадлана мы имеем здесь передачу местных диалектальных различий, причем форма «суаз» соответствует современному названию чувашей – «чаваш». Далее он продолжает: «Надо полагать, что после угроз болгарского царя за ним последовала лишь часть племени сувазов, вероятно, главным образом, знать. Основная же масса отказалась принять ислам и постепенно стала переходить в более отдаленные места на запад, на правый берег Волги. Эта часть и сохранила прежнее название «сувас» – чуваш. Оставшаяся часть составила основу населения княжества суваров и в дальнейшем слилась с булгарами» (94, с. 70). Таким образом, по его мнению, ко второй половине X в. на основной территории Волжской Булгарии чувашей не осталось.

Обращает на себя внимание следующее сообщение Г.Н. Ахмерова: «Мы интересовались мнением чувашей о том, какое отношение они имеют к булгарам, к разрушенному Булгару и археологическим находкам. Они утверждают, что в Булгаре жили татары, следовательно, им же

принадлежат и руины былого города, окруженные рвами, и все археологические находки. Себя же чувашаи считают переселенцами из других мест. В являвшихся ранее центрами Булгарского государства нынешних Тетюшском, Спасском, Чистопольском уездах чувашаи раньше вообще не проживали. Они переселились сюда сравнительно поздно, поэтому в этих уездах есть много чувашских деревень, называемые Кушки, что якобы означает «переселившиеся» (151, с. 29).

Вместе с тем Г.П. Егоров прав в том, что на территории России сотни и тысячи его земляков, у которых оба родителя чувашаи, по паспорту числятся русскими. Лица, у которых один из родителей чувашской национальности, – поголовно записываются русскими (77, с. 63). А ведь такое же наблюдается и у татар.

На это в свое время обратил внимание и П.И. Рычков: «Принявшие святое крещение калмыки, татары, мордва, чувашаи и другие современные народы являются ярким примером этого. Многие из них так хорошо говорят на русском языке, что не отличишь от русских. А у некоторых дети совсем не говорят на своем прежнем языке, лишь сохраняют имя своего рода» (171, с. 15).

Далее Г.П. Егоров сокрушается, что в столице Чувашии ни в одной школе не преподается чувашский язык в обязательном порядке. Он даже не включен в школьную программу, а изучается как факультатив (77, с. 107). В этом он обвиняет чувашских языковедов, которые якобы повели историков по ложному пути (78, с. 59), а также тех, кто заговорил о ненужности, никчемности чувашского языка, открыто заявляя, что этот язык мешает продвижению народа по лестнице технического прогресса и достижению вершин совершенства (78, с. 109).

Считаем необходимым отметить следующий факт: в Республике Татарстан в самые трудные времена сохранились чувашские школы не только с изучением их языка как предмета, а с обучением на родном языке. В настоящее время (на 01.10.2011) в районах и городах республики действуют 97 школ, в которых на чувашском языке обучаются или этот язык изучают как предмет 6754 учащихся.

Еще в доперестроечные времена по инициативе автора этих строк в Тетюшском и Чистопольском педагогических училищах Республики Татарстан были открыты отделения по подготовке учителей начальных классов для чувашских школ и воспитателей чувашских дошкольных учреждений. Мы также являемся одним из инициаторов открытия чувашского отделения при КГПУ. Это отделение, просуществовав несколько лет, приостановило свою деятельность. Оказалось, что подготовка учителей чувашского языка и литературы, кроме педагогического университета, никому не нужна. О проблемах и нуждах этого отделения нами же в газете «Сувар» (1996. 1 марта) была опубликована большая статья «Наказуемая инициатива».

Я родился и рос в Дрожжановском районе. Это уникальный регион, где веками в дружбе и согласии живут татары и чувашаи. Много в районе

смешанных браков. Праздники стали общими, например «пасху – мункун» отмечают и татары, называя этот праздник «йомырка байрамы», что переводится буквально «праздник яйца». В этот день татары красят яйца, одаривают ими детей, желают, чтобы в их дом утром первым вошел человек «с легкой ногой», тогда, якобы, куры будут нестись хорошо, живность расплодится и т.д.

Мы согласны с Г.П. Егоровым и в том, что чувашаи народ дружный, трудолюбивый и т.д. Недавно вышла наша книга «Городище», в которой мы рассказываем об истории чувашей, их традициях, обычаях, о людях юго-западного региона Республики Татарстан (210).

Приведем некоторые сведения об этих земляках: из 6 Героев Советского Союза и России, родившихся в районе или имеющие там корни - 2, из 2 полных кавалеров ордена Славы - 1, из 8 Героев Социалистического труда – 3, из 39 кавалеров ордена Ленина - 19 являются представителями чувашского народа. Из 62 докторов наук и профессоров-дрожжановцев – 12, из 93 кандидатов наук и доцентов - 16, из 46 генералов и полковников - 15 также чувашаи (211).

Завершая данную главу, хотим подчеркнуть, что до X в. в составе Волжской Булгарии были и чувашаи. Когда началась исламизация, большая часть чувашского племени переселилась в районы нынешней Чувашии, но своего государства у них не было. Когда, после взятия Иваном IV Казани, началась уже христианизация, отдельные группы чувашей перешли на жительство на территорию бывшего Казанского ханства и в другие регионы Поволжья, Приуралья и т.д. При этом некоторые, как отмечает Егоров, приняли ислам, некоторые остались язычниками. Так, даже в 1911 г. в Егоркинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии более 29 % чувашского населения были язычниками (103, с. 24).

Чем занимались болгары?

...Опыта монументальных сооружений у болгар не было, строительного камня или кирпича они не знали.

М.С. Глухов

В X веке болгары стали производить кирпич, из которого делали печи для обжига горшков, литья чугуна и двух - трехэтажные дома.

А.Х. Халиков

В учебниках истории рассказывается о владимиро-суздальском князе Андрее Боголюбском как ценителе архитектуры. Некоторые построенные при нем дворцы и церкви сохранились до наших дней. Так, изящная церковь Покрова на Нерли была построена из белого камня, «привезенного водою из Болгарии» (63, с. 115), как и главный памятник Боголюбского – Богородицкая церковь во Владимире Залесском, построенная в 1158 г. (51, с. 46).

Из Болгарии возили не только камень, но оттуда в древнерусскую архитектуру XIV-XV вв. проникла и восточная форма шатра на восьмигранном основании, водруженном на куб. Болгары сами славились как мастера-строители каменных зданий (6, с. 774). Слава об искусстве болгарских строителей была настолько распространенной, что они приглашались воздвигать белокаменные здания в городах Владимиро-Суздальской Руси (27, с. 17), в том числе и для строительства христианских церквей (37, с. 91). О болгарском влиянии свидетельствуют и восточные мотивы рельефных изображений и арабесок, покрывающих наружные стены зданий, храмов Владимиро-Суздальской области (65, с. 235).

Именно поэтому на страницах «Большой Советской Энциклопедии» мы читаем о том, что болгары были известны как мастера-строители каменных зданий (6, с. 774). Из камня они строили оборонительные сооружения, бани, дворцовые палаты, мечети, усыпальницы (138, с. 377).

Далее мы находим сведения о том, что особое впечатление оставляет хорошо сохранившееся до наших дней белокаменное зодчество Владимиро-Суздальской Руси. Пропорциональные, гармоничные формы... все это делает Владимиро-Суздальскую архитектуру времен Андрея Боголюбского жемчужиной европейского

средневекового зодчества (24, с. 77). Эту высокую оценку по праву должны поделить и болгарские мастера.

3.3. Мифтахов отмечает, что самым знаменитым болгарским мастером-строителем был Аслан, живший в XII в. В г. Булгар он создал хозяйство, которое занималось добычей и обработкой камня. Аслан со своими учениками-помощниками построил в городе Учель (первоначальное название Казани) прекрасный дворец, который был украшен каменными барсами, львами и другими прекрасно изготовленными изображениями. А. Боголюбский, увидев творения рук мастера Аслана, нанял его за огромные деньги для строительства храмов на Руси. Им были возведены храмы в Суздале, Владимире (90, с. 238).

Участие лучших зодчих и резчиков по камню из Волжско-Камской Булгарии подтверждают русский историк В.Н. Татищев, историк архитектуры и искусства В. Черняк. Наверно, поэтому Владимиро-Суздальские храмы второй половины XII - начала XIII в. так отличаются от других русских храмов, их современников, а также воздвигнутых в иных княжествах до них? Чуть ли не все исследователи русского искусства единодушно пишут о том, что пышность наружного скульптурного убранства этих церковных сооружений совершенно неожиданна для русских художественных традиций. Появление ряда конструктивных элементов многие связывают с влиянием болгарской архитектуры (84, с. 69).

Интересные данные о болгарских зодчих приводятся и в рукописном житии А. Боголюбского, где указывается, что болгарские мастера – строители и зодчие в XII в. приглашались на строительство русских городов и белокаменных соборов (Юрьев Польский, Владимир), для чего из Булгарии вывозился белый камень (127, с. 13).

В X в. болгары стали производить кирпич, из которого делали печи для обжига горшков, литья чугуна и для строительства двух-трехэтажных домов (63, с. 100). По мнению лингвистов, слово «кирпич» пришло из болгарского языка и означает «коры мич» (сухая печь), то есть «глина, высушенная в печи» (63, с. 100). В «Русско-татарском словаре», изданном в 1938 г., слово «печь» переводится как «пич» (46, с. 412). В Дрожжановском районе республики, да и в других регионах, где живут мишари, до сих пор говорят «пич». На Руси обожженные кирпичи раньше назывались плитами; это название русские переняли у греков – кирпич по-гречески называется плитос (83, с. 59). О том, что на Руси кирпич называли плитой, подтверждает и записка Екатерины II, которая приводится в этой же главе.

На плане Билярского городища, начерченном Р.Г. Фахрутдиновым отмечены следы около 30 кирпичных и каменных сооружений (57, с. 96). Биляр после монгольского нашествия уже не поднимался из руин. Это же подтверждают аэрофотоснимки (63, с. 79). Еще в конце X в. была возведена белокаменная соборная мечеть в центре Биляра. На Елабужском городище были исследованы остатки «крепости-мечети»,

одна из угловых башен которой - единственный памятник архитектуры домонгольских болгар – сохранилась до наших дней (93, с. 18).

К XIII-XIV вв. город Булгар представлял собой гигантский для того времени градостроительный комплекс, от которого даже к 1722 г. - времени посещения его Петром I – сохранилось около семидесяти белокаменных зданий (11, с. 7). Император направлялся тогда в Персию. Он много внимания уделил работе адмиралтейства, основателем которого являлся сам. Казанское адмиралтейство строило бомбардирские корабли, фрегаты, легкие гребные судна и др. Всего в XVIII столетии было построено 342 судна. Адмиралтейству же было поручено снабжение других верфей готовым дубовым лесом. Мертвый город произвел на Петра сильное впечатление. Он приказал оберегать как исторические памятники не только существовавшие еще в то время сооружения, но и руины. Одновременно император распорядился перевести на русский язык эпитафии (надгробные, надмогильные надписи. 19, с. 665).

Он из Астрахани написал специальное письмо следующего содержания: «Господин губернатор! Будучи в Булгарах, мы увидели, как гниет фундамент старого Булгарского минарета, его надо восстановить. Для этого туда направьте с рабочими инструментами 12-15 каменщиков и несколько бочек извести, старых камней там много, нужно восстановить разрушенные места. Написано собственноручно. Император: Петр. Из Астрахани. 2 июля, 1972 г.» (178, с. 36).

Но в дальнейшем царское правительство перестало заботиться о сохранении древностей Булгара. Екатерина II, посетившая Булгар в 1767 г., писала: «...Что тут ни осталось, построено из **плиты** (выделено нами. – И.Г.) очень хорошей, татары же великое почитание имеют к своему месту и ездят Богу молиться в сии развалины. Сему один гонитель, Казанский архиерей Лука при покойной императрице Елизавете Петровне позавидовал и много разломав, а из них построил церковь, погребца и под монастырь занял, хотя Петра I есть указ, чтоб не вредить и не ломать сию древность» (60, с. 25). Имеется в виду, что при строительстве церкви для фундамента были использованы надмогильные камни с арабской письменностью.

В наше время остатки этих памятников болгаро-татарского зодчества были засняты японскими и китайскими кинематографистами. А болгарский журнал «Отечество» приходит к выводу: «Развалины Великого Булгара и Биляра представляют такую же научную ценность, как руины легендарной Трои и Помпеи» (Совет мәктәбе. 1990. № 12. с. 31).

В разделах учебников, где рассказывается о русской культуре в X – начале XIII в., упоминается, что некоторые русские города Киев, Новгород, Галич вошли в число центров европейского значения. В этот же период и в Нижнем Прикамье было до десятка значительных болгарских городов, среди которых Биляр, Сувар, Булгар, Ошель, Кашан, Жукотин и др. Археологами только на основной территории Булгарии

обнаружено около 150 древних городищ. Поэтому в Скандинавии болгарскую землю называли еще «Cardarica», т.е. страной городов (63, с. 63, 64). Так, в известном по всему Востоку Великом Городе проживало 50 тыс. человек (6, с.774), а площадь его составляла 500 га (вместе с пригородами – 800). Для сравнения скажем, что в это же время площадь Киева составляла 150 га, Владимира – 160 (63, с. 74), а население городов Новгорода, Киева, Владимира насчитывало по 20-30 тыс. человек (33, с. 20).

Для сравнения приведем еще несколько примеров. В Западной Европе не один город не мог сравниться с Биляр-Булгарами: самые крупные из них имели площадь около 200-500 гектаров. В том числе Париж – 439 га (начало XIV в.), Болонья – 420 га (начало XIV в.), Милан – 234 га., Палермо, Неаполь, Лондон – по 200 га. Только Константинополь (1600 га), Багдад (750 га, с окрестностями 4800 га), Мерв (500 га, с окрестностями 1500 га), Самарканд (218 га, с окрестностями 1500 га) и некоторые другие города по площади и количеству населения превосходили Биляр-Булгар (179, с. 51).

Нужно отметить и такой момент – еще в домонгольское время большинство болгарских домов, строившихся в виде наземных изб, имели печное отопление по-белому, а многие каменные здания были снабжены центральным отоплением (27, с. 17). Так, археологические раскопки показали, что в г. Булгар в то время для обогрева домов использовалась такая система отопления, а вода поступала по водопроводным трубам (34, с. 137). Найденная археологами 300-метровая длина отопительных путей относительно небольшого каменного дома (11 x 11) доказывает сложность этой системы (63, с. 106).

В Среднем Поволжье к настоящему времени известно около двух десятков построек с подпольной системой отопления, возведенных из кирпича и камня. Все они выявлены в результате археологических раскопок (93, с. 84).

В болгарских городах работали зодчие и строители, художники и ремесленники, в совершенстве владевшие гончарным, литейным, камнерезным и другими видами ремесла и искусства.

Археологами были найдены изделия из металла, кости, керамики, сделанные в Волжской Булгарии еще в домонгольский период. По ним видно, что древнебулгарские мастера достигли виртуозного изящества в стилизованных изображениях животных и растений, небесных светил, в украшении декоративных изделий геометрическими узорами. С конца XII – начала XIII в. под влиянием ислама преобладающим стал цветочно-растительный орнамент и «цветочный стиль» с его живописной системой и условным воспроизведением мира в формах растительного узора. Он постепенно стал в декоративном искусстве явлением всепроникающим (11, с.7).

По данным археологии, болгарские мастера широко использовали в своей практике доски, обработанные теслом, знали пилу, токарный станок, использовались соединения бревен в шип и в колесо (138, с. 373).

Археологические раскопки подтвердили существование в городах Волжской Булгарии таких производств и ремесел, как черная металлургия, кузнечное, ювелирное, бронзово-литейное, гончарное, кожевенное, деревообрабатывающее и др. Все это свидетельствует о высоком уровне развития производительных сил (47, с. 6). Первыми в Европе на 200 лет раньше, чем в Англии, болгары стали выплавлять высококачественный чугун (81, с. 16).

Как отмечает Ф.Ш.Хузин, практически на всех болгарских поселениях, прежде всего, конечно, в крупных городах, выявлены следы металлургического (железо- и медеплавильного), кузнечного, гончарного, ювелирного, которезного, камне- и деревообрабатывающего ремесел, кожевенного дела, реже – стеклоделия и производства строительного кирпича. Высокопрофессиональные болгарские мастера, особенно ювелиры, меднолитейщики и косторезы, знали сложнейшие приемы обработки цветных и драгоценных металлов, кости и камней (212, с. 214).

М. Сафаргалиев пишет, что в городе Булгар еще в домонгольский период имелось ремесленное производство, а местные ремесленники продолжили свою деятельность и после завоевания монголами (94, с. 346).

Изделия болгарских мастеров пользовались большим спросом за пределами государства. Это подтверждается многочисленными ремесленными изделиями Волжской Болгарии, найденными при раскопках большинства памятников ломоватовской, чепецкой и родановской археологических культур. В Приуралье болгарский импорт представлен почти на 200 памятниках IX-XIII вв. Это разнообразные украшения из серебра, бронзы и золота, в том числе золотые скано-зерновые височные кольца с уточкой и желудеобразными привесками; туалетные принадлежности, ключи и замки, наконечники стрел, сабли и боевые топоры, бусы из камня и т.д. (99, с.169). Часть этих изделий имеют клейма в виде рунической буквы «Б» или косоугольного луча, бывших знаками Биляра-Булгара (99, с.169).

Г.Н. Ахмеров писал, что путешественники, прибывшие из самых развитых стран Европы, за высокие цены скупают найденные на территории Булгарии изделия, выполненные местными мастерами, поражаясь их красоте и изяществу.

Ожерелье и височное кольцо (X-XII вв.)

В 1886 году в Казани, в Доме управления промышленностью и сельским хозяйством, прошла специальная выставка. В книге, выпущенной ее организаторами, относительно искусства и ремесла болгар есть такие слова: «Искусство и ремесло этого народа находилось на высочайшем уровне развития, наши мастера могли бы научиться у них многому. К сожалению, пока нам остается только восхищаться, глядя на настолько изящно изготовленные болгарские вещи» (151, с. 42-43).

В X-XIII вв. своего расцвета достигло гончарное ремесло. Высокий уровень изделий из керамики во многом связан с достигнутой местными мастерами культурой обжига. Используя различные фазы обжига и высокотемпературный режим, мастера создавали на поверхности сосудов своеобразную цветотональную гамму: от темно-коричневого, почти черного основания через красное тулово к дымчато-серому изящному венчику. Переливы цвета придавали приземистым, массивным и тяжеловесным формам этих неорнаментированных сосудов мягкость, динамику. Второй круг керамических сосудов составляют образцы с древними формами орнамента (линейного, волнистого, гребенчатого, выемчатого, елочного, кружевного, зубчатого, концентрического), а также мотивами «набегающей волны» интегральных спиралей (11, с. 13)

Кувшины – лепная керамика (X-XII в.) и гончарная керамика (XII-XIII в.)

Булгарская керамика также распространялась за пределами самой Булгарии. Она выявлена на 43 поселениях и 2 могильниках Пермского Приуралья. Наибольший интерес представляет керамическая коллекция Рождественского городища, расположенного на р. Обва, правого притока р. Кама. Всего за шесть лет раскопок на городище собрано более 10 тыс. фрагментов гончарной и 3 тыс. фрагментов лепной керамики. Среди гончарной посуды имеется 765 фрагментов поливной керамики с поливой буро-зеленого, зеленого и желто-зеленого цветов. Такая керамика имела распространение как в домонгольской Болгарии, так и в Болгарии золотоордынского времени.

С учетом того что на этом городище исследованы 3 гончарных горна, можно утверждать, что часть посуды изготовлена на месте (99, с. 164).

Кувшины сфероконусы. Лепная и гончарная керамика (XIII-XIV в.)

В памятниках архитектуры городов Болгара, Биляра, Суvara XIII-XIV вв. и в формах их монументального живописного и пластического декора прослеживаются культурно-исторические связи

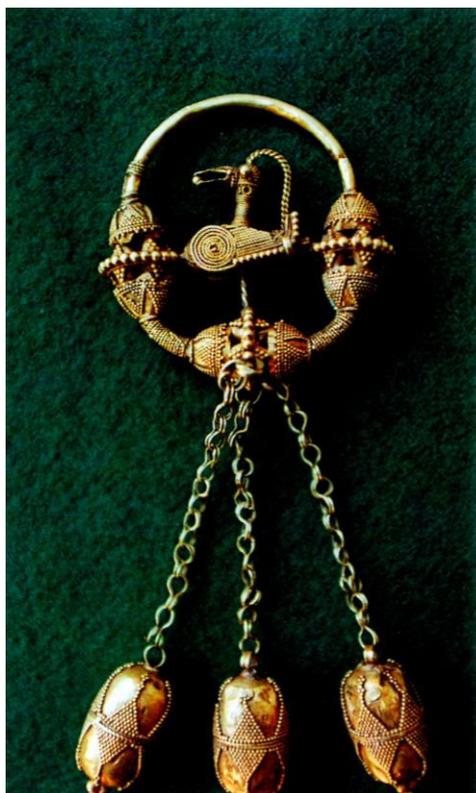
древнебулгарского искусства золотоордынского периода с искусством народов Средней Азии, Ближнего Востока, Кавказа. Найденные археологами гипсовые детали архитектурного декора с тисненными узорами свидетельствуют о распространении в Волжской Булгарии искусства резьбы по гипсу, родственного тому, что было высокоразвито в среднеазиатских культурных центрах.

К этой же эпохе восходит традиция украшения зданий полихромными изразцами. Это можно подтвердить и словами П.И Рычкова: «Дома, по-видимому, были больше каменные, и в развалинах находят много **поливанной свинцом гончарной работы** (выделено нами. – И.Г.), которая в наружных украшениях находилась» (171, с. 20).

Поливной изразец. Майолика. Фрагмент (XII-XIV в.)

В Волжской Булгарии этого периода была распространена также фресковая живопись, резьба по камню на надгробных плитах, высокого совершенства достигло в это время мастерство древнебулгарских ювелиров, художников, занятых декоративной обработкой металла, из которого делали украшения и оружие, зеркала и посуду (66, с. 5, 6). Мировую известность приобрели изысканные, расцвеченные самоцветами филигранные изделия ювелиров-көмешче. Булгарскими мастерами была создана «своеобразная культура скани и зерни» (11, с. 77). В истории известен случай, когда на Урале Екатерине II хотели подарить древнебулгарское височное кольцо. Так как кольцо было в единственном экземпляре, то знаменитым пермским ювелирам было поручено изготовить пару таких колец. Однако им не удалось повторить успех булгарских мастеров, их подделка была обнаружена, когда они были переданы в музей.

Золотое височное кольцо с подвесками.

Снимки изделий мастеров Волжской Булгарии опубликованы в альбомах «Изобразительное искусство Советской Татарии» (66), «Декоративно-прикладное искусство казанских татар» (11), «Народное декоративное искусство Татарстана» (10) и др.

Булгары первыми в Европе начали лить чугун, который был хорошего качества для того времени (34, с. 136). В Волжской Булгарии искусно тянули тонкую железную гибкую проволоку, изготовляя из нее множество различных предметов. Эти железные предметы были выделаны из исключительного по своему качеству железа. Булгары одними из первых стали изготавливать огнестрельное оружие. А.А. Бушков, критикуя выводы некоторых историографов по поводу поспешного бегства Ахмата с Угры (в 1480 г. – И.Г.) в результате применения русскими огнестрельного оружия, что привело татар в панический ужас, пишет: «Полнейший вздор. К этому времени у татар уже было свое огнестрельное оружие. Русский летописец, описывая взятие московской ратью города Булгар в 1378 г., упоминает, что жители «пускали грома со стен» (104, с. 272).

Волжская Булгария уже в древности славилась обилием хлеба и в неурожайные годы не раз снабжала им Суздальскую Русь и Новгород (6, с. 774, 775). Н.М. Карамзин, отмечая данный факт, писал: «...между тем жители искали помощи в *изобильной* стране Казанских болгаров, и Волгою привезли оттуда множество хлеба» (29, с. 17). Это он отмечает неоднократно. Изложенное доказывает развитость болгарского сельского хозяйства. Уже в X в. у болгар сложилась паровая система (57, с. 35).

Хотя Русь и Булгария находились в одинаковых природных условиях, наличие качественных орудий труда, правильное применение необходимых агротехнических приемов позволяли булгарам всегда иметь в достатке хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Этому способствовала также относительная независимость крестьян. Ибн-Фадлан писал, что каждый сеет там для себя и пользуется своим урожаем сам. Царь отбирать урожай не имел никакого права (44, с. 37). В городах и деревнях Булгарии имелись сады и огороды, в которых возделывались огурцы, мак, конопля, росли яблоня, вишня, смородина (63, с. 85). Ибн-Фадлана удивило обилие ореховых лесов. «Некоторые из таких лесов, - писал он, - имели длину около сорока фарсахов (фарсах равнялся 5 верстам. – И.Г.) и не меньше в ширину» (44, с. 36).

Ведущей отраслью хозяйства было животноводство. В основном булгары разводили лошадей, крупный рогатый скот, коз, а также кур, гусей, уток. В экономике Булгарии подсобную роль играли рыболовство, бортничество, охота. Драгоценные меха и шкуры занимали важное место в экспорте Булгарии (63, с. 87, 88).

В те времена в Булгарии были и верблюды, экзотические для нашего времени животные. Они появились как вьючные животные, но пользовались и в качестве верховых животных, особенно в военных целях – в связи с этим можно привести тот факт, когда в 1376 г. осажденные воины города Булгара выехали для устрашения русской конницы на верблюдах (150, с. 108).

Н.М. Карамзин писал, что доньше под именем Болгар разумеются в Турции восточные сафьяны, а в Бухарии юфть, из чего заключают, что Азия получила некогда сей товар от болгаров. Достаточно примечания, что в древнем их отечестве, в Казани, и ныне делаются лучшие из русских сафьянов (29, с. 469).

Р. Мукминова сообщает, что в X-XI вв. из Булгарского царства на Волге экспортировалась высокосортная кожа, получившая известность во многих странах мира под названием «булгари» – юфть, и изделия из нее, согласно письменным источникам, также нередко именовались «булгари».

Бухарский поэт XVI в. Хасанходжа Нисори в своей антологии приводит стихи поэта Хакима Шахрисабзий, в которых мозаичные перчатки для соколиной охоты названы «булгари».

Энциклопедист начала XVII в. Махмуд ибн Вали, основываясь на текстах сочинений более ранних столетий, писал: «Товар Булгара - юфта. Говорят... сей город настолько большой, что он имеет семьсот мастерских по выделке юфты. По ним, - продолжает Махмуд ибн Вали, - можно будет определить и остальные его постройки».

В «Большом Энциклопедическом Словаре», созданном в XIV веке на итальянском языке, имеются также строки: «Кожа «bulgaro» имеет свое происхождение от царства Болгар на Волге... Она имеет красный

цвет и отличается приятным запахом, который должен быть обязан этим использованию при дублении коры ивы и березы» (202, с. 64).

Из Булгар вывозились дорогостоящие меха и шубы из этих мехов. Поэт и историк ас-Саалиби (961-1038 гг.), будучи скорняком, занимался шитьем и торговлей шубами, потому его свидетельство «Булгар славился шкурками соболей и лис» представляет в этом плане особый интерес (99, с. 155, 156).

Традиции болгарских мастеров продолжили казанцы. В XV-XVI вв. из Казани вывозились меха и меховые шубы. Имеются документы – «челобитные», представляющие собой письма среднеазиатских послов к государям Руси. Так, посол Хивинского хана Кадыш просит царя Федора Ивановича разрешить ему купить в Казани на обратном пути из Москвы «40 шуб беличьих», 200 юфтей мостовых, а также воск, мед и другие товары (99, с. 159).

Любопытно сообщение летописца о сапогах, в которые, к несказанному удивлению славян, оказались обуты все болгарские воины, взятые в плен войском киевского князя Владимира, одержавшего победу над своими соседями в 985 г. (60, с. 9).

Добрыня, дядя Владимира, осмотрев пленных, сказал ему: «Такие не будут нам давать дани: они все в сапогах; пойдем искать лапотников». В этих словах предания выразился столетний опыт. Русские князья приводили в зависимость только славянские и финские племена, которые жили в простоте первоначального быта, разрозненно, были бедны, что выражается названием «лапотники»; из народов же более образованных, составляющих более крепкие общественные тела, богатых промышленностью, не удалось покорить ни одного (50, с. 180). Эти слова выдающегося русского историка С.М. Соловьева еще раз подтверждают развитость Болгарии в экономическом, политическом, культурном отношениях.

О том, что киевляне не имели сапог, хотя и косвенно, подтверждает поэма А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Если князь был бы обут в сапоги, змея через сапог не смогла бы укусить его.

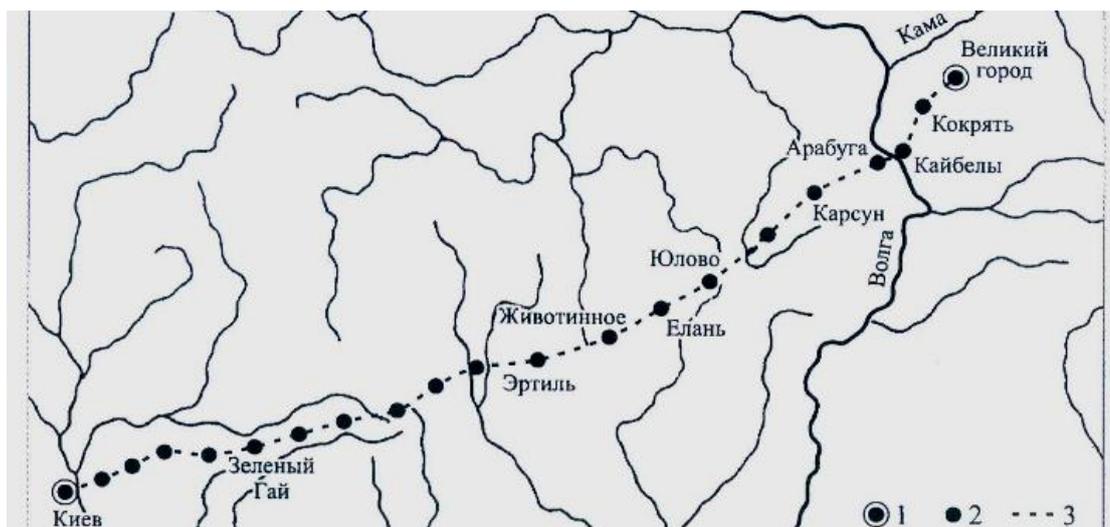
В Волжской Болгарии широко была развита торговля. Н.М. Карамзин подчеркивал особую любовь болгар к ней (29, с. 62). Ф.Ш. Хузин отмечает, что еще в X в. Болгария превращается в крупнейший центр международной торговли. Булгары контролировали и в какой-то степени регулировали торговые связи Древней Руси, Прибалтики и Скандинавии со странами Средней Азии, арабского Востока, а также с Ираном, Индией и Китаем. Этому способствовало географическое положение на стыке Волги и Камы – магистральных путей Восточной Европы. Вверх по Волге и далее по речным системам бассейнов Ладоги и Ильменя можно было добраться до Балтики.

Вниз по Волге плыли торговые суда в Хазарию. По Каме шла торговля с племенами Севера, которые специализировались на пушной охоте (93, с. 19). Прекрасным памятником былой болгарской торговли по

Каме служит название одного из сел Оханского района Пермской области – Болгары (99, с. 170).

Раньше о некоторых сведениях из истории Волжской Булгарии умалчивалось. В настоящее время мы уже узнаем, что «Ладога – один из древнейших городов Руси... здесь издавна находился перевалочный пункт на Великом Волжском пути, соединявшем страны Балтики с Волжской Булгарией, Хазарией и Востоком, а также – с путем «из варяг в греки» (129, с. 12).

Булгарию с отдельными странами связывали и достаточно установившиеся сухопутные дороги, одна из которых шла до Киева (26, с. 57). Ф. Иштван сообщает об анониме, который при описании пути древних венгров из своей восточной родины в Карпатскую котловину проводит его от реки Этиль (Волга) через Суздаль, Киев, Лодомерию, Галич и Карпатские леса до г. Хунг (венг. Унгвар, русск. Ужгород). Это, несомненно, совпадает с линией торгового пути болгар из Булгара и Биляра через Киев в Венгрию (99, с. 176).

Путь из Булгара в Киев (по А.Х.Халикову)

Это же подтверждаем сообщением из другого источника: «К северо-востоку от полян располагались земли северян и вятичей, обитавших к югу от Оки, на магистральном пути из Волжской Булгарии в Киев» (129, с. 12).

Постоянная связь была с Юго-Востоком, Средней Азией. Так, наиболее удобным был путь из Багдада через Кавказ, где, миновав Дербент, купцы сразу попадали в Хазарию и оттуда в Булгар. Второй путь проходил через Мерв, Бухару и Хорезм по берегу Амударьи, через Плоскогорье Устюрт-ворота в страну тюрков, затем пересекал реки Эмбу, Яик, Сакмару и дальше шел по левому берегу Волги в Булгар (16, с. 429).

А.Х. Халиков подчеркивает, что этот путь также ответвлялся и на Византию (в Царьград) и Болгарию на Дунае, а далее в Италию, Центральную и Западную Европу (150, с. 123).

В крупных городах для купцов строились караван-сарай с помещениями для размещения товаров, отдыха купцов и т.д. На окраине крупных городов возникали целые колонии для приезжих купцов, как, например, христианская колония в Биляре. Даже в самом центре Биляра жили торговцы и ремесленники из Руси (27, с. 18).

Для товарообмена с местным населением в приустьевой части притоков Волги: Казанки, Свяяги, Цивилия, Ветлуги болгарские купцы создавали фактории, которые функционировали только в летний период (99, с. 105). Впоследствии некоторые из них превратились в развитые торгово-ремесленные поселения. Такую же роль, на наш взгляд, вначале сыграла и крепость Мосха, послужившая первичной основой будущей Москвы, основанная в 1088 г. Ахадом Мосха (90, с. 322), а также разоренный россиянами болгарский городок, на месте которого в 1221 г. был заложен Новгород Нижний (29, с. 593). Не позднее рубежа X-XI столетий торговая фактория появилась и в устье р. Казанка, т.е. в районе современного Кремля, расположенного примерно в 6 км. от Волги (99, с. 215).

Большую роль в торговых делах болгар играл Волжский путь, который издавна был основной артерией восточно-славянской торговли со странами Средней Азии и Кавказом, тогда как Днепровский путь связывал Русь с Севером, Прибалтикой, Причерноморьем, Византией, рядом стран Арабского Халифата и др. Волжская система играла, прежде всего, роль торговой, а Днепровская – военно-политической артерии.

Волжская Булгария в X в. была главным центром торговли Востока с Русью, откуда по водным путям попадали в Волго-Окское междуречье и Муромо-Рязанскую землю. Далее с Волги традиционными путями проходили в Новгород и в Скандинавию (99, с. 90).

Волжская Булгария, по меткому выражению академика В.Л. Янина, превратилась в восточные торговые ворота Европы. Имея устойчивые культурные и политические связи с Арабским Халифатом, Булгария была своеобразным центром арабской и в целом восточной торговли в Европе. Деятельность болгар послужила основой расцвета Камского торгового пути, ставшего главной торговой артерией в связях Севера, Урала и Западной Сибири со странами Востока и Запада (99, с. 162). В некоторых источниках этот путь называется «пушным» (99, с. 69).

На Международном симпозиуме (Казань, 1998 г.) было подчеркнуто, что в отечественной и зарубежной историографии давно признана важная экономическая роль, которую играл Волжский путь в истории Европы, особенно в экономическом развитии Древней Руси и скандинавских стран. Одним из крупнейших пунктов Балтийско-Волжского пути был Булгар, непосредственно связанный уже с арабским миром. Здесь в X в. завершался путь большинства скандинавских купцов,

ездивших на Восток (99, с. 80, 81), потому что викинги и торговцы не только знали Булгарию на Волге, но и навещали ее рынки.

Т. Джаксон утверждает, что древние скандинавы знали о Балтийско-Волжском пути и роли Волжско-Камской Булгарии на этом пути (99, с. 33).

А. Гадло также отмечает, что о торговых караванах и военных отрядах, проходивших через страну булгар, относительно много известий содержится в арабской географической литературе, о них свидетельствуют данные археологии и нумизматики. Вместе с тем, памятники древнерусской литературы киевского периода хотя и знают этот путь, но сообщают о нем глухо и мало, что создает превратное представление о его менее активном использовании по сравнению с дорогой из Скандинавии на юг, шедшей по Днепру и соединявшей важнейшие исторические центры Древнерусского государства (Е. Казаков подчеркивает, что поток товаров по р. Волга превосходил товарооборот по знаменитому пути «из варяг в греки») (99, с. 103).

Далее он продолжает, что «в этой связи обращает на себя внимание русский литературный источник XVIII в. «Сказание о холопьем войне», включенный в хронограф московского историка и литератора Тимофея Каменевича-Рвовского, который свидетельствует не только о хорошем знании в Древней Руси волжского пути, но и о существовании на Руси преданий о походах через Среднее Поволжье на юг, которые совершались с территории Новгородской (Верхней) Руси в период становления древнерусской государственности» (99, с. 53).

Профессор из Швеции И. Янссон пишет, что с VII до начала XI в. тысячи восточных дирхемов были рассеяны на обширной территории Восточной, Северной и Западной Европы. Монеты привозились в Европу караванным путем из Средней Азии через Волжскую Булгарию.

Большое число (почти 80%) монет X в., вернее, имитации, очень похожие на подлинные, были изготовлены в Волжской Булгарии. Далее он продолжает, что самый большой материал восточного характера происходит из Центральной Швеции – древнего торгового Бирки, Аландских островов и т.д. Многочисленные находки имеют прямые аналогии в памятниках Волжской Булгарии IX-XII вв. Вероятно, связи между Булгарским государством и Скандинавией были более продолжительными, чем это зафиксировано монетными находками, и достаточно интенсивными (99, с. 123). Подчеркнем, что клады арабских серебряных монет IX в. концентрируются вдоль рек, образывавших Балтийско-Волжский путь, на участке от Ярославля до Финского залива (99, с. 84).

Несомненно, самые тесные торговые связи были с Русью. Источники сообщают, что еще у князя Владимира было много посуды «из серебра да из золота, доставляемая больше из Азии через Болгар Камских» (83, с. 50). Торговля Руси с Булгаром становится важнейшей для обеих сторон начиная с X столетия и остается таковой вплоть до XIII

в., когда нарушились традиционно складывавшиеся веками связи, осуществлявшиеся по Волжской системе (99, с. 89).

Частыми гостями в Волжской Булгарии были купцы из Аравии, Средней Азии и др. Правда, арабские и хазарские торговцы обычно дальше Булгара не ездили, но в отдельных случаях оказывались в землях славян и в Скандинавии (99, с. 110).

Источники подчеркивают, что именно царь болгар давал (или не давал) разрешения на продвижение в страну Вису-Чулман того или иного торговца или партии товара. Причем были оговорены как права болгарских купцов, так и права «купцов чулманских». Последним было запрещено самим являться в Булгарию (99, с. 168).

Булгарские связи обнаружены и в Европе. В Старом Кеуржине (Чехия) в составе погребального инвентаря богатого княжеского погребения X в. было найдено несколько серебряных и позолоченных височных колец, имеющих близкое сходство с волжско-булгарскими.

Имеются также некоторые археологические и нумизматические материалы о болгаро-западноевропейских связях X-XI вв. Так, при раскопках Семеновского I селища была обнаружена монета – серебряный динарий 1047-1075 гг., чеканенный в Дании. Из Измерского I селища происходят три монеты, чеканенные в первой половине X в. (93, с. 15).

Связи Булгарии с Прибалтикой ярко иллюстрируют многочисленные находки янтаря в Биляре, наибольшее его количество отмечено в верхнем горизонте культурного слоя (XII – начала XIII в.). Булгария в это время, вероятно, могла выступать крупным посредником в поставках янтаря – кахраба в арабские страны. Были найдены изделия византийской работы, стеклянные украшения и посуда, поливная керамика, амфоры.

Связи с Ираном, Ираком, Закавказьем, Средней Азией отражают многочисленные находки фаянсовой посуды с люстровой росписью, поливной керамики, сфероконусов, украшений, металлических и стеклянных изделий.

Свидетельством прямых связей Грузии и Армении в XII в. с Волжской Булгарией является коллекция грузинского оконного стекла и посуды из Биляра (99, с. 143, 146, 148).

Ценнейшие меха, пройдя многокилометровые водные и сухопутные дороги, поступали из Среднего Поволжья на китайские рынки. В Китай, по всей вероятности, привозился из Поволжья еще один товар – так называемая «бобровая струя». Она числится в списке болгарских товаров, вывозившихся в другие регионы.

О доставке товаров, в частности кожи булгари, в города Центральной Азии в довольно значительных размерах свидетельствует наличие в Ташкенте «Булгари базара». Это было специальное место в бывшем Себзарском даха г. Ташкента, где продавалась кожа булгари (99, с. 157, 158).

Наивысший расцвет Камского торгового пути приходится на XI–XIII вв. Не утрачивает своего значения Камский путь и после покорения Болгарии ханом Бату, хотя ближе к началу XIV в. начинается определенное сокращение поступлений восточных и болгарских импортов в Прикамье (99, с. 169).

О значении города Булгар, который был разрушен в 1236 г. Батыем и вскоре восстановлен, в системе золотоордынской торговли говорят не только надписи над местами погребения лиц, прибывших в Булгар из разных стран Востока в XIV в., но и громадное количество найденных в его развалинах монет из Индии и западных стран, китайских зеркал, керамики из Китая, Херсонеса и др. (94, с. 354).

В недавно обнаруженном источнике написано следующее: «В завоеванном и сожженном монголами в 1236 г. город Булгар возрождается вновь и превращается в значительный центр новой страны, в первую столицу Золотой Орды. Возникают здания с монументальной архитектурой – дворцы, усадьбы феодалов, караван-сарай, центральные и приходские мечети, школы и медресе, общественные бани, мавзолеи и т.д. Градостроительству уделяется важное внимание: прокладываются новые улицы и водопроводы, осушаются болотистые места. В конце XIV начале XV веков город значительно расширился и был окружен защитным валом...» (178, с. 35).

В ассортименте товаров, вывозимых из Волжской Булгарии, имеются и славянские невольники, которых продавали как «живой товар» на болгарских базарах (26, с. 63). Здесь может появиться мысль о том, что это пленники, захваченные булгарами во время набегов на русские земли. Это совсем не так. Чтобы рассеять сомнения читателей, лучше обратимся к В.О. Ключевскому: «К половине XII в. рабовладение достигло там (на Руси. – И.Г.) громадных размеров. Уже в X–XI вв. челядь (слуги, дворовые люди. – И.Г.) составляла главную статью русского вывоза на черноморские и волжско-каспийские рынки. Русский купец того времени всюду неизменно являлся с главным своим товаром, с челядью. Восточные писатели X в. в живой картине рисуют нам русского купца, торгующего челядью на Волге; выгрузившись, он расставлял на волжских базарах, в городах Болгаре или Итиле, свои скамьи, лавки, на которых рассаживал живой товар – рабынь. С тем же товаром являлся он и в Константинополь» (35, с. 278).

О том, что «русы» торговали девушками-красавицами на болгарском рынке, писал и Ибн Фадлан. При этом он сообщал, что эти торговцы на глазах своих товарищей и целой группы зрителей могли сочетаться со своей девушкой. За этим иногда могла наблюдать целая толпа. Если входил заезжий купец, он и на него не обращал внимания, пока не удовлетворит своей потребности (44, с. 45). Естественно, рабы продавались не только в Булгарах, а среди них были и другие народы.

Хотим довести до сведения читателей интересное, на наш взгляд, сообщение испанского путешественника Перо Тафур, который посетил

невольничий рынок в Каффе. Он писал, что «если среди рабов продается татарин или татарка, цена на них в три раза больше, ибо с уверенностью можно сказать, что ни один татарин никогда не продавал своего хозяина» (94, с. 258). Здесь, думаю, будет уместно сообщить, что офицеры царской армии предпочитали денщиков-татар – поскольку они не курили, не пили, не воровали (Республика Татарстан. 2001, 15 февр.).

Подытоживая данную главу, мы можем сказать, что слова, приведенные в эпиграфе «...опыта монументальных сооружений у болгар не было, строительного камня или кирпича они не знали» (77, с. 112), не соответствуют действительности.

Булгары еще в домонгольский период были прекрасными мастерами-строителями, известными далеко за пределами своей страны. Здесь были развиты гончарное, литейное, камнерезное и другие виды ремесла и искусства, некоторые из них сохранились до наших дней. Булгария являлась крупным центром международной торговли, была основным звеном в связях между Древней Русью, Прибалтикой, Скандинавией, Европой, с одной стороны, и странами арабского Востока, Средней Азии, Ираном, Китаем - с другой.

Большой сбыт собственно болгарских товаров приносил немалую прибыль и развивал в свою очередь ремесло и сельское хозяйство. В целом в экономике болгарского государства торговля играла большую роль (57, с. 40). Все это подтверждает, что Волжская Булгария была хорошо развитым в экономическом отношении государством. Н.М. Карамзин отмечает его цветущее состояние (29, с. 469). О Волжской Булгарии как цветущем государстве до монгольского завоевания говорят и другие источники.

Культура и образование в Болгарии

*Где, покажите мне, пусть
обгорелый и полуистлевший, клочок бумаги
или бересты с образцом письменности того
времени? Ведь нет ничего!*

М.С.Глухов

*О грамотности не только верхушки,
но и широкого населения, в том числе и
ремесленников, говорят надписи на
различных изделиях.*

Р.Г.Фахрутдинов

Еще до принятия ислама у болгар была письменность, так называемая древняя руническая тюркская, о чем свидетельствуют исторические и археологические источники (57, с. 22). Находки с древнеболгарскими надписями хранятся в музеях Казани, Новочеркасска, Венгрии и Болгарии (90, с. 267).

Установлено, что это письмо употреблялось древними тюрками не позднее VI – VIII вв. Оно было известно и нашим предкам болгарам и кипчакам, жившим в Поволжье, Причерноморье и на Северном Кавказе. Это подтверждается исследованиями многих советских историков и языковедов (81, с. 13).

С принятием мусульманства, руническая письменность была заменена письменностью, основанной на арабском шрифте, которая постепенно в Волжской Болгарии получает широкое распространение. О грамотности не только верхушки, но и широкого населения, в том числе и ремесленников, говорят надписи на различных изделиях (57, с. 84). Так, сохранилась надпись на бронзовом замке из Билярска, которая гласит: «Работа Абу-Бекря, сына Ахмеда. Постоянная слава и мирный успех и счастье всеобнимающее, и величие, и благосостояние владельцу его. В летоисчислении 541 г. (1146)» (11, с. 15). Фотография данного замка приводится ниже.

Ф.Ш. Хузин отмечает, что болгары писали не только на костях, глиняных сосудах, бересте или воощеных досках, но и на бумаге, привозимой из Самарканда (125, с. 53). Писали болгары даже на металле. В Билярах археологами было найдено два свертка бересты, а также оклады (в том числе инкрустированные) рукописей (63, с. 164). Наверное, с того времени берет начало выражение: «тузга язмаганны сөйләмә» – «не говори того, что не написано на бересте» (у этой поговорки существует и другой вариант, который не так активен, как первый – «ташка язмаганны сөйләмә» – «не говори того, что не написано на камне». Эти поговорки применяются тогда, когда говорящий (собеседник) хочет выразить свое несогласие с каким-нибудь неправдоподобным утверждением (129, с. 178).

В Национально-культурном центре Казани можно увидеть такие кусочки бересты с надписями. При археологических раскопках были обнаружены острые костяные палочки домонгольского периода для нанесения букв на бересту, а также глиняные чернильницы (63, с. 164). Это и есть ответ на вопрос: «Где, покажите мне, пусть обгорелый и полуистлевший, клочок бумаги или бересты с образцом письменности того времени? Ведь нет ничего!» (77, с. 108, 109).

Чернильницы и писала. XI – начало XIII в.

Широкое распространение письменности среди населения опиралось на развитую систему просвещения. Ибн Дуста еще в X в. писал о наличии даже в болгарских селениях начальных училищ с муэдзинами и имамами (21, с. 8). Эти школы были открыты при мечетях. З.З. Мифтахов отмечает большой вклад в дело просвещения болгар муллы Микаиле Башту. Благодаря его стараниям в 865-882 гг. было открыто 42 мектебе, т.е. начальные школы. За время с 882 г. по 900 г. было основано 180 мектебе. Итак, за 35 лет основали 222 мектебе. В них детей учили читать и писать (90, с. 268).

В Болгарии были средние и высшие мусульманские учебные заведения – медресе. В них учились наиболее способные ученики, которые впоследствии становились знаменитыми учеными, поэтами, историками, врачевателями. Для получения образования сюда приезжали и из других стран. Так, арабский ученый Абу Хамид аль Гарнати привез старшего сына для обучения в медресе г. Биляр (Совет мэктебе. 1990. № 12). Известны сообщения и о выпускниках этого медресе, работавших медиками в XIII в. в Ираке (63, с. 163, 164). Среди выпускников Высшего медресе были знаменитый ученый и лекарь Абул-Галя Хамид ибн Идрис ал-Булгари (1120-1130), видный поэт XII в. Сулейман бине Дауд Саксини (Сувари), историк Якуб ибн Нугман ал-Булгари и др. Сохранилось сообщение об Ибн Хазаре из Ирака, который, после получения образования в Булгарах, трудился в Анатолии и Сирии, пока не попал в плен к монголам (63, с. 162, 163).

Выпускники медресе среднего типа могли продолжить свое образование в научных и культурных центрах востока: в Самарканде, Бухаре, Багдаде, Балхе и других городах.

К древним татарским (болгарским. – И.Г.) письменным памятникам относятся монеты, отчеканенные в Волжской Болгарии, в том числе домонгольского периода. Болгарские монеты IX-X вв. находят далеко за пределами Великой Болгарии – в Прибалтике, Скандинавии, в Европе, в Малой и Средней Азии и на других территориях (81, с. 18).

Как подчеркивает М.З. Закиев, среди монет, находимых в Швеции, всегда встречаются чеканенные в Булгарах в IX-XI вв. О болгарских монетах Г. Рислингом была написана даже специальная работа (126, с. 442).

Снимки этих монет можно увидеть в книге А.Х. Халикова (63, с. 114). На монетах Волжской Болгарии имеются дата, место чеканки и имя правителя. Так, в 949, 952 гг. они были чеканены в Суваре в 959, 976, 977, 984, 985 гг. в Булгарах (63, с. 149). Ф.Ш. Хузин пишет, что на первых монетах 902-908 гг. стоит имя Эмира Алмуша. На монетах 970-980-х гг. сохранились имена двух эмиров - Мумина ибн Хасана и Мумина ибн Ахмеда (125, с. 38, 39). Монеты нельзя подделывать, поэтому они являются веским историческим источником.

Изделия Булгарского монетного двора. Последняя четверть XIII в.

На этом месте хотим провести параллель: в Болгарии еще в X веке чеканили монеты, а на Руси первые монеты появились значительно позже. Реальное начало русской чеканки датируется XIV веком. Вначале они чеканились на двух языках – на русском и татарском, включая и период Ивана Грозного (199, с. 244, 246).

А ведь, на наш взгляд, чеканка монет доказывает мощь государства, является самым сильным доказательством о развитости его культуры и экономики.

Согласно известиям арабских путешественников, в Болгарии была высоко развита астрономия, составлялись обширные исторические работы, существовал уголовный кодекс (6, с. 774). Имеются сведения о существовании библиотек.

Путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, который был в Булгаре в 1133-34 и 1135-36 гг., пишет, что прочитал «Историю Булгара», переписанную болгарским кадием (судьей. – И.Г.) (91, с. 31). В этом же источнике отмечается, что автором данной работы был Йакуб ибн Нугман (91, с. 83).

Наибольшим уважением и почетом у болгар пользовались лекари, врачи. Для лечения от разных болезней они очень широко применяли травы. Слово «от» у болгар одновременно означало траву и лекарство, а лекарей, врачей называли «отчи» (90, с. 272, 273). В мишарском диалекте слово «ут» и в наше время означает сорную траву, а производное от него «утау» – прополку.

3.3. Мифтахов пишет о знаменитом травнике – табибе Субаше, который исцелил смертельно больного Святослава, сына князя Игоря и княгини Ольги. До него маленького Святослава безуспешно лечили русские и византийские врачи. Когда княгиня Ольга спросила его, почему Субаш так старался, он ответил: «Мой отец сильно разбогател от

продажи византийских вещей, которые купил у Игоря, и считал себя обязанным ему» (90, с. 273).

Другой знаменитый ученый, табиб-лекарь и богослов Ахмед Булгари, жил и творил в XI в. Затем он учился в Газне, где и был похоронен с большими почестями. На месте его захоронения находится источник с чистой минеральной водой. Этот источник люди стали называть «источником Хаджи Булгари». В 1971 г. афганцы над могилой Хаджи Булгари воздвигли мавзолей из белых мраморных плит (там же).

Братья–медики Тазетдин и Хасан ибн Юнус ал-Булгари в 1221 г. написали трактат по фармакологии «Лучшие лекарства против отравления» («Ат тирьяк эль-кабир»). Это сочинение сохранилось до наших дней и сейчас находится в Научной библиотеке столицы Ирана городе Тегеране.

Еще в 1394 г. поэт Сейф Сараи в своем произведении «Сөһэйль вә Гөлдерсен» за 150 лет до Коперника и за двести до Джордано Бруно высказал смелую мысль о том, что Земля, не являясь центром Вселенной, движется вокруг Солнца (Совет мәктәбе. 1990. № 12).

В Волжской Булгарии жил и творил поэт Кул Гали. Хотя М.С. Глухов пишет: «... Кул Гали, **якобы** (выделено нами. – И.Г.), жившего в Булгарах в конце XII – начале XIII вв. (77, с. 101), в 1983 г. в г. Москве международная организация ЮНЕСКО проводила празднование, посвященное 800-летию со дня рождения Кул Гали (82, с. 87). Им была создана знаменитая поэма «Кысса–и–Юсуф», прекрасный образец письменного литературного наследия татарского народа. Это произведение вобрало в себя почти все проблемы, волновавшие общественность своего времени. В поэме освещены многие жизненные ситуации и конфликты: непрерывная борьба добра и справедливости с силами зла; стремление людей к свету, счастью, нравственной чистоте, совершенству; преодоление трудностей на этом пути и достижение своих идеалов, целей; естественные душевные переживания героев, их горести, радости и др.

Поэма сыграла большую роль в формировании этики, литературных вкусов татарского народа, оказала влияние на развитие в его сознании понятий моральной чистоты, справедливости, гуманизма, выполнила огромную моральную и политическую миссию перед нашествием монголов. Поэма, осуждавшая распри между братьями, спланивала народ, воспитывала преданность Родине.

Насколько глубоко проникла, вошла поэма в жизнь татарского народа, в его духовный мир, можно судить по тому, что ее сюжетные линии, ее мотивы существуют параллельно с народными песнями и легендами, а печатные издания поэмы (более семидесяти изданий за 1839-1917 гг.) использовались в татарских медресе в качестве учебного пособия (37).

Предполагается, что поэт Кул Гали родился приблизительно в 1183 г. в Волжской Булгарии, до шестнадцати лет учился в местном медресе,

потом долгие годы странствовал по культурным центрам мусульманского Востока, где встречался с поэтами и учеными, слушал лекции мудрых шейхов-суфиев. Позже, возвратившись на родину, он занимался преподавательской деятельностью и сочинял поэтические произведения. Умер Кул Гали, как полагают, в период падения Булгарского государства под натиском монгольских войск в 1236-1240 гг. (37). Кул Гали по праву считается основоположником татарской письменной поэзии (63, с. 163).

Отметим, что через несколько лет после юбилея Кул Гали ЮНЕСКО также в Москве отметило 800-летие «Слово о полку Игореве», автор которого до сих пор неизвестен.

В Булгаре и других городах были и знаменитые педагоги. Один из них – Махмуд Булгари, который написал книгу о воспитании детей. Данная книга включена в список лучших книг, написанных в XVI в. по педагогике. Это отмечено в библиографии составленной в Багдаде мусульманскими учеными (150, с. 149).

Таким образом, как подчеркивал академик А.Г. Каримуллин, «многочисленные эпиграфические, нумизматические памятники, орнаментальное письмо на соборной мечети г. Булгар, надписи на ювелирных изделиях говорят, что в IX - XIV вв. в Волжской Булгарии была широко развита письменность на основе арабской графики» (81, с. 18).

Чеканка «поволжских» монет, могильные камни с надписями, поэмы, дастаны и байты отмечены в крае только у булгар (138, с. 50).

Надгробия. Камень, плоскорельефная резьба (1288 и 1309 гг.)

Хотя ислам и запрещал разные массовые представления, музыку, у болгар народная музыка жила и развивалась. В Билярской коллекции встречаются похожие на нынешние детские игрушки: глиняные свистульки в виде птиц, а также похожие на флейту костяные свирели с многочисленными отверстиями. В Танкеевском могильнике обнаружены останки музыкального инструмента типа варган (гармонь) в металлической рамке.

М.Н. Нигметзянов сообщает, что монах Рубрук видел игру на «бандуре», пение и пляски «кипчакских татар». Плано Карпини пишет об игре на «гитаре», плясках и пении особых хвалебных песен «мактап»... В высшей степени любопытный и достоверный материал о музыкальном быте татар, о составе музыкального инструментария содержит «Кодекс Куманикус» (XIV), тщательно исследованный Вильгельмом Радловым. Радлов дает немецкую интерпретацию таких инструментов, как «суруна, мюз (на наш взгляд «мөгез». – И.Г.), быргу, накара, кубуз (кобыз), тумбур» (138, с. 424). Эти сведения являются подтверждением того, что еще в X-XII веках у наших предков имелись различные щипковые и духовые музыкальные инструменты.

Одной из популярных и распространенных игр в Булгарах были шахматы, о чем свидетельствуют обнаруженные шахматные фигуры, которые мало чем отличаются от таких же фигур, найденных в Киеве, Новгороде и др. Эта игра в Средней Азии распространилась еще в VII-VIII вв., а в IX-X вв. она появилась и в Булгарии. По суждениям шахматных историков, игра проникла на Русь в период расцвета восточной торговли в IX-X вв. через Волжскую Булгарию (63, с. 165, 166).

Необходимо подчеркнуть то, что Булгарская культура в XIII-XIV веках испытывает влияние и Запада, причем не только культуры Руси и Армении, но и Италии, Франции, Испании. Побывавшие в Булгарии купцы и миссионеры отмечают ее почти как обычную европейскую страну, подчеркивая при этом и ее мусульманскую сущность (150, с. 151).

Богатый материал о культуре Волжской Булгарии можно найти в работах, освещающих духовную жизнь народов Татарстана. Среди них «Народно-декоративное искусство Татарстана» Ф.Х. Валеева (Казань, 1984), «Костюмы казанских татар» Г.Ф. Валеевой – Сулеймановой (Казань, 1972), «Орнамент казанских татар» (Казань, 1969) и др. Эти работы являются обобщающими и охватывают большой период, в том числе и наши дни. К тому же они изданы в Казани, поэтому их пока можно найти даже в сельских библиотеках.

Все изложенное свидетельствует о том, что еще в домонгольский период в Волжской Булгарии высокого уровня достигли культура, наука и литература.

Когда болгары стали мусульманами?

У племен низовий Камы накануне прихода сюда батыевых войск не было приоритетного вероисповедания, которое могло бы выработать идеологическое единство общества.

М.С. Глухов

Все это свидетельствовало о том, что в 922 г. Волжская Булгария стала исламским государством.

З.З. Мифтахов

В Волжской Булгарии основной религией являлся ислам, который частью населения был принят еще в IX в. З.З. Мифтахов сообщает, что в 865 г. прежнее Булгарское княжество было объявлено царством. В дальнейшем Булгарское царство было провозглашено исламским государством (90, с. 191).

И. Ихсан подчеркивает, что, когда ислам начал распространяться в Средней Азии и Среднеречье, в культурно-торговой деятельности населения этого региона установилась тесная связь с итильскими булгарами и создалась благоприятная почва для проникновения исламской культуры и цивилизации в районы их проживания (99, с. 69).

Ученый и путешественник ал-Масуди, который жил в первой половине X в., приводил сведения о принятии ислама булгарами, о паломничестве в Мекку, совершенном сыном принявшего ислам царя булгар, и последующем визите его в Багдад, ко двору халифа, с дарами, а также о существовании мечетей у булгар. Т. Калинина поддерживает мнение, что ряд данных ал-Масуди схож с рассказом о миссионерском визите в 921-922 гг. Ибн Фадлана, что поставило перед учеными вопрос о возможном влиянии сведений последнего на ал-Масуди или даже о личной встрече путешественников (99, с. 13).

Ибн Фадлан оставил также сведения о том, что увидел племя около пяти тысяч душ женщин и мужчин, все до одного принявшие ислам. Это племя называлось Баранджар (44, с. 39).

Арабский писатель аль-Балхи в произведении «Эшкелэл-билад» («Картины земной поверхности»), сочиненном в 920 – 921 гг., то есть до приезда Ибн Фадлана в Булгар, писал, что в городе имеется соборная мечеть. Неподалеку от Булгара находится город Сувар, где тоже есть соборная мечеть.

Его современник, другой арабский писатель Ибн Руста, также писал, что большинство болгар исповедует ислам, в их селах имеются мечети и мектебе (школы), во главе которых стоят имамы и муэдзины. По утверждению Ф.А. Хвольсона, Ибн Руста свое сочинение писал до 913 г., то есть опять же до приезда посольства из Багдада (176, с. 74).

(Профессор Санкт-Петербургского университета Ф.А. Хвольсон, нашел эту работу, написанную еще в X веке, однако неизвестную до него, в Британском музее, впервые ее перевел, издал и дал пояснения. Ее он оценивает как важный исторический источник. Полное его имя, по мнению Ф.А. Хвольсона, Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн Даста. Мы решили дать его общепринятое в науке имя Ибн Руста. – И.Г.).

Представляет интерес в этом отношении высказывание С.М. Соловьева, который писал: «...издавна, когда еще русский славянин не начинал строить на реке Оке церквей христианских, болгарин слушал уже коран на берегах Волги и Камы» (51, с. 46).

Временем становления ислама государственной религией принято считать 922 г. Эта версия связана с прибытием в Булгарию багдадского посольства, в составе которого был ученый Ибн Фадлан.

Еще раз обратимся к Ибн Дасте. Он пишет следующее: «Кто прочитал рукопись Ибн Фад(з)лана до конца, тот увидит, что царь Алмуш еще много лет до приезда посольства был мусульманином.

О переводчике нет даже слово. Поэтому надо сделать заключение: царь Алмуш так долго был мусульманином, наверно он изучил арабский язык и понимал письма на арабском языке прочитанные перед ним» (176, с. 6).

Одна из причин обращения царя болгар к багдадскому халифу – это поиск союзников для укрепления военной мощи. В это время соседями болгар были хазары, а их интересы находились в непримиримом противоречии из-за торговых путей. Хазарский хакан стремился подчинить себе Булгарское царство. Временно ему это удавалось. Булгары и их царь были «в порабощении» у хазар. Сын болгарского царя находился в заложниках у хакана хазар. С принятием ислама болгарский царь мог надеяться на поддержку халифа.

Кроме того, в Хазарии было много мусульман, в частности мусульманских купцов и ремесленников. Известно, что на службе у хакана находилась наемная гвардия из мусульман. Это мусульманское войско, имевшее формальный договор с хаканом, не могло быть использовано в войне против их единоверцев-мусульман. После принятия мусульманства булгарами их царь приобретал в лице хазарских мусульман верных союзников (94, с. 67).

Р.Н. Безертинов отмечает, что, почувствовав бессилие хазарского кагана, царь волжских болгар Алмуш пытался изменить политику внутри своей страны. Хорошо зная, что халифат и иудейский каган хазар всегда были врагами, он все же осмелился вызвать посольство из Багдада для обращения своей страны в религию ислама (107, с. 144).

О своем путешествии Ибн Фадлан оставил записи, в которых сообщает увиденное своими глазами в стране тюрок, хазар, русов, болгар, башкир и других, обитающих в тех землях, народов, повествует также об их религии, обычаях, царях и обстоятельствах жизни и других делах. Так, он пишет, что «16 мая, в четверг, состоялось торжественное облечение царя болгар властью. Развернули два знамени, оседлали лошадь привезенным из Багдада седлом, надели на царя официальное черное одеяние аббасидских вельмож «савад» и тюрбан. Далее состоялось торжественное чтение писем халифа, везира и Назира ал-Харами» (94, с. 68). На следующий день произошло первое богослужение, когда была провозглашена новая хутба с новым мусульманским именем царя и титулом «клиент повелителя правоверных» (там же).

Дипломатическая история посольства на этом не кончилась. Несколько лет спустя в Багдад явились гости с далекого севера – целое посольство во главе с самим сыном царя болгар. Они направлялись на поклонение в Мекку, но привезли с собой халифу ал-Мухтадиру «знамя, савад и деньги» (94, с. 68, 72).

Таким образом, в начале X в. болгары окончательно вошли в сферу влияния мусульманской культуры. Сомнения в том, что «...у племен низовий Камы накануне прихода сюда батыевых войск не было приоритетного вероисповедания, которое могло бы выработать идеологическое единство общества» (77, с. 108), попробуем рассеять также результатами археологических раскопок.

В центре Билярского городища археологами была открыта деревянная мечеть площадью в 1400 м², построенная еще до 922 г., а в ходе раскопок 1971 г. были выявлены остатки белокаменной мечети, которая имела 24 подпорки для удержания крыши, и двухэтажный дом мусульманского проповедника, построенные в X в. (63, с. 50, 74). А как известно, после сожжения монголами г. Биляр больше не восстанавливался.

В Измерском поселении, существовавшем в X-XI вв., было мусульманское кладбище, в котором насчитывается около 2 тыс. погребений (99, с. 102). До 30 проц. покойников Больше-Тарханского (VIII-IX вв.) и Танкеевского (IX-X вв.) могильников были захоронены по мусульманскому обычаю, то есть без вещей, головой к западу, лицом к югу (63, с. 41-50).

Р.Г. Фахрутдинов также подтверждает, что «погребальный обряд домонгольской Булгарии – в основном уже мусульманский, и он несравнимо господствует над тем обрядом IX, частично X в., который известен в археологии Среднего Поволжья благодаря раскопкам Танкеевского, Больше-Тарханского и Тетюшского могильников (57, с. 83).

На это обратил внимание также Ибн Даста и написал следующее: «Их одежда похожа на мусульманские; таким же образом и их кладбища точно как мусульманские» (176, с. 24).

Этот вопрос аргументированно излагается в выпущенном в 1986 г. на русском языке труде Е.А. Халиковой «Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII веков».

Ислам стал проникать и в соседние с Булгарией племена, о чем свидетельствует наличие мусульманского могильника домонгольского времени около Рождественского городища в Пермской области (99, с.166).

О распространении мусульманства у волжских булгар в качестве официальной, общегосударственной религии можно найти сведения и в русских летописях в связи с событием 986 г., когда к киевскому великому князю Владимиру прибыли болгарские послы с предложением своей веры. На вопрос князя, что представляет их вера, болгары ответили, что они делают обрезание, не едят свинины, не пьют вина... Летописи сообщают, что Владимир хотя и «сам любя жены и блужание много», но сказал, что обрезание и запрещение есть свиное мясо ему не нравятся, а насчет вина сказал твердо: «Руси есть веселье пить, не можем быть без него» (50, с. 171).

После булгар приезжали немцы, евреи, греки, и все они хвалили свою веру. Через год Владимир, посоветовавшись с боярами, направил в эти страны людей, чтобы увидеть все самим. Побывали послы и в Булгарии. Вернувшись обратно, они заявили: «...ходили мы к булгарам, смотрели, как они поклоняются в своем храме, то есть в мечети: стоят, распоясавшись, поклоняются, сядут и глядят туда и сюда... и нет у них веселья...» (83, с. 20).

Когда десять русских послов прибыли в Царьград, тогдашний греческий царь принял их к себе. Утром послал сказать патриарху, чтобы приготовили церковь и клир, а сам облачился в святительские ризы – «пусть русские увидят славу Бога нашего». Услышав это, патриарх и велел созвать весь клир церковный, то есть всех духовных лиц. Устроили в великом, богато украшенном храме Святой Софии праздничное соборное служение; зажгли все паникадила, и на обоих клиросах уставлены были лики, то есть собрание певчих. Император пошел с русскими послами в Храм и поставил их на просторном месте. Показал всю красоту церковную. Слушали они чудесное пение певчих, то певших поочередно с правого и левого клироса, то сливавших голоса в один согласный хор. Когда закончилась церковная служба, послов позвали во дворец; там оделили их богатыми подарками и отпустили на родину (83, с. 19, 20). Видать, и в давние времена люди могли заниматься показухой и любили получать подарки. Послы рассказали князю: «Не умеем сказать, есть где на земле такой вид или такая простота! Только знаем, что служба у греков лучше, чем во всех других землях» (83, с. 20). Судьба Руси была решена – она приняла крещение.

В российских источниках отмечается, что принятие на Руси христианства имело положительное историческое значение. В связи с этим мы должны подчеркнуть, что принятие ислама также сыграло

положительную роль в жизни народов Булгарии, оно содействовало распространению письменности, а на этой основе широкому проникновению восточной культуры. Естественно, этому способствовали и тесные торгово-экономические связи со странами Средней Азии, Востока и др. Поэтому неудивительно, что Ибн Фадлан писал о людях из Багдада, Хорезма, Индии, проживавших среди болгар, в том числе о царском портном из Багдада, ученом из Индии и др. (63, с. 10, 160).

О системных торговых и культурных связях г. Булгара с Ираком писал и Л.Н. Гумилев (17, с.140).

Нужно отметить, что арабы оказали влияние не только на болгар. От них и европейцы восприняли много ценных научных знаний. Труды арабских математиков и астрономов служили руководством для ученых средневековой Европы. У арабов европейцы научились чертить карты, пользоваться компасом и глобусом. Живя в восточных странах и торгуя с ними, европейцы познакомились с новыми земледельческими культурами. Произошли изменения и в быту: на Западе стали мыть руки перед едой, за столом научились пользоваться ножами и вилками, купаться в горячих банях, менять белье и верхнюю одежду (76, с. 72, 108).

Здесь, на наш взгляд, нужно обратить внимание на высказывания некоторых авторов о том, что завоевательный порыв арабов поддерживался особой религией, созданной в VII в. Магометом, и о том, что ислам поощрял войны (24, с. 32). К сожалению, тезис, будто ислам религия насилия, насаждаемый огнем и мечом, иногда появляется и в нашем регионе. Так, «...к началу завоевательных походов Тамерлана, одной из целей которого было внедрение ислама насильственным путем...», - читаем мы (77, с. 73).

В действительности в Коране метод насильственного склонения к принятию той или иной веры категорически отвергается: «В религии нет принуждения». Ни о каком вооруженном насаждении ислама не помышляли и непосредственные участники арабских завоеваний. Религиозное рвение их было ничтожно, и воины, среди которых были целые племена арабов-христиан, вдохновлялись не столько идеей торжества ислама, сколько перспективой захвата богатой добычи (43, с. 7). В истории раннего ислама были периоды, когда правители не только не поощряли обращение иноверцев в свою веру, но всячески противились этому.

В Волжско-Камской Булгарии, а в последующем и в Казанском ханстве, была полная веротерпимость. Так, Р.Н. Безертинов пишет, что с приходом к власти в Хазарском каганате евреев иудаизм стал проникать и в Волжскую Булгарию, особенно в правящий класс. Часть болгарских аристократов, которые стояли у власти, приняла иудаизм. Это хорошо видно из надписей на надгробных камнях, найденных на территории Волжской Булгарии, где наряду с арабскими надписями выбита и шестиконечная звезда (символика иудаизма) (107, с. 364, 365).

В мирное время в Бугарии действовало русское духовенство. Деятельность русского духовенства была крайне интенсивной. Русские священники пытались противопоставить исламу христианскую религию. В достижении своих целей они имели и некоторые успехи, благодаря деятельности христианских миссионеров появлялись последователи христианской религии. Один их таких последователей, а именно Авраамий Болгарский, русским духовенством был причислен даже к лику святых (149, с. 238).

Хотим остановиться еще на одном вопросе. Некоторые авторы, или желая показать покорность перед «старшим дядей», или стараясь схитрить, или еще по какой нибудь причине пишут следующее: «Политика русификации первоначально – в XVI-XVII вв. никакого успеха не имела. Зато активно продолжалась татарская ассимиляция чувашей. Дело в том, что ислам в царской России был в оппозиции к государственной религии – православию. Поэтому чувашаи, проживавшие среди татар, стали видеть в исламе средство социального сопротивления. Но принятие ислама вело к обязательному отатариванию, так как, в отличие от православных церковников, не принуждавших чувашей при крещении к отказу от своей национальности, мусульманские миссионеры при переходе их в ислам требовали отречения и от национальности. Так чувашаи «уходили в татары» (тутара тухна), то есть, принимая мусульманство, они как бы автоматически становились и этническими татарами (163, с. 48).

Далее, пытаясь как бы подтвердить свою мысль, вышеупомянутые авторы пишут: «Источники свидетельствуют, что во второй половине XVI в. в Казанском крае чувашей проживало в 2-3 раза больше, чем татар. Даже по итогам первой ревизии (1719 г.) в Среднем Поволжье татар числилось 211,2 тыс., а чувашей – 217,6 тыс. человек обоего пола. К 1897 г. чуваш было 753,0 тыс., а татар 1069,2 тыс. человек. Историки и демографы справедливо считают, что более быстрый рост численности татар происходил главным образом за счет ассимиляции принявших ислам чувашей» (163, с. 48).

Естественно, с этим трудно согласиться, потому что «...в отношении упорствующихся крещению применялись жесткие репрессивные меры. В целом, говоря о массовом крещении чуваш, мы должны констатировать, что оно было насильственным! Так как любое действие над человеком или народом, совершаемое без его воли и согласия – есть насилие.

Видный чувашский ученый А.А. Трофимов пишет следующее: «На Руси в годы активного расширения юго-восточных границ, завоевания Казани православная церковь в отношении к «инородцам» и «иноверцам» находилась в состоянии чрезвычайной агрессивности. Христианизация поволжских народов происходила насильственным образом. В частности, обращение чувашей в новую веру нередко носило групповой и откровенно издевательский характер: мужчин, женщин, стариков, детей с

помощью воинской силы сотнями, тысячами загоняли, как скотину, в Волгу, Суру и другие реки – и это называлось крещением, хотя смысл подобных действий для тех, кого «крестили», оставался совершенно темным. С этой целью истреблялись предметы культа, вырубались, выжигались священные рощи, которые, в понятиях чувашей были намного святее, чем храмы и соборы навязываемой религии. В стремлении оставаться самими собой, сохранить свою веру, поклоняться собственным богам и предкам многие покинули родные места, где лютовало духовенство» (181, с. 231, 232). Мы хорошо знакомы с данным автором, и не верить его высказываниям не хотим и не можем

Обратимся к некоторым статистическим данным. Автор данных строк выходец из Дрожжановского района Республики Татарстан, который до революции входил в состав Симбирской губернии. Поэтому мы будем, сначала, оперировать данными по этой губернии. По переписи 1897 г. здесь в сельской местности проживало 79277 мужчин и 79922 женщин чувашской национальности православного вероисповедания, в том числе в городе 363 и 90 соответственно. Кроме того, чувашей старообрядцев и уклоняющихся от православия было 124 человека, нехристианского исповедания 368 человек. А чувашей - мусульман на всю губернию было всего 74 человека (37 мужчин и 37 женщин) (159, с. 64, 67). И о какой же татаризации или исламизации может идти речь?

Вернемся в нашу республику. По переписи 1926 г. в Татарстане проживало 127330 чувашей, из них родным чувашский язык считали 126626 человек. Лишь 704 человека остаются на русский, татарский и другие языки. В то же время из 84948 чувашей, проживающих в Башкирии, 83143 родным признали чувашский язык, а остальные 1805 нет. Это в два с лишним раза больше, чем в Татарстане, хотя чувашей в Башкирии было и меньше. Тогда чувашей в СССР было 1117303 человек, 1104441 из которых родным языком считали чувашский (160, с. 14, 34, 64, 65).

Далее авторы пишут, что в 1740 г. для насильственного крещения народностей Поволжья была создана Новокрещенская контора. Читателям напомним, что сначала, в 1731 г. эта контора называлась Комиссией для крещения казанских и нижегородских мусульман и других инородцев, то есть в первую очередь имелись в виду татары. За 24 года деятельности данной конторы, продолжают авторы, **почти все** (выделено нами. – И.Г.) чувашаи путем насилия или обещания льгот или вознаграждений были крещены (там же, 49). Как же быть тогда с тезисом «о татарской ассимиляции» чуваш? Ведь до 1897 года было еще 130 лет.

Во время наших поисков в Российском государственном архиве древних актов мы натолкнулись на интересный факт. Не татаризация, наоборот, в некоторых местах крещеных татар записывали чувашами. Например, документ, составленный во время переписи 1762 года, называется так: «Сведения о служилых татарах деревни Старый Чекурск в переписной книге третьей ревизии». Там читаем следующее:

«Синбирского уезду Вального стану новокрещенской деревни Старой Чекурской ис татар Матвей Ильин 27, 44 (возраст. – И.Г.)...; Алексей Петров по-чуваски Ашмет Ахметов 44, 61, у него жена Аксинья Филиппова тридцети пяти лет, взята того же уезду деревни Верхних Тимирсян... Также Дмитрий Ахметов превратился в Дмитрия Михайлова, Мухамет Калмаметлов – Михайла Филиппова, Утяшев в Макарова, его сын Яфер в Ефима, Бахтияр – Андрея, Ишмурат Бикбулатов – Тимофея Алексеева. А Мустай Азаматов из татар, например, записан как умерший в “невери”, то есть не крещёным» (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3147, лл. 144, 144 об., 146 об.).

К язычникам-инородцам мусульмане относились с полной терпимостью и никогда не пытались насильственно обратить их в мусульманство. Проповедь мусульманских миссионеров среди инородцев совершалась мирным путем: суфийские шейхи ходили по деревням и своими проповедями обращали язычников в мусульманство. В знак того, что в Казанском ханстве обращение жителей в мусульманство совершалось мирным путем, мулла во время молитвы в мечетях Казанского края стоит, опираясь на посох странника (65, с. 197).

Совместное проживание чувашей и татар, знакомство чувашей с мусульманской религией, естественно, отражалось и в их обрядах. Так, в XIX веке в Цивильском уезде Казанской губернии перед началом различных обрядов молитва, которую читал «молла» начиналась словами «Эй, бисьмэллэ! Пер Тора, анбрах! (Хвала аллаху! Боже единый, не оставь!)» (164, с. 30). «Эй, бисьмэллэ!» встречается и на страницах 43, 46, 49, 52, 54, 58 и т.д.

О влиянии мусульманской религии на чувашей писал и священник К.П. Прокопьев: «В Буинском и Симбирском уездах есть деревни, где крещеные чуваша не только перешли в мусульманство, но совершенно отатарились, так что уже, и одеваются по-татарски. Из таких селений мне известны следующие деревни: Чепкасы, Илметьево, Дуваново, Шаймурзино. Они ревниво оберегают себя от всякого русско-христианского влияния и отличаются даже большим фанатизмом, чем коренные татары-мусульманы.

Мечетей у них нет, но в каждой деревне имеется молитвенный дом, с неофициальной муллой, который называется у них «пятивременным муллой», то есть муллой, совершающим пятикратные суточные моления».

Далее он приводит другие примеры татарского влияния на чувашей: «Перед началом дела большинство прихожан вместо «Господи, благослови» употребляло мусульманское слово «бисмиля», с некоторым изменением этого слова применительно к чувашской фонетике «песмелле». Бога чуваша называют «Тура-бабай» = Бог дедушка. «Тура» - чувашское слово, «Бабай» - татарское слово (165, с. 142).

М.Г. Худяков писал, что мусульманство делало большие успехи среди инородцев, и принятие его составляло один из моментов

распространения в крае татарской культуры. Жители инородческих деревень, перешедшие в мусульманство, подвергались ассимиляции и усваивали татарский язык и культуру. Культурное влияние мусульманства распространялось широкой волной и среди инородцев-язычников, которые при постоянном общении с более культурными татарами невольно воспринимали их привычки, обычаи, верования, воззрения и религиозные представления. Примерами такого влияния могут служить всеобщее почитание пятницы как еженедельного праздника у черемисов и вотяков, а также культ некоторых мусульманских святых, распространенный среди инородцев – язычников (65, с. 198).

27 февраля 1998 г. в «Комсомольской правде» была напечатана статья «Мусульманин» о рядовом Быстрове, который в 1982 г. был взят в плен моджахедами. Добровольно принял мусульманство. Был личным телохранителем одного из афганских лидеров Масуда. На вопрос корреспондента: «Принятие мусульманства для тебя было обязательным условием выживания?» – он ответил: «Нет. Принуждение к исламу тяжкий грех для мусульманства. И меня никто не заставлял» (В день похорон Масуда Ахметшаха 17 сентября 2001 г. Н. Быстров в интервью корреспонденту «Вестей» сказал, что будь он рядом с ним, то не допустил бы покушения на Масуда. – И.Г.).

В современных условиях вообще трудно представить, что человека можно принудить принять иную веру. Чем же тогда объяснить появление в последние годы в России нескольких тысяч мусульман-русских по происхождению (136, с. 145)? Наиболее известные среди них: Али (Вячеслав) Полосин, выпускник духовной семинарии, священник, бывший депутат Госдумы – председатель общины новообращенных мусульман «Прямой путь» и Иман (Валерия) Порохова – сопредседатель этой общины, главный редактор газеты «Все об исламе», дворянка, переводчица Корана.

Среди иностранцев, перешедших в ислам, можно назвать следующих лиц: немец, ученый Ахмет Шмиде, француз – философ Роже Гароди (бывший генеральный секретарь французской компартии. – И.Г.), ученый Жак Ив Кусто, Майкл Джексон, Мухаммед Али, потомок русских князей, крупнейший американский ученый Кирилл Гляссе (43, с. 31).

Мы тоже воздерживаемся от ответа на поставленный ранее вопрос, так как наша работа преследует другую цель, хотя у нас имеются и некоторые предположения.

В драме Г. Исхаки «Улуг Мухаммед» есть эпизод совещания Улуг Мухаммеда с приближенными относительно челобитной Василия II, где тот умоляет освободить его из плена и отпустить в Москву. Сын хана Махмуд говорит: «Если бы мы попали к русским в руки, они начали бы с крещения. Не понимаю, почему бы нам так не поступить?»

На что Улуг Мухаммед отвечает: «... сын мой, для нас мелочно вмешиваться в веру друга ли, врага ли; мы выше этого, **наша религия**

против насильственной мусульманизации (выделено нами. – И.Г.), наш обычай запрещает нам вмешиваться в дела совести, которые могут быть только между Всевышним и человеком. На русских не смотри, это лесные люди, не умеющие ни читать, ни писать, у них мораль не выработана. Нельзя брать пример с того, кто ниже тебя» (Мирас. – 2004. - № 1-5).

Как уже отмечали, наш труд не об исламе. Но тема исследования «От истоков к истине» требует, чтобы мы затронули и этот вопрос. При жизни Л.Н. Толстого, который писал, что ислам ближе к *истине*, чем православие, хотя это вряд ли следует понимать как его особую благосклонность именно к исламу, к нему обратилась Е.Е. Векилова из Тифлиса. Она сообщала, что два ее сына, один – студент Технологического института в Петербурге, другой – юнкер Александровского военного училища в Москве, просят у нее разрешения перейти из православной веры в магометанскую. Просила совета Толстого. Л.Н. Толстой в ответ написал следующее: «Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше всего христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата единого бога и его пророка, вместо того сложного и непонятного богословия – троицы, искупления, таинств, богородицы, святых и их изображений и сложных богослужений».

Далее он продолжает, что «все на свете развивается, совершенствуется... Совершенствование же религии состоит в ее упрощении, уяснении, освобождении от всего того, что скрывает ее <...> в самых древних религиях больше всего чудесного и всякого рода суеверий, скрывающих истину... но уже меньше всего в самой последней большой религии – в магометанской». Л.Н. Толстой подчеркивает, что религиозно-нравственное учение Магомета признает истиной христианское учение. Письмо было написано 13-16 марта 1909 г. в Ясной Поляне.

В другом письме от 13 мая 1904 г., адресованном муфтию (глава мусульманской общины. – И.Г.) Мухамеду Абдулу, Л.Н. Толстой писал: «... вероисповедания различны и их много, но вера существует лишь одна – истинная» (43, с. 3).

Как уже отмечали, в отношении к исламу с давних пор существует негативный подход. И в наше время некоторые средства массовой информации хотят сделать из мусульманской религии какое-то пугало. Даже на ответственных совещаниях можно услышать совершенно нелепые утверждения типа: «Где ислам, там и кровь» (Республика Татарстан. 1999. 21 окт.).

Не только это, почти каждый день с экранов телевизоров, страниц газет и журналов звучат слова об «исламских террористах». Естественно, как гласит татарская поговорка, «легко отрезать чужое ухо, а вот когда режут твое, то держись». И наша память коротка, быстро забываем. Вспомним: ведь терроризм явление не только присущее мусульманским странам. Еще в начале XX века в России партия эсеров считала терроризм важнейшей тактической формой среди других политических форм борьбы. В 1901 году для подготовки и проведения террористических актов была создана специальная группа – «боевая организация». В 1903 году были организованы покушения на самых высокопоставленных чиновников правительства: были убиты два министра внутренних дел, генерал-губернатор Москвы, старший брат царя, великий князь Сергей Александрович. В 1905-1907 гг. эсеры организовали более 200 террористических актов (156, с. 281).

А.А. Бушков пишет, что «в формировании некоего подсознательного страха перед мусульманством повинны европейские пропагандисты, по сути, поставившие знак равенства меж исламом как учением и бородатым экстремистом с автоматом наперевес. Как будто в иных религиях не бывало экстремистов... Никто не станет называть террористов из каких-нибудь «красных бригад» «христианскими фанатиками» – однако боевик-мусульманин сплошь и рядом будет назван «исламским фанатиком», с упором, как правило, даже не на второе, а на первое слово».

Далее он продолжает, что «нынешние исламские страны вовсе не «отстали» и не «фанатичны» – там просто-напросто отстаивают свое законное право жить так, как жили их деды и прадеды, справедливо полагая, что тринадцативековая история развития под знаменем ислама представляет собой слишком большую ценность, чтобы от нее можно было легко отказаться ради сомнительного «прогресса».

Если бы мы не были знакомы с другими высказываниями А.А. Бушкова, то могли бы сделать вывод, что он – исламист, потому что пишет: «Возвращаясь к исламу, стоит упомянуть, что в свое время он распространился по всей Северной Африке практически *мирным* (выделено автором. – И.Г.) путем. Города сами открывали ворота перед мусульманскими войсками – поскольку новая жизнь и новое учение казались – и были – не в пример предпочтительнее. Вот, кстати, подлинный приказ халифа Омара, обращенный к его воинам: «Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать коров, овец или верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье». То есть речь там идет о прямом запрете причинять вред исповедующим *иную* (выделено автором. – И.Г.) веру. В самом деле, ислам всегда отличался веротерпимостью! К язычникам мусульмане относились враждебно – но не к христианам. Все вбитые в наше сознание стереотипы о

«мусульманских зверствах» сплошь и рядом не соответствуют истине (104, с. 84-86).

В дальнейшем мы еще рассмотрим, как себя вели христианские воины Ивана Грозного после взятия Казани.

Выступая по телеканалу «Россия» 9 октября 2004 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, на вопрос Сванидзе: «...террористы считают себя мусульманами...», ответил, что верхушка террористов ни во что не верит, ... это бессовестное использование религиозной фразеологии и религиозных догм».

К сожалению, не только европейские, но и советские татарские ученые в конъюнктурных целях ругали ислам. Так, в «Известиях Казанского филиала АН СССР, выпущенном в 1955 г., читаем: «Над народами, подпавшими под турецкое иго, был установлен режим кровавого террора и насилия. Захватчики беспощадно грабили и уничтожали производительные силы и культурные ценности народов. Турецкие ассимиляторы насильственными методами пытались уничтожить и их языки. Для осуществления своих захватнических планов турецкие колонизаторы *использовали знамя ислама*» (выделено нами. – И.Г.) (121, с. 4).

Если это так, почему же народы балканских стран перебежали на турецкую территорию, спасаясь от христианских угнетателей? Причина проста: налоги на турецкой стороне были не в пример меньше тех, что драли христианские феодалы (104, с. 87).

Хотим также добавить, что ислам распространен и в тех странах, где арабских завоевателей никогда не было, например в Индонезии (где его исповедует 90 % населения), Малайзии (60 %), в странах Черной Африки, Татарстане, Башкортстане (Аргументы и факты. 1992. № 5. февр.).

Таким образом, в X в. Волжская Булгария была единственной мусульманской страной в Восточной Европе, поэтому, естественно, она начала выполнять миссионерскую роль по распространению ислама в ближних и дальних странах. Археологические материалы также подтверждают проникновение ислама к буртасам. Арабский купец Ибрагим ибн Якуб, который в 960-966 гг. путешествовал по Центральной Европе, писал о мусульманских купцах, прибывших в Прагу из Венгрии (63, с. 53).

С. Герберштейн сообщает: «Нижний Новгород – здесь до известной степени находится граница христианской религии. Хотя за Новгородом есть крепость Сура, однако живущие здесь народы, именуемые черемисами, следуют вере не христианской, а магометанской». Далее он продолжает: «...мордва – по одним известиям они – идолопоклонники, по другим – магометане» (89, с. 103). Но о насильственном переводе их в ислам сведений нет.

Завершая главу, мы еще раз подчеркнем, что государство Волжская Булгария было исламским государством. Эта религия здесь утвердилась в

X в., то есть до татаро-монгольского нашествия, что подтверждается сообщениями арабских ученых, путешественников, русскими летописями, а также археологическими раскопками.

В Волжской Булгарии спокойно жили, занимались торговлей, отправляли свои культовые обряды христиане и язычники. В частности, здесь были колонии армян-христиан, спокойно проживали русские, славяне и различные угрофинские племена-язычники. Такие веротерпимые взаимоотношения сохранялись и после принятия Русью христианства. Русские купцы и деловые дяди были постоянными гостями у болгар.

Ислам сыграл важнейшую роль в истории болгаро-татар, лежал в основе их духовной жизни и культуры. Позитивное значение имел он и для сохранения татар как самостоятельного этноса, в обеспечении их единства перед лицом внешнего давления (138, с. 215).

Монголы в жизни русских и татар

*Ордынские правители наложили на
Русь тяжелую дань..., население стонало
от поборов и насилий....*

А.А. Преображенский

*Иго Татар обогатило казну
Великокняжескую... Москва же обязана
своим величием Ханам.*

Н.М. Карамзин

В истории татарского и русского народов есть общий период, связанный с монгольским нашествием или игом. Однако этот период, на наш взгляд, самый слабоизученный, к тому же наименее объективно освещаемый, если и освещается, то, в основном, только в черных красках. Почему к монголо-татарам такое отношение?

Л.Н. Гумилев писал, что миф о татаро-монгольском иге создан на западе. Далее он продолжает: «...всеми этими застарелыми и выдуманной западной наукой злобами не достигается ничего, кроме искусственной конфронтации россиян с тюрками, способствующей развалу нашей великой евразийской державы» (143, с. 550, 579). Можно только удивиться, как он мог предвидеть все, что потом случилось с СССР!

Это подтверждает и следующее сообщение: «...легенда «о татарском нашествии и иге», и особенно ее тезис о катастрофических для Руси последствиях «нашествия», были включены в качестве основы в Российскую историографию приглашенными Романовыми западноевропейскими «специалистами по составлению истории России», примерно в XVII-XVIII вв.» (199, с. 118).

Э. Кара-Даван подчеркивал, что «сто лет тому назад Российская Императорская Академия Наук объявила дважды, с трехлетним промежутком, конкурс на всех языках на научную тему: «Влияние монгольского ига на Россию». К сожалению и стыду русских историков, представлено было на конкурс всего одно сочинение, и то на немецком языке. Мало писалось на эту тему и в последующий период» (94, с. 250).

Данному периоду не придавалось особого значения «казенными» историками, этот период относится к числу «пустых периодов» русской истории, несмотря на тот исторический факт, что из этого периода вышла Московская Русь, как из «материнского лона» (94, с. 77). До прихода монголов многочисленные русские, варяжского происхождения, княжества, расположенные в бассейнах рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, и только в теории признававшие власть над собой Киевского великого князя, фактически не составляли *одного государства* (выделено автором. – И.Г.), а к населявшим их племенам славянского

происхождения не применимо название *единого русского народа*. *Влиянием монгольского владычества* (выделено автором. – И.Г.) эти княжества и племена были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю.

Организация России, явившаяся результатом монгольского ига, была предпринята азиатскими завоевателями, разумеется, не для блага русского народа и не ради возвеличения Московского великого княжества, а в видах собственных интересов, а именно для удобства управления покоренной, обширной страной (94, с. 251, 252).

К тому же в исторической литературе довольно часто ставится знак равенства или тождества между татарами и монголами, говорится о татарском завоевании и о татарском иге, не отличая татар от монголов. Между тем исторические племена, говорящие на татарском языке, отличались от монголов, язык которых не является татарским (94, с. 303).

На территории, входящей ныне в состав Монголии и Бурятии, жили монгольские племена. Из них наиболее крупным и воинственным, хорошо известным последним своим качеством соседним народам, было племя татар. В упорной борьбе племени монголов во главе с Темучином (будущим Чингисханом. – И.Г.) удалось все-таки покорить племя татар. Подавляющая их часть была перебита, оставшиеся влились в созданное Темучином государство.

М.Г. Сафаргалиев подчеркивает, что западноевропейский путешественник Вильгельм де Рубрук, как и Плано Карпини, отличавший побежденных татар от монголов, писал: «Чингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут татары!». На недавних частых войнах почти все они были перебиты». (94, с. 306). В последующем сами монголы стали презрительно называть татарами все покоренные народы, в том числе и болгар. Со временем «татары» закрепились за одним этносом. На вопрос: «Почему название «татары» выдержало проверку, а «булгары» нет?» М.М. Хабибуллин отвечает: «... что привилось название «татары» – не случайно. Каждый, кто в XIII – XIV веках носил имя «татарин», тогда гордился им («Крис», 1997, 26 марта).

Были разные подходы в описании, оценке монголо-татар, вплоть до фантастических. А.Г. Каримуллин писал, что в Европе с детских лет людей пугали «татарами», которых называли злыми дикарями, у которых на голове растет рог, имеется хвост. Говорили, что со временем они завоюют их земли, поедят их детей, разрушат дома... (34, с. 5).

Литература по средневековой истории татар издавалась малым тиражом, правдивая информация также была в мизерных дозах. К тому же она была недоступна для большинства читателей. Негативные высказывания К. Маркса, относящиеся к Золотой Орде и Казанскому ханству, были возведены в ранг абсолютных истин и непререкаемых установок для советской исторической литературы (94, с. 4).

Прошли времена, изменилась оценка монголам и основателю империи Чингисхану. В этом немалая роль принадлежит самим монголам. Покорение культурных государств, обладавших более многочисленными, сравнительно с монгольской армией, и хорошо организованными вооруженными силами, несомненно, требовали организаторского таланта: для этого необходим был гений полководца. Такой гений представителями военной науки признан за Чингисханом в настоящее время единогласно.

Даже величайший из военных гениев Нового Времени косвенно признал превосходство над собой монгольского завоевателя в своем изречении: «Я не был так счастлив, как Чингисхан» (Наполеон) (94, с. 166).

Чингисхан создал **школу полководцев**, из которой вышла плеяда талантливых вождей – его сподвижников при жизни и продолжателей его дела после смерти. Полководцем его школы можно считать и Тамерлана. Такой школы, как известно, не сумел создать Наполеон; школа же Фридриха Великого произвела только слепых подражателей, без искры оригинального творчества.

Безусловно, в лице Чингисхана и плеяды его полководцев военное искусство достигло одной из своих высочайших вершин (94, с. 162).

По инициативе ЮНЕСКО в 2000 г. был проведен социологический опрос на выявление выдающегося человека тысячелетия. В одной из «номинаций» победителем был назван Чингисхан («Труд», 2001, 30 янв.).

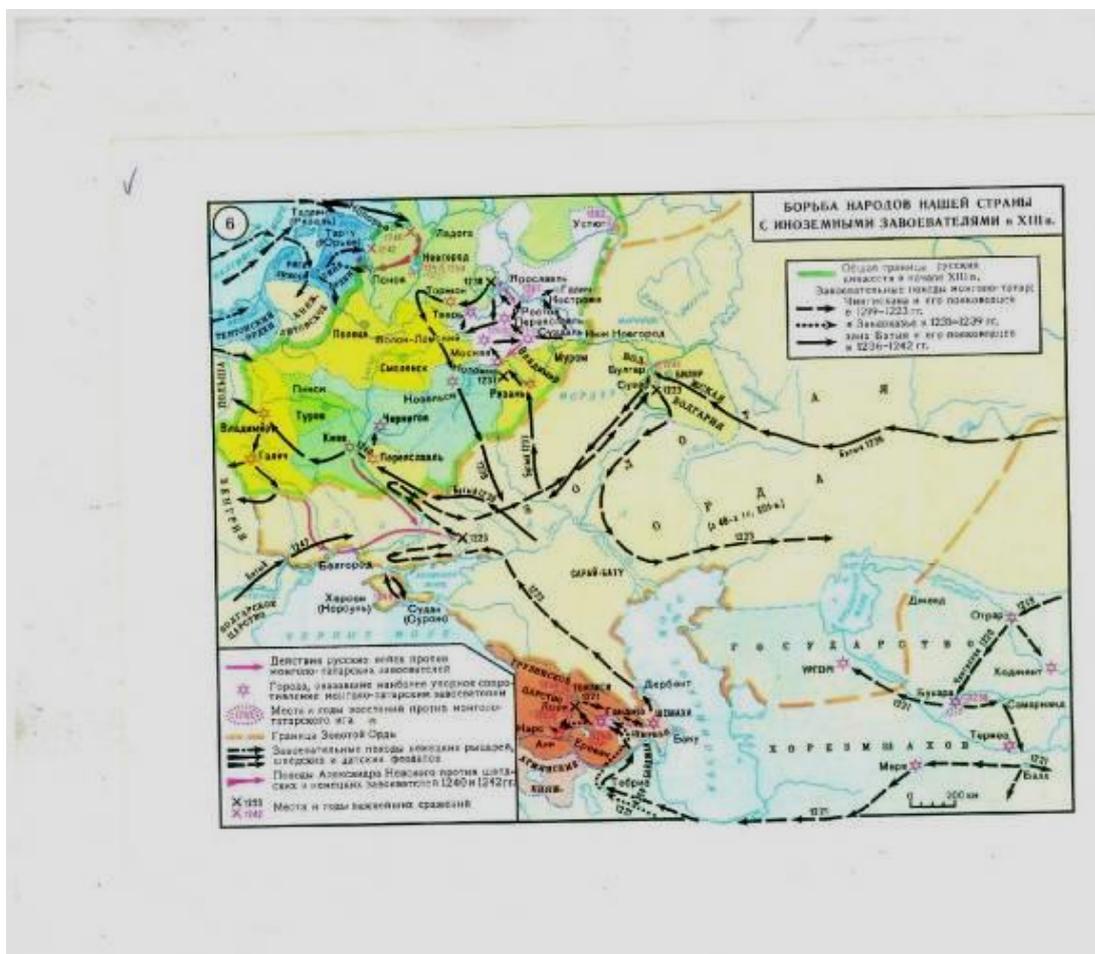
Л.Н. Гумилев писал: «Из него сделали просто пугало нашей истории, вместо реального исторического разбора» (143, с. 317).

Одним из «белых пятен» в советской историографии является вопрос о взаимоотношениях между монголами и булгарами, вообще, как уже писали, история булгар.

В школьных учебниках истории есть глава, которая называется «Борьба русского и **других** (выделено нами. – И.Г.) народов нашей страны с монголо-татарским нашествием». При изложении данного параграфа авторы упустили факт огромной исторической важности: хотя и говорится о других народах, однако о булгарах, нанесших первое поражение монголам и тем самым отодвинувшим следующий их приход на Русь на 13 лет, вообще не упоминается. Исторической заслугой волжско-камских булгар перед всеми народами является то, что именно они мужественно встали перед первой лавиной этих вооруженных орд и остановили их ценой огромных жертв. Победное шествие войск Чингисхана впервые захлебнулось в 1223 г. на земле Булгарии. Может быть, авторам не очень-то приятно писать о разгроме монголов, нанесших жестокое поражение 80-тысячному войску русских князей и половецких ханов, «какими-то» булгарами, но факты вещь упрямая. К тому же это самая настоящая фальсификация истории.

Правда, по карте, прилагаемой к учебнику, можно узнать, что в 1223 г. на территории Волжских Булгар было крупное сражение с

монголами, однако в тексте, как уже отмечалось, это отсутствует. В учебнике пишется, что после битвы на реке Калке монголо-татары ушли в заволжские степи и в течение нескольких лет готовились к новому большому походу в Восточную Европу (23, с. 78).

А дело было так: после победы на реке Калке монголы разграбили земли кипчак, Крым, южные области Руси и Нижнюю Волгу и пошли на Волжскую Булгарию. Булгары через своих разведчиков узнали о движении монголов и готовились их встретить. З.З. Мифтахов пишет, что дорогу монголам показывал бывший вали (руководитель) города Саркел Аблас, который сумел отправить своего гонца к болгарскому царю Чельбиру с сообщением о том, что он приведет татар и монголов к крепости Кермек (90, с. 477). Арабский историк Ибн аль-Асир писал, что булгары в нескольких местах устроили им засады, выступили против них и, заманив в засаду, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Косил их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие (33, с. 13).

Победа булгар над монголами дает нам возможность сделать важные выводы: во-первых, она задержала дальнейший поход монголов в Европу до конца 30-х гг. XIII в.; во-вторых, освободила кипчакские и Саксинские земли, и тем самым способствовала восстановлению торговли; в-третьих, доказывает, что Булгария в это время была

окончательно сложившимся и крепким государством и имела войско для своей защиты, так как победить конное степное войско монголов, имевших богатый боевой опыт, могла только сильная армия (63, с. 172).

Нужно подчеркнуть, что монгольская армия, напавшая на Булгарию, насчитывала более 30 тыс. закаленных во многих битвах воинов (150, с. 24).

Золотоордынские воины. Худ. О. Брандуков

Вместе с тем болгары хорошо понимали, что за первым должен последовать следующий удар монголов. В 1229 г. они составили новый договор с Владимиро-Суздальским княжеством на 6 лет. Болгары на границе леса и степи создали такие мощные оборонительные линии, что монголы не могли прорваться через них. Остатки этих грандиозных валов, рвов и частоколов были обнаружены советскими археологами (33, с. 14).

В 1229 г. монголы повторили свое нападение, однако вновь путь им преградили болгары. В 1232 г. монголы опять были остановлены. Здесь мы хотим сослаться на доктора исторических наук В.А. Кучкина, хотя он и не очень жалуется татар. «Летописец великого князя Владимирского, образованный для своего времени человек, писал о зимовке монголо-татар близ восточных границ Волжской Булгарии в 1232., о взятии в 1236 г. самого государства Волжских Булгар. Внесение в летопись таких сведений показывает, что в древнерусских княжествах специально следили за действиями монголо-татар» (74, с. 13, 14).

Булгары за помощью обратились к Владимиро-Суздальскому князю Юрию Всеволодовичу. Однако он не только отказал в помощи, но, воспользовавшись тяжелым положением булгар, направил свои войска на их западные области, где жили обугаризированные буртасы и мордва. В этом погроме, в ходе которого были сожжены деревни, убито много мордвы, участвовали ярославские, рязанские и муромские князья (63, с. 177, 178).

Необходимо подчеркнуть, что русские князья даже перед опасностью нападения Золотой Орды не думали об объединении. А озабочены были, прежде всего, династическими амбициями, желанием занять престол, пограбить, пожить за счет соседа, в том числе и брата. Это относится и к московско-суздальским князьям – «объединителям» («Открытый урок», № 8 (44), 2004, август).

Венгерский монах Юлиан, совершавший свое первое путешествие в 1227 – 1235 годах на восток, сообщает о пограничных отрядах монголов, находившихся где-то на расстоянии пятидневного пути от границы Булгара (94, с. 293).

В учебниках мы читаем о вторжении 140-тысячного войска монголов через мордовские леса на Русь в конце 1237 г. Таким образом, авторы опять упускают факт вторжения монголов в 1236 г. в Волжскую Булгарию, умалчивают об отчаянном сопротивлении булгар (6, с. 775). Слишком велико было численное превосходство монголо-татар, обрушившихся на небольшую страну. Хотя количество монгол явно преувеличено, ведь вводить на Русские земли более чем 30 тысячное войско у татар не было практических возможностей – корма коням не хватило бы даже для того, чтобы сосредоточить войска перед началом «вторжения» (199, с. 170).

М.Г. Сафаргалиев пишет, что в пределах Булгара царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела. Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли г. Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью (94, с. 294). Один за другим погибали в пламени пожаров деревянные булгарские города. Русские летописи под 1236 г. единодушно и с сожалением писали: «Придоша от Восточной страны в Болгарьскую землю безбожне татаре и взяша славный великий город Болгарьский, и избиша оружием от старца до уного и до сущего младенца...» (64, с. 15). Субедей, командовавший вторгнувшимися в Булгарию монгольскими войсками, жестоко мстил за свои прошлые неудачи и не щадил никого.

По некоторым историческим данным, булгары подверглись почти поголовному истреблению, и только небольшому числу нарочно оставленных в живых была предоставлена возможность бежать перед монголами, распространяя весть об участи народа камских болгар. Такая жестокость в самом начале похода диктовалась, конечно, не одной только жаждой мести, но и желанием внушить страх будущим противникам (94, с. 227).

Источники не сохранили до нашего времени подробностей войны в Волжской Булгарии. Однако можно предположить, что ее завоевание потребовало от монголо-татар немалых усилий. Достаточно сказать, что завоеватели, вторгнувшись в Булгарию осенью 1236 г., смогли начать следующий поход только весной 1237 г. (33, с. 16). Почему авторы школьного учебника «История отечества» (М., 1993) умалчивают о вкладе болгар в борьбу с монгольскими завоевателями? Ведь профессор В.В. Каргалов, ученик академика Б.А. Рыбакова в своем автореферате кандидатской диссертации по теме: «Татаро-монгольское нашествие на Русь: XIII век» писал: «За один год, с осени 1236 г. до зимы 1237 г., татаро-монголы завоевали Волжскую Булгарию...» (32, с. 9).

В другой работе В.В. Каргалов пишет: «Однако не с победой вернулся Субедей к своему повелителю Чингисхану. Когда монголо-татарское войско на обратном пути вторглось в Волжскую Булгарию, его встретили *храбрые* (выделено нами. – И.Г.) болгарские дружины... Первая попытка монголо-татар вторгнуться в пределы Восточной Европы закончилась, таким образом, серьезным поражением» (33, с. 13).

В учебниках описываются битвы за такие малюсенькие русские городки, как Торжок, Козельск и др. Авторы отмечают, что ни одна страна в Европе не подвергалась такому страшному нашествию, какое обрушилось на Русь, Среднюю Азию и Закавказье (24, с. 86). А где же Поволжье? Волжская Булгария? Или они считают, что эти территории принадлежали Руси еще с того периода? Таким образом, в учебнике даже словом не упоминается судьба целого государства, горе и слезы целого народа! К тому же если русские города после завоевания монголами возрождались снова, то большому количеству болгарских городов это было не суждено (26, с. 82), до такой степени они были разорены, сожжены. Прежде густонаселенный район значительно обезлюдел.

В новейшем источнике по истории России (129) мы читаем о том, что уже в том же году (1223. – И.Г.) монгольские отряды появились у границ Волжской Болгарии, в 1229 г. нанесли ей серьезный удар, разгромив южное пограничье, а еще через три года начали ее завоевание. **Болгария сопротивлялась три года** (выделено нами. – И.Г.) и пала в 1236 г., став одним из плацдармов для вторжения на Русь (129, с. 40).

Правда, в учебнике для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История», изданная под редакцией академика Б.А. Рыбакова, мы читаем следующее: «Субедей попытался проникнуть в пределы Волжской Булгарии, но потерпел неудачу.... В конце 1236 г. монголы стремительным ударом разгромили Волжскую Булгарию» (146, с. 110). Наверное, авторы понимали, что будущие историки не школьники, их на «мякине не проведешь»...

А что на Руси? Зимой 1238 г. Батыем было сожжено всего 14 деревянных городов (из 300), которые весной были отстроены заново (18, с. 466). Р. Миргазизов пишет, что эмоциональное восклицание Карамзина «живые завидовали мертвым» – все же скорее литературный прием, чем

достоверная оценка последствий похода Батые. Русь отнеслась к пришествию монголов достаточно спокойно. Военные действия здесь тоже велись довольно «странно». Некоторые населенные пункты сдавались без боя, за что получали от захватчиков титул «гобалык» – «добрый город». Сильно пострадало, как свидетельствуют историки, только Черниговское княжество, особенно досталось Козельску, прозванному монголами «злым городом». Любопытно, что на помощь черниговцам не пришли ни смоленские, ни владимирские князья. Более того, во время осады Козельска Ярослав Всеволодович совершил набег на Литву – ему казалось, что с Запада исходила большая угроза.

Л.Н. Гумилев также высказывал свое мнение по данному факту: **«Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи** (выделено автором. – И.Г.). Гарнизон монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. С окончанием похода Батый ушел на Волгу, где основал свою ставку – город Сарай. Фактически хан ограничился разрушением тех городов, которые, находясь на пути войска, отказались замирииться с монголами и начали вооруженное сопротивление» (143, с. 336).

«Разрушения, причиненные войной 1236-40 гг., - пишет М. Тихомир, - сильно преувеличены современными историками» («Республика Татарстан», 1999, 4 февраля). Ему вторит Р.Н. Безертинов: «Исходя из этих данных, следует признать, что поход Батые по масштабам произведенных разрушений сравним с междоусобной войной, обычной для того беспокойного времени» (там же).

Г.Р. Еникеев, ссылаясь на «Историю культуры древней Руси. Т. 1, Домонгольский период...», с. 29, 42-43», пишет: «К концу XII в. г. Киев, разрушение и массовое уничтожение населения которого историки-западники приписывают татарам, «был опустошен и разорен» в ходе междоусобных войн между русскими княжествами. Именно в ходе междоусобиц большая часть населения была перебита, а оставшаяся часть уведена в плен.

Отметим здесь интересный факт, умалчиваемый историками-евроцентристами: непосредственно перед тем, как Киев был занят татаро-ордынцами в 1240 г., его в очередной раз берут штурмом русские у русских же – естественно, разрушают город, грабят и уничтожают часть населения.

Направленных для выяснения причин захвата города татарских послов убивают люди русского князя-разорителя, взявшие город штурмом. И только после этого уже штурмуют город татары» (199, с. 157-158).

Из школьного учебника узнаем, что в Ростове, Ярославле, Новгороде и других городах не раз поднималось восстание против завоевателей. В связи с тем, что в учебнике нет ни слова о булгарах, ученики даже представить себе не могут, что болгары тоже сопротивлялись, и это продолжалось почти пятьдесят лет. После отхода

монголо-татарских войск из Волжской Булгарии «тамошние вожди Баян и Джикю изъявили покорность», но вскоре «опять возмутились». Субедею пришлось вторично идти с войском в Булгарию. Героическое сопротивление народов Нижнего и Среднего Поволжья задержало продвижение завоевателей. Только осенью 1237 г. хан Батый сумел сосредоточить силы для нашествия на Северо-Восточную Русь (33, с. 17).

Чтобы уменьшить опасность дальнейших восстаний, Бату-хан в 1242 г. своей столицей сделал г. Булгар, который, будучи разрушенным в 1236 г., вскоре был восстановлен и до конца постройки Сарая являлся временной резиденцией ханов Золотой Орды. Берке даже после основания Сарая «жил в Булгарах да в Сарае» (94, с. 353).

Лаврентьевская летопись сообщает, что русские князья явились «про свою отчину» к Батыю в г. Великий Булгар, откуда они были отпущены «когождо в свою отчину» в 1243-1244 гг. (94, с. 297).

Последняя попытка освободиться от монголов была сделана в 1277-1278 гг. В усмирении восставших на стороне монголов участвовали и отряды князя Смоленска и Ярославля Федора Черного (или Черного). За это хан Мингу-Тимур отдал ему свою дочь и подарил более 30 городов, в основном болгарских (63, с. 186, 187). Таким образом, отчаянное сопротивление Булгарии явилось первопричиной того, что Русь и русские земли не вошли в состав Орды. В связи с этим можно сказать, что Булгария спасла Русь от уничтожения. Правда, в последние годы появилась новая версия. Р. Миргазизов пишет, что монголы не сами пришли на Волгу, их пригласили. Как частенько бывало в те времена, в Волжской Булгарии два эмира – Алтынбек и Гази Барадж – схлестнулись в кровавой междоусобице. Гази Барадж обратился за помощью к монголам и привел на Волгу 200-тысячное войско. Это была обычная практика. К ней прибегали и русские князья, и степняки – кипчаки. Например, противники кипчакского хана Котяна также прибегали к помощи извне в своих внутренних «разборках». Котян бежал на Запад. Преследуя беглеца, объединенная евразийская армия «случайно» захватила пол-Европы. («Республика Татарстан», 1999, 4 февраля).

Остановимся на одном сложном и разночтимальном, на наш взгляд, вопросе в Российской истории: влияние монголов на духовную, материальную культуру русского народа. В советское время этот вопрос в основном освещался только в черных красках. Вот некоторые выдержки из учебников: «Ордынские правители наложили на Русь тяжелую дань, которую надо было вносить серебром ежегодно. Татарские сборщики дани (баскаки) с военными отрядами засели по русским городам. Ханские гонцы бесчинствовали по дорогам, население стонало от поборов и насилий» (92, с. 79).

«Руси был нанесен тяжелый удар. Едва города начинали восстанавливаться, как из них выкачивали денежные средства для уплаты дани. После Батыева вторжения Русь стала отставать в своем развитии от

некоторых стран Западной Европы. Развитие русских и других земель, сильно замедленное Батыевым нашествием, тем не менее, продолжалось. Иначе и быть не могло: монголы и татары отставали от завоеванных ими народов. Поэтому они задержали их развитие, но не могли остановить его» (23, с. 82).

Так ли все это было? Сошлемся на корифея российской истории Н.М. Карамзина, который писал, что «дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости». Ханы желали единственно быть нашими господами *издали* (выделено автором. – И.Г.), не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от князей» (31, с. 202).

Далее он продолжает: «Предложим замечание любопытное: *иго Татар обогатило казну Великокняжескую* (выделено автором. – И.Г.), исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, *собираемые будто бы для Хана, но хитростию Князей обращенными в их собственный доход* (выделено нами. – И.Г.). Баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших Владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах... Таким образом, мы понимаем удивительный избыток Иоанна Даниловича, купившего не только множество сел в родных землях, но и целые области» (31, с. 206-207).

Повторяющие и сегодня тезис о том, что народов, находившихся под властью Золотой Орды «регулярным образом грабили» не учитывают одно важное положение. Собранные деньги ханы не прятали в свои походные сундуки, а направляли на строительство широко разветвленных и безопасных дорог, на их государственное содержание, чтобы взять под свое крыло внутреннюю и международную торговлю, в том числе и русских. По утверждению Ибн Батуты, на землях подчиненных Золотой Орды не было грабежей и разбойничества» (179, с. 76).

Необходимо подчеркнуть то, что русская политическая элита уважала верховных правителей Золотой Орды – Чингизидов. Доктор исторических наук, директор Института Востока Познаньского университета им. А. Мицкевича отмечает, что «Причина уважения Чингизидов на Руси можно видеть в том, что изначально ханы совершенно не вмешивались в ее внутреннюю жизнь, то есть не входили в конфликт с основными устоями жизни массы населения. Далее, татарская власть не только не притесняла иноверцев, но поддерживала режим наибольшего благоприятствования для православной церкви, что позволило именно во время доминирования Золотой Орды осуществить христианизацию основной массы крестьянского населения Северо-Восточной Руси. ... но главное – чингизиды не пытались подменить собой великих князей, а степной знатью – русскую знать» (136, с. 86).

А ведь дань собирали сами русские князья и за Орду держались до поры: спасала от Запада, остановив тогдашний напор фряжско-немецкой

католической экспансии на Русь, и религиозного натиска не было на Руси со стороны веротерпимых степняков (143, с. 579).

Н.М. Карамзин приходит к выводу о том, что нашествие Батыево одно из величайших бедствий, однако, не будь монголов, в результате княжеских междоусобиц погибло бы наше отечество: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить его; тогда мы утратили бы и государственное бытие, и веру, которые спаслись Москвою: *Москва же обязана своим величием Ханам* (выделено нами. – И.Г.) (31, с. 207).

Эту же мысль подчеркивал и А.И. Герцен: «Москва, а именно князь Иван Васильевич (Иван III. – И.Г.) усилился и укрепился под сенью ханской власти («Открытый урок». Выпуск № 8 (44), 2004, август).

Не отрицая жестокости отдельных карательных акций, таких как батыева или мамаева, Л.Н. Гумилев писал, что Золотоордынские ханы следили за своими подчиненными, чтобы те не слишком грабили налогоплательщиков. Он также утверждал, что монголам было выгоднее не тотальное ограбление и обескровливание Руси, а, напротив, поддержание ее жизнеспособности и платежеспособности, не иссякающей веками (143, с. 492).

Размер дани (налога) составлял 1,5% от годового крестьянского дохода. Причем налог изымался именно с определенного размера дохода (Подушная подать и прочие грабительские налоги начали вводиться в России только при Романовых), для чего по инициативе ордынцев – татар была проведена первая в истории России подворная перепись населения. Держава не брала дань с Русских княжеств до 1258 г. (там же, 163).

При Золотой Орде впервые в истории человечества была выработана система государственного страхования земледельцев и скотоводов на случай неурожая и других стихийных бедствий. Если кто пострадал, без хлеба, с таких хан не берет подати, а дает им своего хлеба для прокормления и на обсеменение (199, с. 251).

Доктора исторических наук Н. Крадин и Т. Скрынникова в наши дни пишут следующее: «Будет неправильно сваливать все кризисы XIII в. на Руси только на монгол...

К тому же нельзя связывать все источники о пожарах, насильственных убийствах и разрушениях с Батыевыми походами. В том числе разрушения в Киеве могут быть результатом землетрясения 1230 г. или нападениями 1416 и 1482 гг.» (172, с. 49).

Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россией было еще возвышение русского духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов покровительствовала Церкви и ее служителям, изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям, и часто, из уважения к Пастырям, прелагала гнев на милость к молитве.

Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, именем движимым и

недвижимым. При этом Н.М. Карамзин сокрушается, что в то время как народ жаловался на скудость, иноки богатели. К тому же они занимались и торговлею, освобожденные от пошлин (православная церковь и в наше время абсолютно беспошлинно ввозит сигареты и водку на многие миллиарды долларов. «Вечерняя Казань», 2001, 5 сентября). Он также отмечает, что большинство из нынешних монастырей российских были основаны в период правления монголов (31, с. 208, 209).

Продолжая тему отношения монголов к церкви, обратимся к Э. Хара-Давану, который писал, что «главная доля влияния монгольского ига на Россию относится именно к области духовных связей. Можно без преувеличения сказать, что православная церковь свободно вздохнула во время владычества монголов. Далее он продолжает: «...именно в века татарского владычества Россия утвердилась в православии, превратилась в «святую Русь», в страну «многочисленных церквей и неумолкаемого колокольного звона».

Вообще православное духовенство пользовалось у монголов, еще язычников в то время, почетом и покровительством: это – факт, представляющийся маловероятным в эпоху ожесточенных религиозных гонений в Европе, где господствовал принцип: чья власть, того и вера (этот принцип становится господствующим с XVI в. и на Руси. – И.Г.), когда пылали костры альбигойцев и тамплиеров и считалось богоугодным делом избивать сарацин и других иноверцев.

В 1270 г. Менгу-Тимур издал следующий указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т.д.

Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас» (94, с. 263).

Начиная с Менги-Тимура, православной церкви давались одни привилегии за другими. Как писал еще в 1908 году профессор права В. Сергеевич, при нем в ханской столице учреждается православный епископат. Хан дает жалованную грамоту, ограждающую права духовенства на вечные времена, освобождает его от всех денежных и натуральных повинностей. Церковные земли и люди объявляются неприкосновенными.... Эта политика была продолжена и в последующем. Более того, когда Иван Грозный начал секуляризацию церковных и монастырских земель, церковь отстаивала свои права, опираясь на этот ярлык («Звезда Поволжья», 2010, 30 декабря – 2011, 12 января).

Хан Узбек еще расширил привилегии церкви: «Все члены православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто грабит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь,

часовню – тот подлежит смерти без различия русский он или монгол» (там же).

О веротерпимости в исламе написано много. Однако мы хотим еще раз вернуться к данному вопросу, потому что Э. Хара-Даван приводит интересный, на наш взгляд, исторический факт из работы Н. Рудниковой «Татары – защитники православной церкви». В 1918 г. в феврале Красная гвардия и Советы пришли в Уфу, которая была большей своей частью – татарская. Совет приказал арестовать митрополита Уфимского Андрея (кн. Ухтомского) и реквизировать церкви для каких-то целей.... Но приказ не был приведен в исполнение не благодаря сопротивлению православных, а благодаря энергичному протесту татар-мусульман, заявивших, что они не выдадут «этого великого муфтия» врагам Бога, как не позволят оскорблять «православные мечети» (там же).

Э. Хара-Даван продолжает, что Св. Александр Невский, поняв, что России еще не под силу бороться с монголами, стал служить Хану не за страх, а за совесть. Только в союзе он мог защититься от натиска воинствующего католицизма на православный Восток. Иначе, быть может, в историю пришлось записать факт перехода русских в латинство, подобно участи, постигшей западных и южных славян: поляков, чехословаков, хорватов и словенцев.

В этой своей исторической роли Золотая Орда явилась не только покровительницей, но и защитницей русского православия.

Иго монголо-язычников и мусульман – не только не тронуло душу русского народа - его православную веру, но даже сберегло ее. Объяснение этого кажущегося парадокса надо искать в сродстве религиозных настроений русского и восточных народов.

«В своем бытовом исповедничестве, - писал митрополит Антоний, - русское православие ближе к восточным религиям, чем к западному католицизму и другим христианским исповеданиям» (94, с. 264).

М.С. Глухов также подчеркивает: «... известный историк русской церкви Е.Е. Голубинский писал, что с такою же полною терпимостью к нашей русской вере или к нашему христианству относились ханы золотоордынские в продолжение всего очень долгого господства их над Россией» (77, с. 226).

Здесь, думаем, будет уместным обратиться к основателю империи Чингизидов, который сумел оставить изречение, заслуживающее быть причисленным к лучшим достижениям человеческой культуры: «Уважать и почитать всех четырех (Будду, Моисея, Иисуса и Магомета) и прошу того, кто из них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником» (94, с. 258).

Убеждения историков в том, что татарское завоевание на несколько столетий остановило развитие русской культуры и отбросило страну в прошлое, попробуем оспорить выводами Г.В. Носовского, А.Т. Фоменко, которые они изложили в своей работе «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (Крис. 1997. 26 марта).

Они подчеркивают, что одним из общепринятых показателей уровня культуры является «правильность» письменного языка: варварская латынь, правильная латынь, классическая правильная латынь. Например, на Западе времена, когда писали на классической латыни, считаются временами высочайшего расцвета культуры и бессмертным образцом для подражания. Напротив, употребление вульгарной латыни или простонародных языков считается очевидным свидетельством падения культуры. Применим этот же критерий к Древней Руси, «завоеванной монголами» на протяжении с XIII до XV в. Триста лет! И что же мы видим? «Язык наш, - пишет Карамзин, - от XIII до XV в. приобрел более чистоты и правильности» (там же). Далее Карамзин продолжает, что при татаро-монголах вместо прежнего «русского, необразованного наречия писатели тщательно держались грамматики церковных книг или древнего сербского... коему следовали они не только в склонениях и спряжениях, но и в выговоре». Так, на Западе возникает классическая латынь, а у нас – церковно-славянский язык в его правильных классических формах. Применяя те же стандарты, что и для Запады, мы должны будем признать, что монгольское завоевание стало *эпохой расцвета русской культуры* (выделено нами. – И.Г.). Странные завоеватели были эти монголы! (там же).

Монголы внесли большой вклад в развитие науки о языках. Империя была многонациональной, поэтому монголы, чтобы управлять завоеванными народами, использовали языки разных народов.

Для подготовки переводчиков, они открывали специальные школы, создавали возможность для создания многочисленных словарей. Такие словари появились в XIII-XIV веках в странах, связанных с «Великим шелковым путем», протянувшейся из Китая в Европу (172, с. 51).

Н.М. Карамзин, вопреки утверждениям многих, отвергал обвинения в адрес татар, что именно они принесли в Русь много вредных привычек. Так, он отмечал: «Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют Азиатским обыкновением): мы все то видели у славян и россиян гораздо прежде (138, с. 58).

Происхождение названия «Русь» они также пытаются доказать влиянием монголов. Их гипотеза состоит в следующем. Монгольская империя была разделена на так называемые «улусы», т.е. области. Но слова «улус» и «рус», «Русь» не одного ли корня? Вспомним, что в России был известный род князей Урусовых. Налицо явная звуковая параллель: улус - урус – рус. Но тогда возникает вопрос: не произошло ли само название Русь от слова «рус», в тюркском произношении – «улус», означавшего просто часть, область в Монгольской империи?

Подобный пример мы имеем с названием Украины. В старом русском языке слово «украина» означало просто область, часть государства.

Вначале Русь означала область («улус») в государстве, а затем стало наименованием самого государства. В этом случае сочетание «русский человек» могло означать первоначально «человек из некоторой области в империи, «улуса», и только потом приобрести значение национальности (Крис. 1997. 26 марта). В их гипотезе, на наш взгляд, есть рациональное зерно.

В каких же еще областях человеческой деятельности мы обнаруживаем монгольское влияние? В. Иванов пишет, что восточные обычаи распространялись неудержимо на Руси во времена монголов, принося с собой новую культуру, новый быт. Так, изменилась коренным образом одежда: от длинных белых славянских рубах, от бритых голов с «оселедцами», длинных штанов – они перешли к золотым кафтанам, к цветным шароварам, к сафьяновым сапогам и тафьям, мурмолкам. В свое время в сборнике законов (1551 г.) даже было выражено осуждение ношению этих шапочек в церквах православным царям, князьям, боярам, вельможам и христианам.

Э. Хара-Даван подчеркивает, что «...большое изменение в культуру быта внесло в то время положение женщины: теремный быт и затворничество русской женщины есть порождение Востока; кроме этих крупных черт есть множество мелких черт повседневного русского быта того времени, которые в многообразии своем ждут специального исследования. Счеты, которых и сейчас не знает Запад, валенки, кофе, пельмени, тождественность русского и азиатского плотничного и столярного инструмента, сходство стен Кремлей Пекина (Хан-балу) и Москвы и других городов – все это влияние Востока» (94, с. 257).

Церковные колокола - эта специфическая русская подробность, видимо, пришли из Азии, как доказано, оттуда и ямские колокольцы. До монголов в монастырях и церквах употребляли не колокола, а «било и клепало». Литейное искусство было развито тогда в Китае и естественно могли прийти оттуда и колокола непосредственно, а не через эллинский запад. Несомненно, влияние монголов было и в области военного дела, о чем будет сказано позже.

Не пренебрегала монгольская власть и материальной культурой. Начало хлебопашеству в степной полосе южной России было положено Батыем. По его же повелению были учреждены первые хлебные магазины (94, с. 257, 258).

Необходимо отметить, что под властью монголов среди русских племен прекратились междоусобицы. За 170 лет до татарского нашествия было 90 усобиц, в которых погибли десятки тысяч людей. Как писал В.О. Ключевский, власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом Божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния (36, с. 41, 42).

Если на Руси начиналась усобица, хан присылал Сарского епископа с татарским беком (обязательно с христианином), и они решали спорные вопросы на княжеских съездах. Если кто-то не считался с принятым решением и пытался продолжить удельную войну, его принуждали к миру с помощью «татарской конницы», притом «татарскую конницу» во время карательных экспедиций возглавляли русские князья-ордынцы.

Союз с евроазиатским татарским государством дал возможность прогрессивной части русского духовенства и русским князьям-объединителям прекратить междоусобицу в русских землях, и остановить внешнюю агрессию, и, тем самым, спасти русский народ и государство от исчезновения» (199, с. 199, 200).

Русские и болгары долгое время находились под влиянием монголов, что оставило заметный след во всех сферах их жизни и деятельности. Однако в отличие от русских за болгарам закрепился этноним «татары», который впоследствии сыграл негативную роль в их истории.

Русский историк Н. Воробьев писал следующее: «Название татар (официальное со стороны русских название Золотой Орды) по отношению населения Волжско-Камского края начинает применяться русскими лишь с того момента, когда после организации Казанского ханства и блестящих побед этого ханства над русскими казанские татары заслонили собой настоящих татар Золотой Орды, и все прежние отношения, которые были выработаны русскими по отношению к Золотой Орде, были перенесены на Казанское ханство и его население. Живущие там финские племена называют их не татарами, а по-прежнему «болгарами» (179, с. 69)

Между словами «монгол» и «татарин» была проведена параллель, то есть, поставлен знак тождества, вследствие чего последнее стало ругательным. Даже в детских сказках русские богатыри побеждают «поганых татар», да и само слово «татарин» подается как символ отрицательных черт.

Только ли в сказках.... В двухтомное собрание сочинений М. Цветаевой, выпущенное в 1988 г. издательством «Художественная литература», было включено ее стихотворение «Колыбельная». И вот что там можно прочитать:

В оны дни певала дрема
По всем села-деревням:
-Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Допустим, известная поэтесса написала свое стихотворение в то время, когда в отношении татарского народа, освещении его истории культивировалось немало предвзятого, надуманного. Однако сотрудники издательства должны были задуматься над тем, какое оскорбление в адрес целого народа содержит это четверостишие и какими могут быть последствия такой публикации? (115, с. 35).

Г.С. Сабирзянов упоминает видного русского писателя А.П. Можаяева, который в уста героев своего романа «Мужики и бабы», вышедшего в свет в 1986 г., нашел возможным вложить унижительные для татар суждения: «Да вы хуже татар! Жеребятина что за мясо? Ее татары только переваривают. Дак у татарина не желудок, а требуха» (!?) Далее он продолжает, что стоило достопочтенному писателю хотя бы чуть-чуть вникнуть, что это за пища - конина, которой не брезговали татары, он бы узнал, что ее за валюту и поныне у России покупают французы. И тогда едва ли герои Б. Можаяева стали адресовать столь обидные слова в адрес тех, кто потребляет в пищу такое мясо.

Приведенные примеры - это не что иное, как отголоски той лживой историографии, лженауки, которая была построена на грубой фальсификации истории как самого русского, так и татарского народов, чему положил начало еще Иван Грозный и что получило новое дыхание в последующие эпохи (115, с. 35, 36).

Наконец, и в официальной литературе, казалось бы, восторжествовала справедливость. Мы читаем о том, что китайцы тоже называли татарами некоторые народы, обитавшие к северу от Великой стены. По-видимому, у китайцев этот термин значил просто «кочевники». Когда возникла монгольская империя, татарами стали называть всех кочевников, воевавших в армии Чингисхана. Монголы же продолжали называть себя монголами. Однако воины монгольской армии ничего общего не имели с позднейшими татарами Крыма, Сибири и Поволжья (129, с. 51).

Татарское происхождение сыграло злую «шутку» и в жизни представителей этого народа. В конце войны М.И. Калинину принесли документы на повышение в звании генерала Г.Б. Сафиуллина и добавили при этом, что сам Сталин не видит препятствий для его продвижения по службе. М.И. Калинин швырнул на стол документы со словами: «Хватит нам одного Чингисхана!» (42, с. 8).

В годы Великой Отечественной войны одним из выдающихся личностей был начальник Генерального штаба Советской армии генерал армии крещеный татарин Антонов. Значение его понимал и оценивал и сам Сталин. Не зря он принимать парад Победы у Жукова предложил Антонову. Но Жуков был маршалаом, а Антонов – генералом, и Антонов сказал вождю, что в данном случае нарушается субординация. Тогда Сталин сказал ему, что для этого он сделает его маршалом немедленно, но он должен записаться в документах не татаринном, а русским. Антонов отказался от этого предложения и заметил вождю, что его грузинская национальность не помешала ему стать генералиссимусом. После этого Антонов попал в опалу, и его карьера пошла вниз («Звезда Поволжья», 2011, 12-18 мая).

13 февраля 1999 г. на телевидении Республики Татарстан выступал доктор наук, академик – генерал армии М.А. Гараев (единственный из тюркских народов генерал армии. – И.Г.), который сказал, что на

освободившуюся должность командующего Ленинградским военным округом была предложена кандидатура генерал-полковника Акчурина (родного брата хирурга, который сделал операцию на сердце Б.Н. Ельцину. – И.Г.). Работавший первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Романов на это возразил: «Ленинград колыбель революции, неужели кроме татарина никого не нашли?» Кандидатура Акчурина была отвергнута. В одном из своих трудов М.А. Гараев пишет: «...сегодня татарину, чтобы стать генералом или адмиралом, нужно трудиться раза в два–три больше, чем другому» (122, с. 2).

Обратимся и к такому факту: за 50 с лишним лет со дня полета первого человека в космос среди космонавтов нет татарина. И последнее, в день инаугурации избранного в третий раз президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева, получившего около 80% голосов избирателей, ОРТ не смогло уделить несколько секунд времени для комментирования данного события. В то же время как важное событие было преподнесено освобождение под залог в 3,5 млн. долларов П. Бородин из швейцарской тюрьмы.

Однако обвинять в негативном отношении к татарам только русских (пусть читатели нас поймут правильно, мы еще и еще раз подтверждаем, что под словом «русские» имеем в виду не народ, а его правителей, сановников, чиновников, духовенство и некоторых историков и других авторов, пишущих на исторические или около исторические темы. – И.Г.) мы не можем. В связи с этим на память приходят слова В.И. Ленина: «Самые ярые шовинисты – это обрусевшие нацмены». Перефразируя эти слова, хотим сказать, что среди самых татар и татарстанцев, особенно среди чиновников, немало антитатаристов.

Попробуем доказать это примерами. В этом году исполняется двадцать лет со дня проведения референдума о суверенитете Татарстана. Обратимся к воспоминаниям М.Ш. Шаймеева: «К сожалению (история должна знать и об этом!), когда в адрес республики выдвигались обвинения, ни один из депутатов, избранный в Верховный Совет России из Татарстана, в открытую не выступил в ее защиту. Наверное, весь Татарстан стал свидетелем того – заседание сессии транслировалось по телевидению. Да, не защитили – хотя сидели в том же зале, видели и слышали все, что там говорилось! Даже более того, депутаты с федералистскими взглядами пытались облить грязью республику. Но ведь, кажется, там были и сторонники суверенитета, они должны были выступить со словом защиты, бороться. Думаю, что деятельность в Верховном Совете России депутатов, избранных из Татарстана, должна специально изучаться» («Звезда Поволжья», 2012, 22-28 марта).

Надеюсь, не ошибемся, если скажем, что и нынешние депутаты Государственной думы не далеко ушли от вышеупомянутых. 15 ноября 2007 года Государственная дума приняла в третьем, окончательном чтении закон №448303-4, отменяющий национально-региональный и школьный компоненты в государственном образовательном стандарте. Из

всех «посланцев» многонационального народа республики, а также депутатов-татар из других регионов, лишь Гильмутдинов И.И. голосовал против. А О. Морозову было поручено председательствовать на пленарном заседании Госдумы при принятии закона об исключении национального компонента из системы образования («Звезда Поволжья», 2007, 22-28 ноября).

Поволжскими, а также татарами, проживающими в других регионах, и русскими пройден громадный совместный путь. Исторические корни взаимных симпатий, сотрудничества и взаимодействия между ними лежат в гораздо более глубоких пластах их совместной истории, чем в появляющихся иногда различных опусах разного толка с той и другой стороны.

Связи булгар с другими народами и государствами

...историки нашего времени, опираясь все на те же сомнительные места в летописях и трудах первых русских ученых, писали и пишут о мифических «русско-булгарских» отношениях в домонгольский период.

М.С. Глухов

Важно также известие о торговом договоре с болгарами волжскими в 1006 году. Владимир по их просьбе позволил им торговать по Оке и Волге, дав им для этого печати.

С.М. Соловьев

Благодаря удобному и выгодному географическому положению на стыке Волги и Камы, Волжская Булгария вошла в широкий политический и экономический контакт со многими странами: Русью, народами Севера, Прибалтикой, скандинавскими странами, Хазарией, Средней Азией, Кавказом, Византией, Персией, Арабским Халифатом и т.д. Одновременно Булгария являлась и связующим звеном между востоком и западом. А. Меця отмечает, что после 60-х гг. X в. Среднее Поднепровье и более западные районы были связаны с арабским миром в основном через Булгар водной магистралью Волга - Днепр (из водной системы Днепр - Десна в систему Ока - Волга) и сухопутным маршрутом Булгар - Киев (99, с.126).

Самые тесные экономические, культурные, даже кровные связи у булгар были с Русью. Правда, между Русью и Волжской Булгарией были не только годы мирного сотрудничества. Так, И. Измайлов пишет, что в 913 г. укрепившееся булгарское государство наносит поражение русам на Волге и подчиняет себе стихию варяжских дружин. С этого времени происходит стабилизация отношений булгар с русами. Часть их продолжает торговлю по Волге, уплачивая правителю Булгарии пошлину, а другая – включается в социальную структуру булгарского общества. Некоторые дружины русов поступают на службу к булгарской знати, причем часть из них после окончания службы возвращается в

Скандинавию и на Русь, привезя с собой болгарские изделия и знания о народах Поволжья (99, с. 98).

Не один раз с камскими булгарами бился и князь Владимир и, наконец, заключил с ними мир, который стал основой для развития прочных торговых и культурных связей между Русью и Средним Поволжьем. В 985 г. после похода Киевского войска на болгар воевода Добрыня дает совет о прекращении войны, и Владимир слушается; оба народа дали клятву: «Тогда только мы нарушим мир, когда камень начнет плавать, а хмель тонуть» (50, с.180).

Это соглашение, закрепленное официальным браком Владимира с болгарской принцессой (64, с. 11), способствовало появлению ряда дружественных актов и последующих мирных договоров между булгарами и русскими. Среди них, например, такие, как приезд болгар через год к Владимиру с предложением принять их веру, торговое соглашение 1006 г., большая помощь хлебом в голодные годы на Руси в 1024 и 1229 гг., поселение болгар в суздальских городах, привоз строительного материала, заключение последующего мирного договора и т.д. (57, с. 43).

Это послужило и тому, что практически на протяжении всего раннефеодального периода истории восточнославянского государства, когда всеми делами безоговорочно и полностью руководили киевские великие князья, конфликтов между Русью и Булгарией не было. Ближе к эпохе феодальной раздробленности русско-булгарские трения в Поволжье фиксируются все чаще, хотя вплоть до 1120 г. нет письменных указаний на ухудшение торговых отношений.

Контакты между Киевом и Булгаром, между Русью и Булгарией определялись, в первую очередь, посреднической ролью между цивилизациями Востока и Запада, Азии и Западной Европы. На рубеже XII-XIII вв. контакты между Киевом и Булгаром не прекратились и даже не ослабели. Но они потеряли прежнюю монополию и исключительность во внешнеторговых операциях двух государств (99, с. 129, 130).

Были между русскими и булгарами крепкие торговые связи. С.М. Соловьев писал: «...важно также известие о торговом договоре с булгарами *волжскими* (выделено нами. – И.Г.) в 1006 г. Владимир по их просьбе позволил им торговать по Оке и Волге, дав им для этого печати; русские купцы с печатями от посадников своих также могли свободно ездить в болгарские города». По его мнению, «... это известие драгоценно для нас потому, что в нем находится первое положительное упоминание о купцах как отдельном разряде людей и городах как торговых средоточиях» (50, с. 180, 245).

Иногда в отдельных источниках появляются сведения, которые могут быть истолкованы, особенно неспециалистами, неправильно. Так, в школьных учебниках мы читаем: «Святослав победил Волжскую Булгарию и сделал ее менее враждебной» (24, с. 48); «Он (Андрей Боголюбский. – И.Г.) посылал войска и на Волжскую Булгарию» (24, с.

73). Как уже отмечалось, в «Программах для общеобразовательных учреждений» мы находим: «Беспокойные соседи: хазары, *булгары* (выделено нами. – И.Г.) и варяги (113, с. 15). Читая эти строки, неискушенный читатель, тем более школьник, может сделать вывод об агрессивности булгар, что не соответствует действительности. Поэтому считаем нужным объяснить, что булгары, как свидетельствуют исторические источники, имели облик торгово-промышленного народа. Их военная деятельность была направлена в основном на оборону их собственных границ (6, с. 774).

Русский историк Н.М. Карамзин писал: «Не имея духа воинского, любя торговлю, земледелие ... они (булгары. – И.Г.) хотели, вероятно, отомстить жителям Муромской области за какую-нибудь обиду, несправедливость (речь идет о нападении булгар на Муром в 1088 г. - И.Г.) (29, с. 62).

Самыми большими врагами булгар были речные разбойники, которые спускались вниз из района Оки и верхней Волги, нападали на города и грабили. Татищев, основываясь на Нижегородском и Макарьевском списках, говорит, что по Оке и Волге в это время были сильные разбои, вредившие болгарской торговле; булгары прислали к князю Олегу и брату его Ярославу Святославичу ... просить на разбойников, но, не получая управы, пошли на Муром и взяли его (50, с. 676).

Волжская Булгария сама частенько становилась объектом нападения, так как притягивала своим богатством: «Подобно Андрею, смотря с завистью на *цветущую художествами и торговлею* (выделено нами. – И.Г.) Болгарию, Всеволод желал овладеть ею и звал других князей к содействию» (29, с.388).

С.М. Соловьев неоднократно сообщает о походах русских князей на болгарские земли. «К 968 году относят восточные писатели поход руссов на волжских булгар, разграбление главного города их (Болгар), который был *складкою товаров* (выделено нами. – И.Г.), привозимых из окрестных стран»; «...под 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на болгар; в первый раз не сказано, на каких, во второй означены именно волжские...»; «...под 1120 годом читаем, что сын Монамахов Юрий ... ходил по Волге на болгар, победил их полки, взял большой полон и пришел назад с честью и славою» (50, с. 153, 180, 396) (действительно, можно и нужно ли идти походом на дунайские булгары по Волге? – И.Г.). Также «...Андрей Боголюбский ...удачно воевал с камскими болгарями, перебил у них много народу ... после этой победы Андрей взял славный город болгарский Бряхимов и пожег три других города».

«...в 1186 г. Всеволод посылал опять воевод своих на булгар». Особенно тяжелым был для булгар поход русских войск в 1220 г., когда фактически было полностью разорено все волжское побережье (правое), взят и уничтожен один из крупнейших болгарских городов Ошель (27, с.

20); «...в 1220 г. великий князь Юрий Всеволодович послал брата своего Святослава ... на болгар... и все снялись на устье реки Оки, откуда поплыли на лодках вниз по Волге и высадились на берег против города Ошела» (50, с. 625). При взятии этого города русские при помощи греческого огня подожгли город со всех сторон (54, с. 13), в огне погибло много женщин, стариков, детей, в т.ч. некоторые русские ратники, которые вошли в город за добычей (50, с. 625, 626). После этого город прекратил свое существование. Данный поход по своим результатам и жестокости ничуть не уступает действиям монголов.

А что же было со стороны болгар? Как уже отмечалось выше, они в основном вели мирный образ жизни. Так, с 1218 по 1429 г. со стороны Булгарии и ее преемника Казанского княжества против Руси не было военных действий (63, с. 170). Правда, болгарские и жукотинские князья в 1411 г. воевали с московскими князьями, но в данном случае они выступали в роли союзников суздальцев (57, с. 25, 124).

В политическую орбиту Булгарского государства вошли и удмурты. Они были данниками болгар, поставляли им военное ополчение, пропускали их агентов и торговцев на свою территорию и т.д., но за это пользовались возможностью передвижения в болгарских пределах и были защищаемы болгарями от нападения степных кочевников (8, с. 570).

Булгары установили связи и с далеким Египтом. Видный египетский ученый-арабист, филолог и историк Амин Аль-Холи писал, что «...царь болгар, желая добиться милостей султана, отправил в Египет послов с письмом. Он просил султана прислать ему меч и знамя, которые помогут ему покорить врагов. Послы привезли султану богатые дары от своего государя: охотничью одежду с вытканными на ней картинами охоты и отороченную беличьим мехом, халат из бобровых шкур, вышитый головной убор, кусок материи, которая обертывается вокруг головного убора на манер чалмы, с вышитыми по обоим концам титулами султана, золотой пояс, меч местного производства и золотом шитое султанское знамя» (1, с. 21).

По мнению автора, если это придунайские болгары-христиане, то кажется странной их просьба прислать знамя, под которым они будут сражаться против врагов христианства. В ответ царю были посланы два меча, значок и быстрые кони. Это свидетельствует о том, что владыка болгар был мусульманином. Именно в Волжской Булгарии исповедали ислам (1, с. 38).

Во многих источниках пишут о кровных связях русских князей. Так, мы узнаем, что киевские князья вошли в круг европейских монархов: сам Владимир был женат на византийской принцессе, а его сыновья и внуки породнились со многими императорскими, королевскими и княжескими домами Европы (24, с. 54). Здесь, на наш взгляд, авторы умышленно не сообщают о браках русских с болгарями, татарами,

другими тюркскими народами. Но факты упрямая вещь, тем более что русская пословица гласит: «Родителей не выбирают».

Амин Аль-Холи писал: «Поддерживая тесные связи с Русью, кипчаки часто вступали в браки с русскими и в большей степени, чем другие народы, смешались с ними» (1, с. 11).

Повторяя фразу авторов учебника, нужно сказать, что сам Владимир был женат на болгарской принцессе, от которой родились сыновья Борис и Глеб, ставшие впоследствии удельными князьями Ростова и Мурома (50, с. 195), граничившими с Волжской Булгарией. В «Истории Отечества» отмечается, что появились русские святые люди, прославившиеся своими нравственными качествами и служением богу. Первыми русскими святыми стали сыновья Владимира Борис и Глеб, убитые их братом Святополком (23, с. 52). Матерью первых русских святых была болгарка. Об этом свидетельствуют «Сказание о Борисе и Глебе», киевская летопись, которые: «...называют их матерью болгарку, на которой был женат еще до принятия христианства святой Владимир – креститель Руси» (88).

С. Герберштейн писал следующее: «Жен Владимир имел очень многих. ... от болгарки имел детей Бориса и Глеба» (89, с. 9). По словам Бахши Имана, болгары Глеба называли Халиб, а Бориса – Барыс (90, с. 312). То, что М.С. Глухов пишет об их тюркском происхождении по материнской линии (77, с. 214), подтверждает его, хотя и косвенное, признание существования камских болгар.

Это же подтверждает энциклопедия «Отечественная история», новейший сборник исторических материалов (90, с. 272).

Правда, в настоящее время некоторые историки не хотят признать это и выдвигают версию о том, будто Борис и Глеб родились в христианском браке Владимира и византийской принцессы (85, с. 110). Они никак не могут примириться с мыслью, что русские князья могли создавать общую семью с тюркоязычными женщинами, которые, вступая в брак, переходили в православие.

Однако от фактов не уйти. По ним мы узнаем, что одна из жен у Андрея Боголюбского также была болгаркой. Ей русская летопись приписывает главную инициативу в заговоре, в результате которого был убит Андрей Боголюбский. Она имела зло против мужа, так как он много воевал и много причинил зла ее сородичам (60, с. 11). В.О. Ключевский пишет также, что в заговоре против него (Боголюбского. – И.Г.) участвовала его вторая жена, родом из Камской Болгарии, мстившая ему за зло, какое он причинил ее родине (35, с. 325).

На наш взгляд, Андрей был убит своими приближенными. Оказывается князь, задумав поход на Волжскую Булгарию, - разослал гонцов по боярским вотчинам, чтобы известить дружинников о походе. Однако, когда бояре не явились на сборный пункт, князь круто расправился с боярами и в их среде возник заговор. Во главе заговора стояли Кучковичи, сыновья и зять бывшего владельца Москвы (92, с. 60).

Здесь нужно сказать о том, что Андрей Боголюбский и сам был сыном Георгия (Юрия) Владимировича Долгорукого и половчанки – дочери половецкого князя Аепы, она же была, таким образом, прабабушкой Александра Невского, правнука Юрия Долгорукого (4, с. 96).

Известный татарский писатель М.М. Хабибуллин, автор многих исторических романов, сообщает, что Александр Невский был женат на татарке, которую звали Вассо, а Александр звал Василица. Ученые утверждают, что именно она была прообразом Василисы Прекрасной в русских сказках. Он продолжает, что все русские князья почитали за честь жениться на татарках. Тогда слово «татарин» означало высокий аристократический статус человека. Каждый, кто в XIII-XIV веке носил имя «татарин», гордился им (Крис. 1997. 26 марта).

Интересные сведения в этом отношении дает Н.А. Баскаков, который приводит генеалогию российских великих князей домонгольского периода (X-XIII вв.), восходящую к князьям северским (Ольговичам) с указаниями на брачные связи русских князей с половцами. Согласно данной схеме, 6 князей были женаты на половчанках, а у 20 в жилах текла половецкая кровь, всего дается более 30 имен (4).

О. Сулейменов, как бы усиливая эту мысль, пишет, что почти все влиятельные княжеские роды в Киевской Руси состояли в кровном родстве со степью (т.е. половцами. – И.Г.). Далее он приводит высказывание другого автора: «Даже прославленный «добрый страдалец за Русскую землю» Владимир Мономах женил двоих своих сыновей Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. на половчанках. Тут уж не приходится говорить о каком-то расовом или культурном антагонизме. Очевидно, высшие общественные классы и Руси, и половцев имели кое-что общее, какими-то общими интересами друг к другу притягивались» (53, с. 144).

П.И. Рычков тоже выразил свое отношение к данному вопросу: «Русские князья женились на дочерях князей орды и как свадебный подарок получали большие владения» (171, с. 163).

К середине XII века половцы стали не столько врагами, сколько союзниками. У каждого князя были «свои» половцы, с которыми его связывали договорные обязательства, брачные и дружеские узы. И в степи, и на Руси звучала русская и половецкая речь.

Кочевники всегда оставались верными вассалами русских – зачастую более честными, чем русские князья, готовые предать сразу же после крестного целования (129, с. 36, 37).

Обращение к помощи тюрко-татар продолжалось и в последующем. Так, Иван III в первом походе на Новгород в 1471 году успеха добился именно только с помощью золотоордынцев, то есть, это еще раз подтверждает тезис о том, что на Святой Руси не было редкостью: православный против православного с помощью «поганых». А.И. Герцен писал: «Татары – народ кочевой, ни в чем нет выдержки: придут, сожгут,

оберут, разобидят, научат считать на счетах, бить кнутом, а потом и уйдут себе, черт знает, куда... Православные Иваны Васильевичи, особенно последний, принялись за дело основательно: память вышиб своей долбнёй Иван Васильевич из новгородцев, а долбня эта осталась и хранится в соборе» (Открытый урок. Выпуск № 8 (44), август 2004).

Брак со «степью» означал мир и поддержку, и в этом политическом союзе заинтересованы были русские князья. Браки временно усиливали удельных князей, и это объективно ускоряло процесс объединения Руси. Женитьба русских князей на родственницах ордынских ханов становится обычным явлением в конце XIII и в первой половине XIV вв., когда они в своих междоусобных войнах часто обращались за поддержкой к ордынским феодалам, и те нередко приходили со своим войском для поддержки того или иного князя. Так, за князем ростовским и белозерским Глебом Васильевичем была замужем дочь Сартака (Сартак – монгольский хан, сын Батыя. – И.Г.) в христианстве названная Федорой; в 1317 г. князь московский Юрий Данилович взял в жены сестру Узбек-хана и т.д. (64, с. 20).

С именем последней связана знаменитая шапка Мономаха, которой венчались на царство все князья московские и цари до Петра I (фотография шапки дана на с. 123 «Истории СССР». – И.Г.). (На с. 150 учебника «История Отечества» (23) воспроизведена фотография венца Михаила Федоровича Романова. В данном случае на фотографии мы видим Казанскую шапку, которая была увезена из Казани в XVI в., а не шапку Мономаха. – И.Г.).

Вот что написал М.Г. Худяков: «К числу ювелирных произведений, вывезенных в Россию из Золотой Орды в XIV в., принадлежит золотая шапка, получившая впоследствии название Мономаховой. По всей вероятности, она была привезена в Москву сестрою хана Узбека, царевной Кончакою» (65, с. 239).

Правда, об этой шапке есть и другие версии. И.Н. Андрушкевич пишет, что шапка получена Мономахом в дар от своего деда, византийского императора Константина Мономаха (95, с. 20).

3.3. Мифтахов сообщает следующее: «Царь болгар Ибрагим велел мастеру Атраку сделать три шапки. Одну из них царь носил сам, а вторую отправил в качестве подарка султану Хорасана Махмуду.

Третью он подарил князю Ярославу, сыну князя Владимира. В русской историографии эта шапка известна как «шапка Мономаха» (90, с. 312).

Связи с тюрко-татарами продолжались и в дальнейшем. Так, потомки Казанского хана Ибрагима были связаны брачными узами с московскими царями и князьями Василием Шуйским, Мстиславскими, Бельскими. Царевич Худай-Кул в 1505 г. крестился именем царевича Петра Ибрагимовича и женился на сестре великого князя Василия Евдокии Ивановне. У него были две дочери Анастасии. Старшая из них была замужем за князем Федором Мстиславским, младшая – за князем

В.В. Шуйским. У Мстиславского был сын Иван Федорович, дочь которого Анастасия Ивановна вышла замуж за бывшего касимовского хана Саин-Булата, крестившегося именем Симеон Бекбулатович (65, с. 47, 48). Это тот самый Симеон, который царем Иваном Грозным был посажен на московский трон и около двух лет процарствовал в Москве под именем Великий князь Симеон всея Руси. Сам Иван IV обращался к нему со следующими словами: «Государю Великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иван Васильев со своими детишками, с Иваном да с Федором, челом бьют...» (52, с. 547, 711).

Из татар, как уже отмечали, есть и святые православной русской церкви. Скажем еще об одном из них. Царский племянник, молодой и пылкий татарин, прибыл с владыкой в Ростов и пленился здесь красотой учения Христа. После смерти хана Берке царевич принял православие, раздав все свое имение «татарским нищим», таким образом, явился на Руси Святой Петр, царевич Ордынский.

Когда царевичу Петру пришло время жениться, то в Ростове нашли ему невесту – православную татарку (24, с. 263).

На наш взгляд, наше повествование будет неполным, если мы не скажем об участии в боевых действиях на стороне русских войск болгар, татар и других тюркоязычных феодалов со своими отрядами.

Так, в Невской битве под стягом новгородского князя Александра Юрьевича (позднее прозванного Невским) сражались Атуна мурза Анданович, Арбаут-Алпавыт, Кутлумамет Огара (должно быть своими воинами. – И.Г.) и др. (64, с. 17).

Думаем, участвовали тюрко-болгары и в битве на Чудском озере, которая произошла всего через два года, и за это время они не могли и не должны были покинуть Александра Невского. Мы уже отмечали, что отдельные исследователи хотят выдать желаемое за действительное, в результате чего появляются сенсационные сообщения. Настоящее «историческое открытие» по поводу упомянутой битвы сделал «Башкирский календарь 2001 года», изданный местным издательством «Китап»: оказывается, тевтонских рыцарей на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года разбили башкиры. Как утверждается в публикации, авторы которой ссылаются на безымянные «древние русские летописи», в сражении участвовала тысяча башкирских всадников и всего 300 русских. Причем кони башкир были подкованы, что давало им значительное преимущество (Вечерняя Казань. 2001. 7 апреля).

Тюркские воины прославили русское оружие и на Куликовом поле, сражаясь против своих соплеменников под стягом Дмитрия Донского. Среди них был переяславский воевода Андрей Серкизович (51, с. 300). Его называли *царевич* (выделено нами. – И.Г.) Андрей Серкиз (9, с. 332). Такое именование подтверждает его тюркское происхождение, так как в те времена на Руси еще не было царей.

Пришел к великому князю Дмитрию Ивановичу со своим полком и князь Юрий Мещерский, выходец из рода Бахмета. Есть сведения о том, что князь Юрий пал в Куликовской битве (72, с. 7).

Участвовал в Куликовской битве в качестве воеводы и родоначальник семейства Строгановых, по крещении принявший имя Спиридон. Уже впоследствии его потомок Аникей Федорович поселился в Сольвычегодске, учредил там соляные заводы, способствовал покорению Сибири (72, с. 35). В родословной Строгановых записано: «Барон Александр Сергеевич Строганов, Римской империи граф, произошел от татарского рода; предок его, коему по принятии христианской веры наречено имя Спиридон, за оказанные отличные опыты верности и храбрости пожалован от великого князя Дмитрия Иоанновича Донского в Российском войске воеводою» (3, с. 12).

Это Строгановы организовали экспедицию Ермака. В его ополчении значительную долю составили служилые татары. Строгановы снарядили 5 атаманов, в числе которых был и мещерский (мишарский. – И.Г.) атаман Матвей Мещеряк. После гибели Ермака он возглавил отряд, вел борьбу с остатками войска Кучума (142, с. 67).

По некоторым сведениям, татар в Орде Мамаю было не больше, чем в войске князя Дмитрия, – крещеные татары составляли самую боеспособную часть передового полка Дмитрия Донского. Ими командовал Семен Мелик, в чьих жилах текла ханская кровь (летопись с похвалой отзывается о его храбрости. – 72, с. 33). Первыми приняв удар врага, конники Мелика полегли поголовно – «за веру и Отечество» (Вечерняя Казань. 2000. 10 октября).

Правда, про битву на Куликовом поле появились новые версии. Так, историк «новой волны» Юрий Афанасьев прямо ставит под сомнение традиционную трактовку причин Куликовской битвы. По его словам, битва на Припяти скорее выглядит попыткой наказать хундорного Мамаю, который, не имея никаких прав, узурпировал трон Чингизидов (Российская газета. 1999. 22 октября).

Также стало слышно множество вопросов о том, в действительности ли была Куликовская битва? Например, 21 апреля 2000 года на канале РТР была передача «Спецназ». В этой передаче шел рассказ о том, как велись поиски на поле сражения, в котором участвовали и погибли несколько сот тысяч человек. Прозвучал следующий вывод: «На Куликовом поле ничего не было найдено...». Об этом же говорилось еще в нескольких телепередачах.

Л.Н. Гумилев тоже не остался безучастным в этом вопросе: «Русь сражалась на Куликовом «вовсе не с Золотой Ордой», а с Мамаевой ордой, которая кардинально отличалась от первой. Лучшим и самым очевидным доказательством этого было то, что радостную весть о победе на поле Куликовом Дмитрий послал хану Тохтамышу в Золотую Орду» (143, с. 349).

По мнению М.С. Глухова, великий князь московский Димитрий Иоаннович воспитывался в Сарае, хорошо знал татарский язык, в юности дружил с будущим всеильным темником Мамаем. Далее он продолжает, что в действительности же Димитрий даже не участвовал в Куликовской битве, как не было на поле брани и Мамаю. Данное сражение не имело национально-освободительного или религиозного характера, приписываемого Куликовской битве великодержавными шовинистами, не повлекла за собой значительных последствий для русского общества. Руководили битвой не Димитрий Донской, а Боброк Волынский (с «русской» стороны) и Бегич, а не Мамай – с «татарской» (77, с. 251, 252, 337).

По другой версии (в том числе Льва Гумилева), русские воевали не только с Мамаем, но и с Генуэзской республикой: Мамаев поход был оплачен генуэзскими торговцами, рвавшимися на Север, к русским мехам. В случае победы Мамаю Русь оказалась бы в большей степени колонией Генуи, нежели данником Орды. Ударную пешую силу Мамаю составляли генуэзские солдаты. Остальное войско состояло в основном из алан и кософов (предки осетин и черкесов) (Вечерняя Казань. 2000. 10 октября).

Тюркоязычные воины, в том числе выходцы из Золотой Орды, участвовали и в составе войск великого литовского князя Витовта во время Грюнвальдской битвы в 1410 г. В учебнике написано, что в ополчении князя приняли участие представители нескольких братских славянских народов – поляки, чехи, украинцы, белорусы, русские из Смоленской земли (24, с. 92). Таким образом, тюркские народы опять вычеркнуты из страниц истории. А ведь авторы должны были знать, что в 1410 г. у Витовта было 30 000 татарских воинов (по некоторым сведениям, 40 тысяч. – 94, с. 439) под начальством Джэлял-Эд-дина, сына Тохтамыша (40, с. 15, 16), которые принимали участие в боевых действиях и содействовали разгрому ордена. (В польском фильме «Крестоносцы» мы видим, с каким упорством сражалась татарская конница с немецкими рыцарями, добывая славу христианскому оружию. – И.Г.).

Правда, хотя и с опозданием, в наше время данное событие получило признание. В одном из источников мы читаем о том, что в 1410 г. польские, литовские и русские полки совместно с татарским отрядом одержали решительную победу над Орденом (136, с. 87).

На наш взгляд, нужно отметить, что тюркоязычные народы помогали создавать государственность и другим народам, населявшим территорию бывшего СССР. Так, в одном из учебников говорится о ярком историческом деятеле XII в. – грузинском царе Давиде строителе, который вел борьбу за объединение страны, строил города, создал многочисленное конное войско и т.д. (13, с. 33).

Неискушенный читатель сразу может подумать, что это войско состояло из грузин. Но это не так. На с. 59 учебника «История СССР».

(М., 1989) говорится о поступлении на службу к царю Давиду 40 000 половцев (кипчаков), откочевавших на Северный Кавказ. Это тоже неверно. В это время Давид был «царем без царства», и едва ли у него было что-либо, кроме титула (42, с. 141). Они пришли к Давиду вместе с половецким ханом Артыком, его тестем, так как он был женат на половецкой (кипчацкой) принцессе. В 1125 г., когда на поле Дидгори, близ Тбилиси, произошла решающая битва с арабами, на стороне Давида было 60 000 воинов, из них 45 000 конников хана Артыка, остальные – грузины, армяне, осетины (42, с. 165). Девушка, спасающая Грузию и Армению в XII в., была родной сестрой Кончака, того самого, который удостоился чести стать героем «Слова о полку Игореве». Сын его, Юрий Кончакович, руководил половецкими (кипчацкими) воинами в битве с монголами на Калке. Там и сложил голову (42, с. 168).

Продолжая эту тему, нужно отметить, что Х. Атласи пишет о Мухаммедкуле, приближенном сибирского хана Кучума, который после пленения Ермаком верой и правдой служил русскому государству, совершил много героизма, добился большого уважения. Будучи военачальником, он участвовал в войне против шведов в 1590 г., крымских татар – в 1598 г. В последнем случае он был вместе с Борисом Годуновым, в чьих жилах также текла татарская кровь. В русских летописях он называется Маметкулом Алтауловичем (1, с. 99, 100).

О верности русскому престолу и мужестве литовских татар в Хотинской битве с турками нам также известно из истории (40, с. 47).

После присоединения Казани Иван IV начал войну с Ливонским орденом, который поддерживали Польша, Литва и Дания. В его войске, кроме россиян, были татары, черемисы, мордва и др. Возглавил его касимовский царевич Шах-Али. Поход был успешным.

Из сообщения летописи (1563 г.) о рати, посланной Грозным под Смоленск: «За королево неисправление послал в Литовскую землю рать свою ... со многими и с татарами и с мордвою». Поход увенчался взятием Полоцка (72, с. 57).

При обороне г. Великие Луки (1565 г.) принимали участие свияжские, касимовские и казанские татары. С ужасом описывали рыцари события, связанные с взятием русскими Нарвы, куда вихрем ворвались татарские всадники «на белых конях с длинными пиками, сверкающими на солнце» (121, с. 9).

Нужно отметить и тот факт, что в 1500 г. во время Литовской войны, бывший Казанский хан Мухаммед-Эмин являлся номинальным главнокомандующим всей русской армией (65, с. 59).

В первую мировую войну только в действующей российской императорской армии было полмиллиона татар. Всего на 1 октября 1914 года было 2711253 военнослужаших (206, с. 138).

Мы не сможем не написать и об участии татар в Великой Отечественной войне. По количеству Героев Советского Союза они занимают четвертое место, после русских, украинцев и белорусов. При

этом нужно иметь в виду, что татары воевали не на своей земле, а на территории России, Украины, Белоруссии и других, в настоящее время суверенных, государств. Сейчас всем известно, что легендарный Матросов был татарин, первым на рейхстаг установил также рядовой Загитов, обороной Брестской крепости руководил крещеный татарин Гаврилов («Звезда Поволжья», 2011, 12-18 мая).

На наш взгляд, слова, которые были приведены в эпиграфе данной главы: «... историки нашего времени, опираясь все на те же сомнительные места в летописях и трудах первых русских ученых, писали и пишут о мифических «русско-булгарских» отношениях в домонгольский период» (77, с. 111), очень и очень далеки от истины и не надо их принимать всерьез.

Следствием этих отношений было взаимовлияние русского и татарского народов в области духовной и материальной культур. Правда, в советское время больше писалось о влиянии передовой русской культуры на развитие культуры татарского народа, иначе авторы попадали под жесткий пресс советской цензуры. Так, в «Известиях Казанского филиала АН СССР» за 1957 г. мы читаем, что «...многие работы, опубликованные в печатных органах обществ, были написаны не с марксистских позиций. Некоторые из них были проникнуты националистическими идеями. Идеализировалось прошлое Татарии, особенно времена Золотой Орды и Казанского ханства. Очень мало внимания уделялось освещению благотворного влияния передовой русской культуры на развитие культуры татарского народа.

В трудах некоторых историков и литераторов были допущены ошибки идеологического характера, выразившиеся в идеализации Золотой Орды и восхвалении ханско-феодального эпоса об Идегее. Главное свое внимание сотрудники института (ИЯЛИ. – Г.И.) уделяли изучению прошлого в ущерб актуальным темам современности» (102, с. 79).

Речь идет об эпосе «Идегей», который был объявлен «феодално-байским» и потому – «недостойным» быть в памяти народной. Этот эпос – жемчужина татарского народного творчества, передававшийся на протяжении многих веков из поколения в поколение – оказался неудобным по идеологическим соображениям и в результате подготовленная к печати книга не была допущена к изданию (94, с. 4).

Тюрко-татары также оказали заметное влияние на культуру русского народа, особенно в области языка. Некоторые историки объясняют это результатом монгольского завоевания. На наш взгляд, тюркское влияние на русский язык, во-первых, объясняется тем, что еще до монгольского периода русские, болгары, половцы и другие народы имели тесные экономические, торговые, кровные связи. Во-вторых, в состав Великой (Монгольской) империи входили и русские, и тюркские народы. Они, естественно, были перемешаны и много столетий жили бок

о бок. Это имеет место и сегодня. Поэтому взаимное влияние языков друг на друга более чем естественно (Крис. 1996. 26 марта).

Интересно данный факт трактует Л.Н. Гумилев, который говорил, что «Этнос (поволжский. – И.Г.) смешан по своей природе и истории. Мусульманская часть этого этноса называлась – камские булгары, православная – русские. Но по крови они одни и те же, по способу хозяйства – тоже, по культуре близки. Важна только идеология, то есть та высокая культурная традиция, которая роднила булгар с мусульманским миром, а Русь – с Византией (Совет мәктәбе. 1991. № 1).

Особенно сохранились следы влияния татарского языка на русский в виде многочисленных заимствований. М.Г. Худяков выделяет целые области в деятельности людей, в которых много заимствований.

Тюркские лексемы относятся к самым различным областям общественной жизни, в том числе: 1) термины, относящиеся к обозначению общественного положения людей; 2) ...к торговле, названиям товаров и монет; 3) ... к области военного дела; 4)... к названиям построек; 5)... связанные с коневодством; 6) относящиеся к животному и растительному миру; 7)... к обозначению одежды; 8)... к области религиозной (149, с. 250).

Так, в области торговли русские заимствовали у татар слова: амбар, аршин, базар, деньга, караван, лабаз, майдан, могарыч и т.д. Татары познакомили русских со следующими принадлежностями костюма, тканями и ювелирными украшениями: башлык, башмак, бишмет, атлас, бязь, кайма, кумач, сафьян, алмаз, басма, бирюза, жемчуг и т.д. В военном деле татары дали названия: атаман, есаул, казак, богатырь, кремль, кинжал, кобура и т.д. (65, с. 239, 240).

Даже такие, казалось бы «исконно» русские слова как балалайка, щи (покойная бабаушка говорила, что они варили «эшти», что означала суп из молодых листьев картофельной ботвы. – И.Г.), пельмени имеют татарское происхождение (138, с. 255).

Н.А. Баскаков пишет, что тюркские племена оставили заметные следы в лексике восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского, а также оказали влияние на фразеологию и грамматику этих языков. От них остались имена и титулы правителей (антропонимы), названия народов и племен (этнонимы), названия селений, городов и проч. (топонимы) в греческих, армянских, арабских хрониках и русских летописях. Так, он приводит целый ряд тюркских слов, которые закрепились в русском языке: ковыль, кречет, болван, боярин, кощей, сабля, чалка, тамга, овчина и т.д. (4).

Знаменитое, могучее русское «Ура!» также является заимствованным. Тюрки – кыпчаки вступали в бой с боевым кличем ур! (по древнетюркски это означает «бей, окружай»). Это напоминало волчий вой, который психологически действовал на противника, наводя на него страх. Русские, ходившие в бой в союзе с кыпчаками, это произносили

ур-а! (107, с. 353). В современном татарском языке «Ору» означает «ударить, броситься на врага, победить» и т.д., а «ура» - окружай.

Правда, Н.М. Карамзин писал: «... напрасно считают оные Татарскими, коих едва ли отыщется 40 или 50 в словаре Российском» (31, с. 211). Однако с этим нельзя согласиться. Только на букву «а» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля мы находим более 40 слов тюрко-татарского происхождения. Ф. Нуретдинов пишет, что более 2 тыс. слов, целый ряд географических названий, видов одежды и кушаний, музыкальных инструментов, домашних вещей, архитектурных и технических приемов болгар (татар) были восприняты многими народами мира (42, с. 57).

Так, данные письменных памятников, различного типа словарей, а также картотек позволяют выделить в русском языке более сорока тюркизмов – названий головных уборов: видов шапки, платка, покрывала, повязки, капюшона, женского головного убора, головных уборов воинского доспеха. Некоторые из них в процессе употребления претерпели значительную семантическую эволюцию. На русской почве у них развилось множество новых значений, зачастую оторвавшихся уже от первоначального терминологического значения лексемы. Так, башлык выступает в семи значениях: «головной убор», «начальник», «выборное лицо», «князек», «прическа», «колпачок на плодах», «недоуздок»; в шести значениях известна фата, в восьми – клобук. Своеобразным рекордсменом по широте семантического наполнения выступает тюркизм «колпак», который насчитывает свыше тридцати значений.

О высокой жизнедеятельности этих тюркизмов в русской среде свидетельствует множество образованных на их базе пословиц и поговорок. Некоторые тюркские названия присущи лишь диалектной среде или сохраняются лишь в памятниках письменности.

Н.А. Баскаков провел большую работу по исследованию взаимодействия древнерусского языка с языками древних тюркских племен Восточной Европы, результаты его опубликованы в книге «Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» (4). По его мнению, именно наличие характерных фонетических, грамматических и лексических особенностей этих древних тюркских языков со всей очевидностью подтверждает отношение названного древнерусского произведения литературы к памятникам XII в. и служит объективным доказательством его подлинности вопреки заявлениям некоторых скептиков о более позднем его происхождении (4, с. 3).

Н.А. Баскаков также писал, что автор «Слова» владел знанием тюркского мира, а владение языком черных клобуков (общее название тюркских племен южнорусских степей. – И.Г.) и половцев свидетельствовало о его тесных и, может быть, родственных связях с тюрками и половцами (4, с. 97).

Интересна в связи с этой версией позиция авторов такого солидного труда, как «Советский энциклопедический словарь», которые отмечают:

«Видимо, будучи христианином (читай: а не половцем или тюрком. – И.Г.), он тем не менее прибегает к опозитизированным языческим образам» (49, с. 1237). Таким образом, можно предполагать, что «двуязычные читатели XII в.» (53, с. 65) хорошо понимали содержание «Слова о полку Игореве». Лишь впоследствии переводчики попадали в крайне затруднительные ситуации – не зная истинного смысла слова, они допускали ляпсусы. Например, в «Слове» читаем: «А самъ в ночь влькомъ из Кыева дорискаше до *куръ* (подчеркнуто нами. – И.Г.) Тмутороканя ...». Этот текст в настоящее время принято переводить как «... а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тьмутороканя» (4, с. 159). Но куры и петухи здесь ни при чем. Слово «кура» должно переводиться как «стена», «ограда» (4, с. 159, 160; 53, с. 59, 60). До последнего времени в некоторых населенных пунктах Татарстана улицы на окраине деревни перегораживались и лишь в центре оставался проход, закрывающийся жердями. Это сооружение называлось «кура капка» (буквально – ворота из жердей).

Р.Г. Фахретдинов считает, что наши предки словом «кура» называли военные укрепления. Свои выводы он подтверждает примером из труда знаменитого фольклориста – ученого Н. Исанбета (Эллүки. 1991. 1 ноября).

Иногда встречаются и спорные моменты. Так, один из ученых-филологов писал: «И прежде всего мы встречаемся в «Codex romanicus» со словом «ызба» из русского «изба» (149, с. 236). Речь идет об «Итальянско-половецком словаре», написанном в 1303 г. Очень сомнительно, чтобы 700 лет назад итальянцам было известно данное слово, ведь славян южнее Оки тогда еще не было, не было и единой государственности, были лишь разрозненные княжества. На наш взгляд, в то время итальянцы не только не знали в каких домах жили русские, но не знали и об их существовании. О русских в Европе стало известно лишь после посещения Руси С. Герберштейном в XVI в.

Мурад Аджи писал, что «изба» – «исба» от тюркского «исбина» (эссе бина? – И.Г.) и означает «теплое место». Внутри избы клали кирпичную печь (153, с. 53). Слово «ызба» и в настоящее время продолжает жить в мишарском, а также среднем и восточном диалектах татарского языка.

Татарский писатель-историк М.М. Хабибуллин отмечает, что русский и татарский были государственными языками Московского государства. Даже в XVII в. все документы за границу выходили на этих языках (Крис. 1997. 26 марта).

Историк Э.Хара-Даван писал, что Московское государство волжским казакам (отрасли донских) еще в начале XVII в. писало грамоты на татарском языке. Наконец, говорить по-татарски для донского старшины конца XVIII - начала XIX в. было признаком хорошего тона, как у русской аристократии того времени – говорить по-французски (94, с. 270).

Сведения о том, что с XII в. известна группа «донских казаков», которые будучи казаками, сохраняли мусульманскую веру, находим и в другом источнике (136, с. 87).

То, что среди волжских и яицких казаков было много татар, подтверждает и переписка между воеводами и вожаками казаков, которая велась на татарском языке. Так, кн. Одоевский обращался к кн. Иштеряку с просьбой выступить вместе с казачьим войском против Заруцкого, отпустить дворянину Ивана Кондырева и служилых татар к царю. На татарском же языке обращались к волжским казакам донские казаки, которые предлагали выступить совместно против Заруцкого (72, с. 74).

В 1897 г. в Оренбургской губернии 18470 татар и 17590 членов их семей были записаны в казацком сословии (203, с. 21).

М. Лермонтов в письме к Раевскому в 1837 г. писал, что татарский в Азии необходим, как французский в Европе, и старательно изучал его, собираясь в Мекку и Персию.

Подтверждая его мысль, писатель Г. Паушкин говорит, что знание языка обогащает человека, тем более знание татарского языка, который понимают во многих местах, в чем он сам убедился, будучи в Крыму и на Кавказе, а во время Отечественной войны – в Болгарии (Республика Татарстан. 1997. 26 августа).

Академик Фоменко указал на двуязычие в книге Афанасия Никитина: временами Никитин в середине фразы легко и непринужденно переходил с русского на тюркский (104, с. 137).

При Екатерине II рядом с выживанием тюркизмов начинается новый и крупный поворот в сторону изучения тюрко-татарских языков. Это новое направление определялось государственными нуждами. Появилась потребность в людях, которые могли бы управлять областями, населенными нерусскими народностями, говорить с этими народностями на их языке. Екатерина II принимает решительные меры в этом направлении. Так, например, в начале восьмидесятых годов Екатерина издает указ о введении в учебные планы некоторых русских школ восточных языков. Учитывая важность изучения этих языков, Екатерина в своем указе повелевает французский язык изучать в домашних условиях, вместо французского в некоторых школах она приказывает изучать другие языки, в том числе и тюрко-татарские (149, с. 244, 245).

В XIX веке интерес к тюрко-татарским языкам еще более усиливается. В течение XIX века появляется в свет значительное количество работ по вопросам изучения тюрко-татарских языков.

В XX веке русская лингвистическая мысль продолжала так или иначе оценивать заимствования из тюркских языков. Одни считали эти заимствования незначительными.

Совершенно иной точки зрения придерживался В.А. Богородицкий. Учитывая многовековые связи русского народа с тюрками, он полагал, что эти прочные связи не могли не обусловить взаимного языкового влияния. Богородицкий писал: «Слова эти (тюркские. – И.Г.) стали

проникать в русский язык уже с первых шагов по обособлению от прославянской колыбели, когда южные степи России занимались последовательно кочевниками, вступающими в частую борьбу с русскими племенами (149, с. 249).

Таким образом, многие века между болгаро-татарами и другими народами существовали торговые, экономические, культурные, кровные связи. Более тесными они были с русскими. Эти связи оказывали значительное положительное влияние народов друг на друга. Особенно следы влияний сохранились в языке в виде многочисленных заимствований. Обнаруживаем эти следы в лексике этих языков, в их фразеологии, а также в фонетике и грамматике.

Булгары-татары в составе Русского и других государств

В 970 г. во времена князя Токшана из Булгарии на берега Дуная в Венгрию прибыло большое количество «исмаилитов» (мусульман).

А.Х. Халиков

В 1391 г. несколько татарских племен бежало в Литву, где и поселились. Этим выходцев было около 40 тыс. человек.

А.О. Мухлинский

Еще во времена болгарского государства начался исход болгар на Русь. Так, в 990 г. к Владимиру в Киев из Болгар пришли четыре князя (64, с. 11). Много болгар бежало на Русь в годы монгольского нашествия и позднее, в 1238-42 гг., когда шла тотальная война монгол с Булгарией. Уходили от монгол и обугаризированные буртасы. А.Х. Халиков отмечает, что уже на болгарском этапе начинает складываться основа государства, которое через несколько столетий будет называться Россией, и того народа, который будет называться русским народом (64, с. 18).

Выходы тюркоязычных феодалов продолжались в период Золотой Орды и особенно усилились после победы князя московского Дмитрия Донского в 1380 г. на Куликовом поле. Почти сразу после этого к нему уходят весьма знатные ордынцы, тесно связанные с булгарами и казанцами, а также с предками татар-мишарей. Из них начинает складываться особое служивое сословие, основа будущего российского дворянства (64, с. 21).

Однако феодалы уходили не одни, а со своими семьями, слугами, приближенными и т.д. Так, «в дни княжения благоверного великого князя Константина выехал из Золотой Орды Салганиевич Яндоуганд Трегуб, а по крещении названный Василием, и двора его Диуланов и Аспаг тысяща девятьсот человек...» (4, с. 14).

Нужно подчеркнуть, что на службу в Россию вместе с татарскими царевичами приходили собственно не простые татары, под которыми можно было бы подразумевать основную массу крестьянского населения, а татары-солдаты, из которых и состоял кадр служилого войска.

А.Х. Халиков писал, что в 970 г. во времена князя Токшана из Булгарии на берега Дуная в Венгрию прибыло большое количество

«исмаилитов» (в средние века европейские источники так называли мусульман). Вначале прибыло племя во главе со знатными булгарами Биллом и Бакшей, затем Хетеном (Хасаном). Эти булгары были заселены на левом берегу Дуная в крепости Пешт (63, с. 53). Это подтверждает и Иштван Фодор из Будапешта, который сообщает, что венгерский Аноним, писавший свою хронику об истории венгров около 1200 г., упоминает, что во время правления Такшоня (955-970) из Болгарии в Венгрию прибыли мусульмане во главе с Биллом и Бакшей и получили от венгерского правителя имения в разных частях страны, в том числе и крепость Пешт. Историческую достоверность данного сведения подтверждают топонимические названия в окрестности г. Пешта и также упоминание здесь мусульман в письменных источниках (93, с. 176).

Переселялись тюркоязычные народы и в Литву. А.О. Мухлинский по данному поводу сообщает следующее: «Когда вся Европа вооружилась мечом и ненавистью против мусульман, тогда благоразумная политика государей Литовских, с любовью и гостеприимством, приглашала в свои владения татар, которые были принуждены от стечения разных обстоятельств оставлять свою родину и добровольно переселяться в Литву. Здесь-то именно мудрая предусмотрительность Литовских государей наделяла татар землями, покровительствовала их вере и впоследствии времени сравнивала их с туземными дворянами, избавив от всех почти налогов. Для тогдашней эпохи это было дело большой смелости и ума высшего, крепкого: вот причина, почему великие князья Литовские подвергались клеветам со стороны Ливонских меченосцев, выставлявших князей, как врагов Христианства, требуя им мщениа» (40, с.3).

Еще до великого князя Витовта в Литве были поселения татар. Так, в сражении 1319 г. с Тевтонским орденом участвовали и татары в составе передового войска Гедимины (князя Литвы. – И.Г.); (40, с. 5).

Больше всего татар прибыло во времена великого князя Витовта, который в продолжение 38 лет вел кровопролитные войны с ливонскими рыцарями, монголами, двоюродными братьями.

В 1391 г., когда Тимур (Тамерлан) пришел в Кипчак, многие из татар были им пленены и убиты, но несколько татарских племен бежало в Литву, где и поселились. Этим выходцев было около 40 тыс. человек. Через пять лет к Витовту (великий князь Литвы. – И.Г.) перешел и Тохтамыш, изгнанный Тимуром Кутлугом (40, с. 10), а вместе с ним и его войско в 30 тыс. человек (64, с. 23).

По данным анонимного автора «Истории польских татар», составленной в 1558 г., к концу правления Витовта (к 1430 г.) в Литве было до 40 тыс. воинов-татар, не считая членов их семейств, а к 1558 г. численность татарского населения в Польше и Литве увеличилась уже до 200 тыс. человек (94, с. 486).

Нужно отметить, что в Литве с пленными татарами не обращались, как на Руси, где ввергали их в вечное рабство. Им не разрешали селиться

в городах. Литовцы же дозволили татарам свободу их вероисповедания, не принуждая их переменить религию. Таким образом, они пользовались всеми правами гражданства и жили в Литве, как будто на родине, со своею верою, языком и обычаями (40, с. 6, 12).

Между XV-XVII вв. в среде татар, состоявших на службе у литовских князей, был выполнен перевод Корана с арабского языка на белорусский. Это был первый перевод Корана на славянский язык, что является уникальным событием (43, с. 20).

В начале XVII столетия в Литве было 60 больших мечетей, а включая домашние молельни – более ста. В 1855 г. в Виленской губернии было 6, в Минской – 8, в Гродненской – 3, в Волынской – 2, в Подольской – 2 и в царстве Польском – 2 мечети (40, с. 50, 51).

М.С. Глухов писал, что «...усиление позиций ислама в Джучиевом улусе (Золотой Орде) со второй половины XIV в. вынудило многих татар-казачков покинуть свою страну. Они поступали на службу в Великое княжество Литовское, Московскую Русь, Королевство Польское и Османскую Турцию, что стало одной из причин начала распада Золотой Орды» (77, с. 329).

Возникает вопрос: если татары убегали от ислама, так почему же в Литве продолжали оставаться истинными приверженцами ислама? Ответ один: они покидали страну не из-за религии.

Витовт давал подарки переселявшимся татарам и оказывал им благосклонность. Когда Витовта упрекали в том, что он неверных щедро награждал и милостиво с ними обращался, то он отвечал: «И самых лютых зверей кротостью можно утишить».

Татары отвечали взаимностью, оказывали большую помощь в бою, так как они считались тогда отличными стрельцами конными и были несравненной ловкости в сражении. Память о Витовте сочеталась у них всегда с религиозным благоговением: его называли в своих молитвах... (40, с. 12, 13).

Интересен такой факт: татарам позволяли жениться на литовках, но с условием, чтобы каждый имел одну жену, а дети следовали религии отцов, вследствие чего и сохранился у них обычай единобрачия.

Правда, в результате этих браков они вскоре забыли свой язык и стали употреблять в разговоре между собой русский и польский языки, даже для удобного понимания Корана были принуждены прибавлять к тексту подстрочный перевод на польском языке, но написанный арабскими буквами (40, с. 28, 29).

Историки отмечают роль польско-литовских татар в сражениях против Наполеона, их сопротивление против раздела Речи Посполитой, участие в Польском восстании 1831 г. и в защите Варшавы от фашистских оккупантов в 1939 г.

Польско-литовские татары оставили заметный след и в истории России. По далеко не полным подсчетам профессора КГУ Я.Я. Гришина перед первой мировой войной в царской армии насчитывалось 48

генералов из татар. Вот имена самых первых из них – Юзеф Белик, Барановский, Юзеф Улан. Немало есть выдающихся людей польско-татарского происхождения и в наши дни, среди них династия знаменитых ученых Туган-Барановских (Республика Татарстан. 1996. 28 мая).

Лучшей оценкой подвигам татар во славу Польши является конная статуя воину-татарину, которая несколько лет тому назад была поставлена в польском городе Гданьск в честь 600 летия победы в Грюндвальской битве, в которой участвовали и татарские воины. Выступая при открытии памятника, Президент Польской Республики Бронислав Коморовский отметил: «... хотя Речь Посполита не всегда держала их в центре внимания, татары ей всегда были верны: ведь всем известно - если татарин кого-то зауважит, то его полюбит всем сердцем. Татары, которые осели на польской земле, именно так полюбили нашу страну» («Мэдэни жомга», 2010, 17 декабря).

В России к татарам было другое отношение. Со дня завоевания Казанского ханства началось их насильственное крещение. Хотя это было и раньше – пленный татарин, не принявший православия, находился в полном рабстве (40, с. 12).

В поисках справедливости татары обращались к царям. Так, в челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу, они писали: «Воевода Алексей Малышкин посадил нас, холопей твоих, в тюрьму и мучил, сажал в цепи и в железа, и вынудил нас, холопей твоих, сильно креститься... а мы, холопы твои, желаем быть в своей басурманской вере» (112, с. 35).

Однако эти просьбы оставались без ответа. Наоборот, национальный гнет и политические ограничения узаконивались указами царей, постановлениями правительства. Так, в 1713 г. правительство Петра I издает указ, оказывающий давление на татарских феодалов. Некрещеным мурзам и служилым людям, имевшим крещеных крепостных, предлагалось креститься в течение полугода. В противном случае, гласил указ, будут отняты их поместья и розданы их крещеным родственникам или русским помещикам. Так и было сделано (26, с. 207).

Именным указом от 6 декабря 1714 г. Петр I поручает сибирскому митрополиту Феодору «... и татар и всех иноземцев божиею помощью и своими труды приводить в христианскую веру и о том явить им словесно и сей указ сказать: ...и татара и все иноземцы крестятся, тем нашего царского жалованья давать холст ко крещению, на рубахи, и в ясаку им льгота будет» (128, с. 94).

Новокрещенцев на три года освобождали от налогов и повинностей, от крепостной зависимости у татар-помещиков и т.д. Все налоги за них должны были платить их некрещеные односельчане. Для борьбы с исламом начали ломать мечети, где были крещеные, а иногда – где их и не было. В 1744 г. в Казанской губернии было сломано 418 из 536 мечетей (26, с. 208).

В целях усиления русификации и христианизации издается указ (1722 г.) о рекрутском наборе малолетних татар в возрасте 10-12 лет, из которых «употреблять в деньщики генералам и штабу третью долю, а также и в матросы некоторую часть». В 1729 г. издается сенатский указ, согласно которому предписывается «работников с иноверцев Казанской, Нижегородской и Симбирской провинции брать, когда сколько будет потребно...». В 1737 г. Сенат издает указ о сборе подушных денег, хлеба «с татар и прочих иноземцев пашенных брать хлебом против того, как на русских положено, вдвое...». Это требование в более категорической форме повторяется в распоряжении правительства и в 1741 г.: увеличить количество хлеба, сдаваемого казне татарами, в 2 раза по сравнению с русскими крестьянами.

При этом численность татар, приписанных к корабельным работам, с каждым годом увеличивается. Так, по итогам второй ревизии (1742-1747 гг.) было приписанных к Казанскому адмиралтейству: в Воронежской губернии 10,8, Казанской – 45,9, Нижегородской – 8,9 тысячи. Освобождены были от корабельных работ лишь крестившиеся инородцы да русские. Дано указание: крестившихся от лашманства освободить, заменяя их некрещеными, а также русских не приписывать (72, с. 94, 95).

Слово «лащман» было в употреблении и в мое детство. Если кому-то поручали тяжелую работу, он говорил: «Я тебе не лашман и не буду выполнять эту работу».

Так, во время переписи 1811, 1816, 1834 гг. жители деревни Старое Дрожжаное (моя родина. – И.Г.) были записаны «служилыми татарами», а 1858 г. их уже записали «лащманами» (ГАУО, ф. 156, оп. 2, дд. 39, 94, 139, 601).

РЕВИЖСКАЯ СКАЗКА.				
1816 года <i>Февраля</i> дня <i>Симбирской</i> Губернии <i>Буинского</i> уезда <i>Деревни Старая Задровка</i>				
Семьи.	Мужеской полъ.	По послѣдней ревизіи состо- яло и послѣ одной прибыло.	Изъ того выбыло	Нынѣ на лицо.
№.	<i>Сурманьба Келлеръ</i>	Лѣша.	Когда имен но.	Лѣша.
1	<i>Рахманъ Кадвуртеевъ</i>	46	---	50
	<i>Рахманъ Кадвуртеева</i>			
	<i>Абтрахманъ сынъ Хусейнъ</i>	22	---	27
	<i>Хусейнъ Тети Селивъ</i>	1	---	2
	<i>Савитъ Кадвуртеевъ</i>			

К тому же, пользуясь не знанием ими русского языка, царские чиновники повсякому старались их обманывать, обижать. Для подтверждения этого хотим привести следующий пример. 12 марта 1798 г. по указанию Симбирской казенной палаты в Буинском уездном суде начались слушания, которые продолжались до 23 июня. Как видно из материалов суда, из деревень Старая Задровка, Новая Задровка, Старое Дрожжаное, Татарская Бездна, Нижнее Чекурское, которые сейчас расположены в Дрожжановском районе РТ, на лесозаготовки были направлены 66 человек.

После завершения работы, организатор вывозки леса Селиванов велел им собраться в назначенном месте, чтобы им дать дополнительное задание. Однако рабочие, вместо сбора на означенном месте, разъехались по домам. Избрав из своего состава по одному представителю, отправили к Селиванову. Ему оставалось лишь отдать бумаги о завершении работы. В это время рядом с Селивановым был комиссар адмиралтейской конторы. Он тоже хотел использовать этих крестьян в своих целях, а их уже не было.

Как видно из объяснительной служилого татарина (в это время их еще не успели превратить в лашманов. – И.Г.) из д. Нижнее Чекурское, Биккенея Амакеева, со стороны Селиванова заранее не было указания о необходимости собраться вновь, поэтому они разъехались по домам.

Судебное разбирательство продолжалось долго. Нужно было собрать множество справок. Например, сохранилась справка об осужденных из д. Нижнее Чекурское: «они до сегодняшнего дня были

поведения добропорядочного, никаких противозаконных поступков за ними не замечалось, под судом не были и после решения их дело в общество свое их принять желаем...» (НАРТ, ф. 1336, оп. 1, д. 337, лл. 19-79).

Петр I боролся не только с исламом, но и татарским языком. При нем складывается явно отрицательное отношение к тюркизмам. Сам Петр, по свидетельству Татищева, запрещает употреблять в деловой переписке татарские термины, относящиеся к названию денег.

Термин «алтын» и подобные он приказывает заменить русскими терминами. Сделанный Петром шаг не был следствием его мимолетных настроений. Он выражал собой новое настроение господствующих классов, их стремление к установлению обратного влияния, теперь уже на тюркские народности. Начинается полоса вытеснения тюркизмов из речевой практики. Борьба с тюркизмами в языке все больше обострялась. Однако значительное число тюркизмов в русском языке все же сохраняется, особенно в разговорном языке (149, с. 244). Об этом мы писал и раньше.

11 сентября 1740 г. императрица Анна Иоанновна подписала именной указ о массовой христианизации иноверческих народов России. Организация крещения была поручена новокрещенской конторе во главе с архимандритом Свяжского Богородицкого монастыря Дмитрием Сеченовым. Среди татар крещеных было немного (менее 1% от общего числа крещеных). Причину этого известный историк русской церкви И.К.Смолич объяснил так: «Традиционная религия и историческое прошлое давали татарам особенную силу для сопротивления христианству и русификации, поэтому православная миссия в Поволжье всегда была направлена на просвещение татар и на борьбу с исламом, который воспитывал и поддерживал в татарах чувство самостоятельности и сплоченности»

В своем обращении в Синод от 16 ноября 1741 г. Д. Сеченов подчеркивал, что именно мечети являются основным препятствием для распространения христианства среди мусульман. По этой записке Синод принял кардинальное решение: «имеющиеся в Казанской и протчих губерниях татарские мечети, которые построены после запретительных о том построении указов, где б оныя не были, все сломать без всякого отлагательства и впредь строить не допускать и позволения в том не давать» («Звезда Поволжья», 2011, 25 февраля-2 марта).

Деятельность конторы была особенно энергичной в сороковых - начале пятидесятых годов, когда казанскую епархию возглавлял архиепископ Лука Конашевич – неистовый и жестокий миссионер. Проповедь христианского вероучения проводилась при нем исключительно побоями и другими насилиями. Миссионеры вместе с солдатами ездили по нерусским деревням, сгоняли к речке население и «крестили». Всякое сопротивление ликвидировалось «плетьюми и палками». Самый обряд обращения в христианство был сведен до

минимума. Священнику достаточно было облить человека водой, хотя бы связанного, чтобы христианин был готов.

Это поп, прозванный народом Хромым Каратуном, истязал мусульман, отрезал им языки, подвешивал их на железный крюк за ребра и таким образом вынуждал принимать христианскую веру. При помощи карателей сравнивал с землей те деревни, которые оказывали ему сопротивление (155, с. 342).

Бывало и так, что, проезжая по татарской деревне, миссионеры ловили игравших на улице детей, отвозили в Казань и, окрестив, помещали в Зилантов монастырь для воспитания их в духе православия. В результате сильного возмущения нерусских народов правительство принуждено было в 1755 г. перевести Луку Конашевича в другую епархию, а в 1764 г. ликвидировать и самую новокрещенскую контору. Личность жестокого миссионера глубоко запечатлелась в памяти татарского населения под именем «аксак-каратун» (хромой черноризец) (26, с. 207, 209).

Особую нетерпимость правительство и русское духовенство показало в отношении мусульманского духовенства. Так, начальник главного правления Сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищев писал: «МахOMETанских духовных, ежели до кого хотя б малое дело в вине коснулось, тех не щадя наказывать и ссылать не токмо из Уфинского, но и из Казанского и других уездов, где они обретаются, для того что простые татары в них, как в пророков, веруют, а они воздержным житием к себе привлекли и в вере утверждают и умножают. Далее он предлагал лучших ученых отправить в Персию толмачами, чтобы избавиться от них» (201, с. 117).

Он же предлагал: «Взять от лучших мурз детей и обучать грамоте русской. Однако надобно, чтоб учителя были доброго жития, а особливо не пьяницы, которое татарам весьма мерско. К тому же, чтоб силою к вере не понуждали, но с ласкою и толкованием помалу закон христианской знать им давали, чрез что со временем без принуждения вкоренится. Для безопасности же объявить татарам, что то чинится для их пользы...» (201, с. 483).

Таким образом, социальное, духовное обкрадывание татарского населения, национальный гнет усиливался, что вызывало протест трудовых масс края, к которым иногда присоединялись и состоятельные люди, потому, что царское правительство, защищая интересы купцов, облагало татарских купцов большими налогами, запрещало торговать на внутренних рынках и устраивало другие преграды.

В XVIII в., кроме незначительных волнений, татарское население неоднократно поднимало крупные восстания. Наиболее известны «движение типтяр» в 1748 г., восстания татар и типтяр в 1749 г., выступление под руководством знаменитого Батырши в 1755 г., борьба тирсинских крестьян в 1764-1767 гг. (55, с. 115, 116).

Народы нашего края приняли самое активное участие в восстании Степана Разина. Его «прелестные письма» писались и на языке татар, в них татарам было обещано «всякое добро» в случае участия в восстании. Одним из разинских агитаторов, организатором и автором писем был Хасан (Асхан) Айбулатов (26, с.177), по другим сведениям, Хасан (Асан, Асай, Акай мурза) Айбулатович Карачурин (22, с.106). На земле Татарстана произошли крупные стычки правительственных войск с повстанцами, например в с. Куланга (ныне Кайбицкий р-н), на р. Карле (Буинский р-н). Казань, как и в годы предыдущих выступлений, являлась опорным пунктом царских войск, центром подавления восстания.

Даже после поражения разинцев под Симбирском выступления народных масс края продолжались почти год.

В своем историческом романе «Степан Разин» писатель А.П. Чапыгин пишет о знании С. Разиным татарского языка, неоднократно подчеркивает героизм, смелость татар. «Татары с гиком, как черные дьяволы, рубили их (рейтар и драгун)»; «... глазами к ночному бою татары способнее»; «Когда раненый атаман упал ... татары с гиком и визгом гнали рейтар от места, где лежал Разин» (108, с. 535, 541, 551, 557).

Апогея это движение достигло во время крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Обращение пугачевцев к татарам на родном языке, проведение некоторых конкретных мер по ликвидации неравенства среди разных национальностей привлекали и влияли на нерусские народы.

На всех этапах восстания активно участвовали ясачные и служилые татары. Из их числа выдвинулись видные руководители восстания, в том числе 9 полковников, более 20 войсковых и походных старшин, около 40 сотников и др. Такие, как М. Гумеров, Ю. Енгальчев, Б. Канкаев, К. Муратов, Я. Кадырметов, К. Усаев и др. пользовались уважением не только среди татарского населения. И. Бахмутов (Махмутов), С. Сагитов были близкими Пугачеву людьми и состояли членами высшего совета.

В восстании 1773-1775 гг. во всем Поволжье участвовало 90-95 тыс. татар. В том числе только на земле Татарстана было организовано 70 отрядов (55, с.120-122). Самым значительным событием, связанным с действиями пугачевцев, было взятие Казани, так как известие о падении Казани повергло в смятение правительство и дворянство, поэтому регулярные войска поспешили под Казань, где они нанесли Пугачеву жестокое поражение (24, с. 238). Большим подспорьем при исследовании данного вопроса является книга С.Х. Алишева «Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании» (Казань, 1973).

Самоотверженная борьба нерусского народа заставила царское правительство внести некоторые изменения в колониальную русификаторскую политику. Был издан указ «о веротерпимости», в соответствии с которым все религии в стране формально получили право на существование, хотя практически до этого было очень далеко.

Отменялось, хотя только юридически, насильственное обращение в православие, а мусульманам разрешалось строить не только мечети, но и школы при них. Для непосредственного управления мусульманской церковью в 1782 г. учреждается муфтиат. Для решения вообще мусульманских дел в Уфе создается мусульманское духовное собрание (26, с. 226). На казенный счет печатался коран, издавались распоряжения о соблюдении мусульманами установленных молитв.

Это оживление мусульманского мира скоро отозвалось на крещеных инородцах: они в начале царствования Александра I (он вступил на престол в 1801 г. – И.Г.) в большом числе перешли в ислам. Именно тогда все новокрещеные в губерниях Нижегородской, Пензенской и других перешли в исламскую веру (67, с. 4).

Уход крещеных нерусских из православия происходил вследствие религиозного гнета со стороны духовенства, которое различными способами старалось увеличить свою паству. Так, с 20- до 50-х гг. только среди марийцев, отказавшихся от христианства, насчитывалось до 45 тыс. человек. Уход происходил не только одиночно, а массой, целыми деревнями и даже волостями. В Муслюмкинской волости Чистопольского уезда в 1851 г. одновременно перешли в ислам 12 татарских селений (26, с. 225, 256). Такое явление было и в Тетюшском уезде Казанской губернии, Буинском и Сенгилеевском – Симбирской губернии (77, с. 224).

Наблюдался массовый отход крещен от православия и в 1861 г., в том числе целыми волостями и уездами. М.С. Глухов объясняет, что это произошло в связи с неправильным пониманием и толкованием частью татарских крестьян и ремесленников некоторых положений реформы 1861 г. (77, с. 219).

Ярким примером активного сопротивления местного населения насильственной христианизации является дело об уклонении от православия в мусульманство крещеных татар деревни Салдакаево Егоркинской волости Чистопольского уезда. В источниках по этому делу указывается, что крещеные татары деревни Салдакаево Иван и Стефан Стефановы и их семьи, состоящие из 14 человек, в 1845 г. священнослужителей «в дома свои ... не пустили, говоря, что они христианской веры держаться не хотят, ... отпали от христианской веры в магометанство». Чтобы не допустить отпадения от христианства... Стефановы со всем семейством были насильно переселены в село Уракчи Лаишевского уезда. Здесь среди всего православного населения местные священники должны были удержать их в христианской вере. Пробыв недолго в селе Уракчи, Стефановы сбежали на прежнее место жительства. В дальнейшем местным властям не удалось вернуть их в село Уракчи (103, с. 25).

В ислам уходили и русские. Так, в 1909 г. в одном Бугульминском уезде Самарской губернии таких случаев было более 10. Среди перешедших в ислам был и русский священник Громов (67, с. 14, 15).

Иногда можно найти и такие утверждения, что в России не исчез ни один народ, как это произошло с аборигенами в Америке, и не один народ не был насильственно крещен. Факты свидетельствуют о другом. В России исчезло безвозвратно значительное число народов. Относительно насильственного крещения, нужно отметить, что оно вершилось в разном виде: прямые пытки, лишали средств к существованию, отбирали дочерей и насильно крестив, отдавали в жены в православные семьи. Крещеным передавалось все, что было у их некрещеных родственников. Были и казни. Например, 20 июня 1738 года был сожжен новокрещеный Т. Жуляков за переход в ислам («Звезда Поволжья», 2011, 7-13 апреля).

Узнав о том, что казак Исаев, оставив христианство, перешел в магометанскую веру и был обрезан, «бдительный» В. Татищев доложил аж в Сенат. Чтобы обсудить такое «ужасное» дело, 2 июня 1740 года было проведено специальное заседание Кабинета министров (!), и был вынесен указ (!) о предании Исаева смертной казни.

Тайный советник Татищев дал полковнику Арсеньеву еще такой приказ: «... татарина Тойгильду за то, что, крестясь, принял паки магометанский закон, на страх другим при собрании всех крещеных татар сжечь; а жен и детей его, собрав, выслать в русские города для раздачи; из оных двух прислать ко мне в Самару». 30 апреля 1739 года на площади Екатеринбурга была сожжена живьем и 60-летняя мусульманка Кисэнбике Байрасова («Звезда Поволжья», 2010, 8-14 апреля).

М.С. Глухов переход части крещен в магометанство считает драматическим процессом (77, с. 198). При этом он ссылается на «известного востоковеда» С.В. Чичерину, которая писала, что «крещено-татарские селения отличаются зажиточностью, и жители таких селений пользуются уважением в волостях со смешанным населением; часто избираются в волостные старшины, церковные старосты» (не крещеных просто не допускали к различным должностям. - И.Г.) и т.п. (77, с. 256).

Это та самая Чичерина, которая еще в 1910 г. пыталась раскрыть причины перехода крещеных в ислам. Она писала, что для человека центральной России представляется невероятным, что татары пересиливают русское культурное влияние на инородцев; но это понятно всякому, кто видел взаимные отношения племен.

Во-первых, татаро-мусульмане образованнее русского сельского населения, культурнее его, живут чище.

Во-вторых, татары ближе по языку к инородцам и имеют более дружественные отношения с ними, чем русские. Татары являются среди живущих по захолустьям инородцев посредниками для общения с миром русским.

В-третьих, татары своей сплоченностью и уверенностью в своем превосходстве над народами, не исповедующими ислам, сумели приобрести громадный авторитет среди малокультурных племен, колеблющихся на распутье между исламом и православием. В полуязыческой деревне всякий мусульманин является почетным гостем.

Обаяние татар настолько велико, что инородцы, переходящие в ислам, к какому бы племени они ни принадлежали, отрекаются от своего племени, воспринимают татарский язык и татарские обычаи и с гордостью называют себя татарами.

В-четвертых, мусульманский приход есть самостоятельная религиозная община, дружно сплоченная вокруг мечети, и все, от муллы до последнего рабочего или работницы, проникнуты религиозным, можно сказать, миссионерским настроением (67, с. 13, 14).

Чичерина о татарах пишет так не потому, что любит их, наоборот, выражает сожаление, что несколько десятков тысяч крещеных татар, чувашей, черемисов, вотяков отпали от православия (67, с. 5) и предлагает: «необходимо оградить крещеных и язычествующих инородцев и многочисленные малокультурные мусульманские племена (башкир, киргизов и проч.) от искусственного поглощения их татарством» (67, с. 18).

Чичерина пишет также, что в последующие три столетия (после завоевания Казанского ханства. – И.Г.) православие распространялось в крае или средствами принудительными, или при помощи разных льгот, даваемых окрещенным: избавлением от рекрутчины, уменьшением податей, освобождением от наказаний, назначенных по суду, и проч. Сама же отмечает, что количественно достигнуты были значительные успехи, но по существу они были совершенно ничтожны, так как эти новокрещенные по складу мыслей оставались теми же язычниками (67, с. 34).

Исходя из сказанного, на наш взгляд, можно с уверенностью сказать, что ислам способствовал сохранению татар как народности. К этому нужно добавить и то, что ислам сохранил научные рукописи Древней Греции, которые могли бы безвозвратно затеряться (109, с. 292).

Царское правительство ищет другие, более утонченные меры борьбы за обрусение нерусских народностей. «Новый» метод обрусения крещеной части нерусского населения разработал и применил крайний монархист и верный слуга царского правительства М.И. Ильминский. В основу своей русификаторской политики он положил создание письменности для всех крещеных на их родном языке, то есть ставка была сделана на представителей самой русифицируемой народности, а не русских миссионеров, которые, не зная языка и быта народа, не могли находить путей к его психике и влиять на него в желательном для правительства духе. Такова сущность этой более тонкой обрусительной системы (26, с. 354, 355).

Совокупность мыслей Ильминского относительно просвещения, глубокого идейного объединения с русскими всех восточно-инородческих племен называлась его почитателями «системой Ильминского». Таким образом, в основе этой «системы» лежали слияние всех без различия религиозных исповеданий инородцев в одну русскую семью (как это созвучно с идеей сближения и слияния наций, о которых

мы в свое время много читали в партийных документах. – И.Г.), а также мечта о счастье, которого достигнут инородцы, если они войдут в лоно православной церкви (67, с. 7, 8).

Выдающийся чувашский просветитель И.Я. Яковлев об этом открыто писал следующее: «Нерусские народы должны войти в семью русского народа по настоящему, не как сироты, а как полноправные дети. Они должны слиться с русскими... Они должны обрусеть, объединившись с русскими, они должны составить единое живое... Н.И. Ильминский показал испытанный, не оставляющий для сомнений путь... Сделайте инородцев путем родного языка православными, и они будут русскими – таково было глубочайшее убеждение Николая Ивановича» (167, с. 41).

Здесь считаем нужным отметить и тот факт, что вначале И.Я. Яковлев был противником обучения детей на родном языке. В 1868 г. он написал статью против употребления чувашского языка в школах. Лишь после нескольких недель бесед с Н.И. Ильминским, которые иногда продолжались до четырех-пяти утра, он убедился в пользе и необходимости родного языка в образовании инородцев (205, с. 4-5).

Первым последствием применения «системы Ильминского» было прекращение массового ухода инородцев в ислам (67, с. 12) и воспрепятствование слиянию мусульман разных племен в «единую мусульманскую нацию» (67, с. 7).

Вторым последствием применения этой «системы» явилось духовное слияние значительной части этих инородческих племен с коренным русским населением, распространение среди них русской внешней культуры и знания русского языка (67, с.12).

Мы, кажется, нашли ответ и на такой вопрос, почему И.Я. Яковлев был рьяным сторонником Н.И. Ильминского, который считал своим первейшим долгом русификацию инородческих народов России. Н.И. Ильминский взял на воспитание Бобровникову Е.А., которая осталась сиротой в 10 лет. На ней и женился И.Я. Яковлев 22 сентября 1877 года, когда до узаконенных 16 лет ей не хватило нескольких дней. Поэтому на бракосочетание потребовалось через Н.И. Ильминского попросить особое разрешение от бывшего тогда Казанского архиепископа Антония. Бобровникова Е.А. в дальнейшем отчислилась из гимназии ввиду замужества, так и не закончив учебу (167, с. 192). То есть, И.Я. Яковлев был зятем Н.И. Ильминского.

Таким образом, царизм проводил насильственную русификацию нерусских народностей, то есть насаждался русский язык, русские обычаи, преследовалась национальная культура (59, с. 165). В журнале министерства народного просвещения в 1870 г. прямо писалось: «Конечной целью образования всех инородцев в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» (26, с. 388).

Вернемся к системе Ильминского и, естественно, мы не можем отрицать и положительную сторону данной системы, она дала письменность многим народам. И.Я. Яковлев писал: «До 70-х годов прошлого столетия чувашского алфавита вовсе не существовало. Эта работа была проведена следующим образом: Сергей Тимрясов, хорошо знавший татарский язык, с татарской книжки диктовал по-чувашски, а студент Белилин записывал. Писал он, конечно, как слышал, исключительно русскими буквами. В 1871 г. был подготовлен первый букварь («Тъваш адизене сырва вьренмелли кнеге»). Тогда в чувашском алфавите было 47 знаков» (167, с. 88, 91).

Таким образом, хотим еще раз подчеркнуть, что царизм проводил насильственную русификацию нерусских народностей, то есть насаждался русский язык, русские обычаи, преследовалась национальная культура. В журнале министерства народного просвещения в 1870 г. прямо и цинично писалось: «Конечной целью образования всех инородцев в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» (26, с. 388).

Нам остается только констатировать, что в этом деле был достигнут огромный успех. Иначе чем объяснит следующий факт: «По результатам первой переписи Петра в молодой империи было равное количество русско-славянского и тюрко-татарского населения – по 8 миллионов человек, то есть 50 на 50 процентов. Сегодня (2002 г. – И.Г.) в Российской Федерации проживает 125 миллионов человек славянского и 13 миллионов человек тюркского населения – 91 на 9 процентов. Конечно, это результат продуманной ассимиляционной политики (161, с.174).

Естественно, эти цифры также не результат более высокой производительности русских, которым, к тому ж, православная церковь не разрешала повторные браки. А татарам в этом отношении не было преград. Так, в 1833 г. житель дер. Нижнее Чекурское Музафаров имел двух жен, а его старший брат даже трех (ГАУО, ф. 156, оп. 2, д. 142)

Вот что пишет по этому поводу В. Тишков: «Русскость... становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима. Именно в эти годы сотни тысяч белорусов и миллион украинцев, особенно потомки смешанных браков, выбирали однозначно русскую национальность.

Русские также «забрали» в свои ряды изрядную долю представителей таких национальностей, как белорусы, евреи, мордва, чуваша, коми, карелы и другие группы из числа близких по фенотипу и христианизированных.

Численность русских с 77 млн. 732 тыс. в 1926 г. увеличилось на 16 млн. 201 тыс. в 1937 г., в то время как численность украинцев за это же время уменьшилась на 4 млн. 768 тыс. человек» («Родина», 2007, № 7, с. 86).

Со стороны царского правительства велась работа не только по русификации татар, но и их физическому уничтожению. Так, в 1735 г. в своей записке о мерах по борьбе с магометанством царский сановник И.К. Кириллов предлагал направлять их в службу в регионы, где идут боевые действия, мотивируя тем, что: «...Хотя по мало наряжены будут, однако же, которое время там пробудут, в то жены без плода останутца, а кого убьют, тот и вовсе не возвратитца. Как исстари сию политику во всем государстве над татарами во время Швецкой и Польской и Турецкой войн делали, везде их перед войска в первых на пропажу посылали, вменяя в службу» (72, с. 90).

По закону № 549 «О мерах борьбы с перенаселением и магометанством» в российских войнах предписывалось впереди войска посылать безоружных татар и башкир «напропажу», а чеченцев «истребить вовсе» («Звезда Поволжья», 2003, 27 марта-2 апреля).

Мы уже отмечали, что из тюрко-татар, которые уходили на Русь, вначале сложилось особое служивое сословие, основа будущего русского дворянства. На наш взгляд, здесь нужно подчеркнуть тот факт, что значительное количество русских фамилий имеют тюркское происхождение.

В.О. Ключевский писал, что из 930 служилых фамилий, приведенных в Бархатной книге, 33 % русского происхождения, 24 - польско-литовского, 25 - немецкого, 17 - татарского и вообще восточного (36, с. 193). Если учесть, что определенное число выходцев из среды литовцев, немцев сами имеют восточное происхождение, процент тюркских фамилий окажется больше.

Н.А. Баскаков приводит слова Е.П. Карновича, который писал: «Князей из татар вообще у нас было и есть такое множество, что и ныне в простом русском народе каждого татарина называют князем» (3, с. 7).

В.О. Ключевский же отмечает, что при Василии, отце Грозного, с князем Глинским выехала из Литвы толпа западно-руссков, которые целым гнездом были помещены в Муромском уезде и назывались «Глинского людьми» или просто «литвой». Были такие выезды и позже (36, с. 192). Предки Глинских ушли в Литву в 1380 г. вместе с сыном Мамаем Мансуром Киятом (64, с. 23).

Эти сведения подтверждаются и другими источниками. Так, Н. Загоскин пишет, что татарский князь Алекса, внук Мамаев, будучи наречен в святом крещении Александром, сделался родоначальником этого рода. Потомок его князь Михаил Глинский выехал в 1508 г. в Россию и вступил в ряды московского служилого сословия. Он был в большой чести при дворе великого князя. Василий Иванович перед смертью завещал: «Приказываю вам Михаила Глинского, человек к нам приезжий, и вы бы того не молвили, что он приезжий, - держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга» (72, с. 34).

Интересны факты, когда русские цари, отправляясь в походы или в случае опасности, вместо себя на московском троне оставляли татар. Так,

Иван III, отправляясь в поход на Новгород, оставляет управлять землей и стеречь Москву татарского царевича Муртазу (72, с. 42).

В 1521 г., когда крымское и казанское войска подступили к Москве, Василий III эвакуировался в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, царевичу Петру-Худай-Кулу (65, с. 84).

Н.А. Баскаков в своей книге дает более или менее подробный историко-этимологический анализ 300 русских исторических фамилий восточного происхождения, связанных с переходом на русскую службу выходцев главным образом из Золотой Орды, а также из родовых государственных объединений тюркоязычных народов, как более ранних по отношению к Золотой Орде, так и образовавшихся после ее распада – Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств (3). Элементами гербов, подтверждающими восточное происхождение этих фамилий, являлись ятаган (меч), колчан, стрелы, полумесяц (3, с. 15, 27).

А.Х. Халиков дает аннотированный список 500 русских и русифицированных фамилий, имеющих тюркское, прежде всего болгаро-казанское и болгаро-мишарское происхождение, то есть связанное с предками татар Среднего Поволжья и Приуралья (64).

Представляет интерес тот факт, что в жилах многих выдающихся русских ученых, писателей, государственных деятелей течет татарская кровь. Среди них Державин, Тургенев, Кантемир, Тимирязев, Плеханов, Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Бунин, Давыдов, Милюков, Аракчеев, Панаев, Шереметьев, Строганов, Достоевский, Радищев, Циолковский и др. (34, с. 44).

Многие из них не боялись, как это случается в наше время, признать свое татарское происхождение. Выдающийся писатель А.И. Куприн, например, гордился тем, что он потомок татарского хана Колунчака и офицер русской армии (72, с. 93).

Считаем нужным подчеркнуть, что до XVII в. на Руси, кроме крестных имен, у людей были и другие имена, и, именно они, использовались в быту и в официальных документах. Оказывается, многие из этих имен-прозвищ были татарскими. Точнее, для уха современного человека они звучат как татарские в нынешнем понимании этого термина. Однако в средние века эти татарские имена носили русские люди.

Тюрко-татар судьба разбросала по разным регионам, странам. Где бы они ни жили, кому бы ни служили, в основном на добро отвечали добром. Конечно, больше всего их оказалось на Руси. Они славили русское оружие, вносили значительный вклад в развитие русской культуры, науки, слагали головы «за веру и отечество».

Дискуссии по вопросу основания Казани

*Сомнений нет, основание города
Хусан связано только с чувашским народом.
До нашествия татаро-монгол в городе
жили чувашии.*

Г.П. Егоров

*Возникновение Казани относится к
рубежу X-XI веков.*

Ф.Ш. Хузин

Истории татарского народа повезло меньше всего: почти все письменные источники погибли в огне пожарищ, от рук завоевателей или были вывезены, в том числе на Русь. Но существование архивов подтверждает тот факт, что еще В.Н. Татищев изучал материалы Казанского и Астраханского архивов, которые затем исчезли (104, с. 48).

О существовании казанских дел мы узнаем и из других архивных документов, где есть упоминания о «Казанских тетратех» (тетрадах), и из «Описи царского архива» (1575-1584 гг.) (123, с. 70).

В настоящее время историю татарского народа приходится восстанавливать по крупицам на основе различных источников. Исследователи могут обращаться лишь к сообщениям русских летописей, посольских, писцовых и переписных книг, к мемуарам и запискам русских воевод и иностранных путешественников, особенно арабских. Необходимо подчеркнуть и то, что к некоторым источникам нужно подходить осторожно, тем более, если они написаны приверженцами русской геополитической истории.

Казанцы являются наследниками и продолжателями традиций волжско-камских булгар. Это выражается и в почитании священных развалин Булгара и болгарских древностей как памятников своего национального прошлого, и в тождестве мест поселения, и в преемственности хозяйственной деятельности, и во врожденной способности к торговле как у булгар, так и у казанцев, наконец, в тождестве материального быта и единстве духовной культуры (65, с. 20, 21).

Поэтому удивляет, что авторы уже названного школьного учебника полностью игнорируют историю одного из крупнейших и развитых в экономическом, политическом и культурном отношениях государств Восточной Европы – Казанского ханства. М.Г. Худяков писал, что «история Казанского ханства представляет интерес по многим причинам. Помимо общего права на внимание, как история обширного государства,

она имеет специальное значение для историков общей, восточной и русской культуры» (65, с. 9).

Лишь в подзаголовии «Присоединение к Российскому государству Казанского и Астраханского ханств» авторы упоминают об образовании названного государства под властью татарских феодалов.

В истории Казанского ханства есть спорные вопросы, главными из которых, на наш взгляд, являлся время основания его столицы г. Казань и период существования самого ханства. Одни историки считали, что Казань основана в XIV в. (6, с. 527). Мы уже упоминали о том, что хан Мингу-Тимур подарил князю Федору вместе с рукой дочери 36 городов, в числе которых Болгары, Казань, Арск, Балыматы и др. А это событие произошло в 70-е гг. XIII в.

«Географический энциклопедический словарь» (М., 1989) временем основания г. Казань указывает вторую половину XIII в. Основателями его называются болгары (14, с. 204).

По карте школьного учебника «География России», изданного в Москве в 1993 г., школьники узнают, что Казань была основана в XV-XVI вв. (13, с. 12). Правда, в дальнейшем авторы указывают другую дату, но, как мы знаем, наглядность запоминается лучше и дольше.

А.И. Лызлов считал, что Казань основана монголами (татарами): «И поселились татары в тех двух странах, что звались Болгария (Волжская Болгария) и Золотая Орда: по обе стороны реки Волги, от места, где впоследствии встала Казань» (104, с. 135). Этого же мнения придерживаются авторы «Исторического календаря» (Донецк, 1996). Они заявляют, что своим происхождением Казань обязана тому времени, когда татары, собранные воедино Чингисханом, обрушились всей своей массой на наше отечество и стали закрепляться по нижней и средней частям Волги. Древнейшим из пристанищ татар был г. Сарай... Несколько позднее возникли Астрахань и Казань. Казань не очень древнего происхождения, но, тем не менее, ни год ее основания, ни имя основателя достоверно неизвестны. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что начало Казани не восходит дальше времен Батыея. Следовательно, основание ее можно отнести приблизительно к 1250 г.

Далее они продолжают, что прошло около 100 лет после смерти Батыея, прежде чем Казань заявила о себе, выступила на историческую арену. В первый раз мы встречаем летописное известие о Казани в 1361 г. в связи с разорением ее Новгородской вольницей (83, с. 145, 146).

На наш взгляд, это не так, иначе как можно объяснить сообщение о том, что в конце XII столетия Казань превратилась уже в одну из наиболее совершенных болгарских крепостей, расположенных на северной границе. По мнению А.Х. Халикова, «... в центре этой крепости возвышалась большая сторожевая башня, очевидно, тоже белокаменная. Довольно мощный фундамент этой башни был вскрыт в раскопе рядом со стоящей до сих пор сторожевой башней Сююмбике» (93, с. 39).

А.Х. Халиков годом основания Казани считал 1177 г., когда в противовес славяно-русским походам Булгария укрепляет свои западные границы, свидетельством чего является основание важной болгарской белокаменной крепости Казань (64, с. 12). Его гипотеза нашла поддержку среди других историков.

В связи с этим в 1977 г. республика готовилась отметить 800-летие Казани. Были изданы различные буклеты, выпущено огромное количество разнообразных сувениров с надписью «800 лет г. Казани». Москва выделила кругленькую сумму на проведение юбилея, был подписан указ о награждении Казани орденом Ленина и т.д. Однако юбилей не состоялся.

В том же году в Доме политического просвещения Татарского обкома КПСС состоялось совещание идеологического актива республики (автор данных строк участник этого совещания). С докладом выступил секретарь обкома М.Ф. Валеев (ныне покойный). Один из участников совещания задал вопрос: «Почему отменяется 800-летие г. Казани?» Ответ был однозначным: «У нас есть более важный юбилей» (60-летие Октябрьской революции. – И.Г.).

Почему отменили юбилей? На наш взгляд, здесь две основные причины, какая из них важнее - трудно определить.

Тогда считалось, что Казань была основана золотоордынцами. Поэтому Иван IV в отместку за многолетнее надругательство над Русью со стороны Золотой Орды завоевал этот город. Таким образом, была подготовлена оправдательная почва для захватнической политики Ивана Грозного.

Оправдание находим и в другом источнике: «Значительным историческим сочинением этого периода стала «История о Казанском ханстве» (1564-1566), в которой взятие Казани представлено как мера, необходимая для защиты русских земель, а не как захват чужой территории» (154, с. 173).

Отмене юбилея способствовало, на наш взгляд, и отсутствие единого подхода к раскрытию истории татарского народа среди самих татарстанских ученых. Помню поминальный обед в Москве. После того как были прочитаны молитвы, закончена трапеза, гости перешли к земным беседам. Узнав, что я из Казани, они заинтересовались жизнью в республике, задали вопросы. Один из них с глубоким сожалением вспоминал, как во время защиты докторской диссертации по истории татарского народа сами же татары провалили ее (через несколько лет эта диссертация была успешно защищена. – И.Г.).

Были и другие версии о дате основания Казани. Так, Х. Нурутдинов отмечает, что согласно своду древнейших болгарских летописей «Джагфар тарихы» («История Джагфара») г. Казань был основан в 1103 г. (42, с. 42).

На наш взгляд, «превозмогал» всех П.И. Рычков, который писал: «...Казанское царство и г. Казань, более, нежели за триста лет, основаны

татарами на земле Российскому государству принадлежащей (выделено нами. – И.Г.), к великому государственному вреду» (171, с. 114). Правда, кроме него у других авторов мы не обнаружили такие территориальные претензии к нашим предкам.

П.И. Рычков и в другом вопросе позволяет себе милитаристические замашки: «Астраханское царство, которое издревле бывало под державою Российских Великих князей под именем Тмутаракани» (171, 163). К тому же, на наш взгляд, он не «силен» и в географии: «Тмутаракань, древнерусский город 10-12 вв., на Таманском полуострове, современная станица Таманская...» (101, с. 419). А от Астрахани до Тамани огромное расстояние!

Кто же был основателем Казани? По этому вопросу также имеются различные гипотезы.

Академик М.З. Закиев пишет, что названия города **Казан** и реки **Казанка** безусловно восходят к этнониму **касан-косан**, который образован из двух корней: **ку** ~ **ко** бело-серый, бело-желтый и **сан** от **сон-сун**, т.е. **сөн** (в русском произношении: **гунны**). Что касается омонимичного слова **Казан**- котел, то оно образовалось от слова **казын**, корень **казу** обозначает **копать, углублять**.

М.З. Закиев также подчеркивает, что болгары, стремясь сохранить свое государство, столицу переводят в Казань и город пытаются назвать Новым Булгаром, но местные казанцы – предки представителей среднего диалекта – перехватывают власть и сохраняют за столицей ее прежнее название **Казан**; поэтому созданное на обломках Волжской Булгарии государство начинает называться **Казанским ханством**, хотя название **Болгар иле** продолжает функционировать почти до образования Татарской Республики (99, с. 65, 66).

Г.П. Егоров считает, что без всяких сомнений основание города **Хусан** связано только с чувашским народом. До нашествия татаро-монголов в городе жили чувашаи. Название связано с именем предводителя, основавшего город (78, с. 59).

Если вернуться к слову «Казань», по мнению П.И. Рычкова, название «Казань» никакого отношения к котлу не имеет. Это название может произойти от названия реки (Казанка. – И.Г.). Может быть, когда-то здесь был хуторок по названию Казань (171, с. 72).

М.С. Глухов пишет, что основателями г. Казань, по существующей и пока никем не опровергнутой версии, являются **казы-ногаи** (выделено автором. – И.Г.), выходцы из Золотой Орды (77, с. 88, 294). К тому же он считает, что **Иске Казан** не мог возникнуть ранее 1309 г.

К сожалению, неточности и искажения допускаются не только в учебниках по истории. В упомянутом учебнике «География России» (13) в разделе «История исследования и хозяйственного освоения территории России» упоминаний о Татарстане нет, кроме как сведений об основании города Казань в XV-XVI вв. (карта на с. 12).

На с. 112 этого же учебника читаем: «Далее вниз по Волге русские стали расселяться во второй половине XVI в. после присоединения Поволжья к Русскому государству. Тогда основываются города Самара, Саратов, Царицын (ныне Волгоград), выполнявшие оборонительные и административно-финансовые функции» (13). Однако исторические источники утверждают, что города Синбир, Саратау (Саратов), Сары-Тин (Сары-су-Царицын) являлись городами Казанского ханства (65, с.18). Так, Саратов был основан в 922 г., Волгоград (Царицын) – 970, Синбир (Симбир) – 866 г. и др. (90, с. 365).

К тому же город Самар был отмечен еще на карте 1367 г. братьев венецианцев Пицигано (150, с. 87). Тем более мы не имеем сведений о том, чтобы русские, основав какой-нибудь город или поселение, назвали его татарским топонимом. Обычно им давались имена престолонаследников: Васильсурск, Иванград, Петербург, Екатеринбург и т.д.

Часть городов, которые носят известные названия, также были основаны тюркскими народами, а в последующем переименованы на русский лад: Балын – Суздаль, Башту – Киев, Борын-Инеш – Воронеж, Булымер – Владимир, Галидж – Галич, Джун-Кала – Нижний Новгород, Кан-Керман – Муром, Колын – Хлынов (Вятка), Куш-Урма – Кострома, Суз-Урынны - Сызрань и др. (90, с. 361, 362, 363, 364).

Говорят, время лучший судья. В последние годы наконец-то археологам разрешили вести обширные раскопки на территории Казанского Кремля. Результатов долго ждать не пришлось. Раз за разом Кремлевский бугор раскрывал свои тайны.

В 1997 г. при археологических исследованиях Кремля была найдена чешская монета, которая имела чрезвычайно важное значение для датировки раннего слоя города Казани. По мнению чешской ученой Я. Хасковой, временем возникновения древнечешской монеты из раскопок Казанского Кремля можно считать 929-930 гг., а принадлежала она князю, ставшему позднее покровителем Чехии – святому Вацлаву (93, с. 32, 36). Монета уникальна – она единственная в мире. До сих пор монет, отчеканенных при Святом Вацлаве, которого чешский народ почитает, как русский – князя Владимира Красное Солнышко, не было найдено вообще (см.).

Была также найдена позолоченная бронзовая накладка на конскую упряжь, сделанная в Венгрии. По оценке венгерского ученого, известного специалиста по средневековой археологии Иштвана Фодора, она попала в землю не позднее начала XI в. Третьим символом древней истории Казани стала арабская монета – дирхем (см.). По утверждению Гамаледдина Мохаммеда ас Саида, доктора из Каира, этот дирхем принадлежал одному из правителей первого Саманидского периода, который завершается в X столетии н.э. (93, с. 39).

Затем были найдены остатки древнейших городских укреплений, которые представляли собой остатки дубовых столбов, закопанных впритык друг к другу. Они были сооружены в XI столетии.

Был также раскопан фрагмент улицы древнего города предположительно X-XII вв. Это маленькая древняя улочка, мощеная корой дуба, вдоль которой - остатки деревянных срубов («Вечерняя Казань», 1998, 18 августа).

Найденная керамика прошла исследование в лабораториях Германии, Франции, Австрии, Москвы, Санкт-Петербурга, а монеты, бусинки проходили экспертизу в Германии (немецкие ученые – лучшие

специалисты в этой сфере). Ученые дали свои оценки возраста этих экспонатов.

В 1999 г. прошла международная конференция с участием ученых 16 стран, на которой были подведены итоги последних изысканий. На заседании отделения истории РАН было признано, что Казани 1000 лет.

Затем президентом Российской Федерации был подписан указ «О праздновании 1000-летия основания г. Казани». В тексте Указа, в частности, говорилось, что «...учитывая историческое и культурное значение города Казани – крупнейшего политического, научно-производственного и культурного центра России, внесшего большой вклад в сокровищницу мировой цивилизации, и в связи с исполняющимся в 2005 году 1000-летием города...» («Казанские ведомости», 1999, 3 сентября).

ЮНЕСКО наградило г. Казань золотой медалью и дипломом «Пальмовая ветвь», как великий исторический город, который внес большой вклад в культуру мира («Вечерняя Казань», 2000, 28 декабря).

Таким образом, была поставлена последняя точка в одном из спорных вопросов в истории татарского народа: Казань основана в начале XI в. Этот факт нашел подтверждение в новейшем историческом источнике, где говорится, что в 1436 г. возникло Казанское ханство, основное население которого составляли волжские булгары (129, с. 74).

Интересен, на наш взгляд, тот факт, что в 20 областях и республиках РФ имеются населенные пункты, названия которых начинаются с корня «Казан» (87). Можно предположить, что основателями их являлись выходцы из казанского края.

Кто был первым правителем Казанского ханства?

...следует оставить измышления ханских придворных преданий о том, что Улу-Мухаммед... стал основателем Казани и Казанского ханства... Улу-Мухаммед... даже не был в Казани.

История Татарской АССР

Улу-Махмет (Мухаммед. – И.Г.)... переправился через Волгу и засел в... Казани, где поставил себе деревянный город на новом месте.

С.М.Соловьев

Следующий вопрос, вокруг которого много споров, – это время основания Казанского ханства и об основателе, первом правителе Казани. Одни историки временем возникновения Казанского ханства считают 1436 (1437 г.) и связывают это событие с именем Улу-Мухаммеда (некоторые авторы «улу» переводят как «большой» (65, с. 12), что неверно, в данном случае «улу» означает «великий». – И.Г.). Можно предположить, что Улу-Олуг должно быть не имя, а почетное приложение к имени (1, с. 203).

Другие основание Казанского ханства относят к 1445 г. и приписывают сыну Улу-Мухаммеда Махмуду. Этому же мнению придерживались и авторы учебника «История Татарской АССР», которые очень категорично писали: «...следует оставить измышления ханских придворных преданий о том, что Улу-Мухаммед, внук Тохтамыша, бывший золотоордынский хан, стал основателем Казани и Казанского ханства... Улу-Мухаммед... даже не был в Казани, где в это время правил местный князь – вотчинник Алибей. После смерти отца Махмуд силой взял Казань и стал царствовать» (26, с. 125, 126).

Нам непонятна позиция авторов названного учебника, которые утверждают, что Улу-Мухаммед даже не был в Казани, затем сами же себе противоречат, указывая в хронологии 1437 г. как год захвата Казани Улу-Мухаммедом (26, с. 526). Можно ли взять город, не будучи там?

Ряд русских и татарских авторов обвиняют Махмуда в убийстве отца и брата Якуба, делая из этого вывод, что первым ханом был отцеубийца и братоубийца.

Обратимся к различным источникам. Во всех мы находим подтверждение о том, что Улу-Мухаммед в декабре 1436 г. (по некоторым сведениям 1437 г. – И.Г.) со своим 3-тысячным войском (по данным Ш. Марджани, лишь у тысячи из них имелось необходимое

вооружение, а остальные были готовы выступить против московского войска, имея топоры, дубинки и т.д. – 68, с. 163. – И.Г.) около города Белева разгромил 40-тысячное войско князя Василия II.

Почему же Улу Мухаммед оказался под Белевым? Ответ, как нам кажется, нашли у П.И. Рычкова: «Улу Мухаммед упросил Великого князя Василия Васильевича, чтобы побыть ему в Российских пределах, пока соберет свое войско и отомстить оному князю Едигею.

Сей царь бывший в Орде имел любовь к Великому князю и на княжение его утвердил, да и выходов, то есть дани или доходов целые десять лет, в которые он царем был не брал (Улу Мухаммед в свое время сделал добро для Василия, поэтому надеялся на поддержку и с его стороны. – И.Г.). Потом Великий князь усумнясь о бытности его тут, послал на него войска до сорока тысяч с повелением, чтобы отогнать его прочь, ежели добровольно не отойдет. Он сперва упрашивал, дабы оставили его на некоторое время в покое.

Но когда посланные на него князья, братья Великого князя приступили к ледяному его городу, кой он сделал для убежища своего в зимнее время, то он имел у себя людей только до трех тысяч, оборонялся, сколько мог в том городце, а потом вышел из оногo в отчаянии и с великою отвагою напал на российских, и так их победил, что от сорока тысяч братья токмо князьи и пять воевод с немногими людьми спаслись» (171, с. 55, 56).

В другом месте П.И. Рычков уточняет и место откуда прибыли эти войска: «Против Улу Мухаммеда князь Дмитрий Юрьевич Галицкий по прозвище Шемяка, с армией в 20 тысяч, с ним же от Тверского и Рязанского князей послано было от каждого по 10 тысяч, а всего войско было 40 тысяч» (171, с. 79).

После этого некоторые историки об Улу-Мухаммеде не упоминают до 1439 г. Он же не мог в течение нескольких лет жить в лесу или в открытом поле? Поищем ответ сначала у русских историков.

П.И. Рычков писал: «После этой победы Улу Мухаммед переправляется через Волгу и подходит к городу Казани, восстанавливает его и начинает там царствовать» (171, с. 56).

У С.М. Соловьева читаем: «После этой победы Улу-Махмет пошел степью мимо русских границ, переправился через Волгу и засел в опустелой от русских набегов Казани, где поставил себе деревянный город на новом месте» (51, с. 392).

Вторя ему, М.Г. Худяков писал, что хан Мухаммед избрал столицей своего государства не Булгар, который лежал в развалинах, а Казань, ставшую к этому времени уже крупным городом и унаследовавшую от Булгара его торговое и политическое значение. Таким образом, новое ханство получило название Казанское (65, с. 24).

Ш. Марджани также писал: «Улу Мухаммед ибн Тимерхан ибн Кутлуг Тимур хан ибн Орыс хан – первый из Казанских царей...» (68, с. 162).

Авторы исторического календаря пишут, что в 1437 г. хан Золотой Орды Улу-Махмет, сверженный с престола братом своим, сел в опустелой Казани. С радостью встреченный окрестным населением, он поставил город на новом месте. Благодаря Улу-Махмету Казань вышла из забвения, встала из развалин и начала быстро развиваться. Через несколько лет ее называли главой самостоятельной татарской Орды, несмотря на существование Золотой Орды, которая в это время неудержимо шла к своему падению (83, с. 146).

Сообщает о пребывании в Казани Улу-Мухаммеда и Н.М. Карамзин, который писал, что победа под Белевым не ослепила его: сей благоразумный хан предвидел, что ему, отрезанному от Улусов, нельзя удержаться в России и бороться с Василием: он выступил из Белева и через землю Мордвы прошел в Болгарию, к тому месту, где находился древний Саинов Юрт, или Казань, в 1399 г. опустошенная россиянами. Махмет (Улу-Мухаммед. – И.Г.), выбрав новое лучшее место близ старой крепости построил новую, деревянную, и предоставил оную в убежище болгарам, черемисам, монголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Улу-Мухаммеда Царем и защитником (31, с. 150).

П.И. Рычков писал, что стали к нему (Улу Мухаммеду. – И.Г.) собираться находящиеся по улусам в укрывательстве казанцы, черемиса и другие народы. Они просили его возобновить их царство и защищать их от Российских нападений» (171, с. 81). Это, на наш взгляд, убедительно доказывает, что народы, проживающие в Казанском государстве, вошли в его состав добровольно, а не были подчинены силой оружия.

Захват Улу-Мухаммедом Казани подтверждается и татарскими летописными отрывками и другими сообщениями. Так, Ш. Марджани дополняет факты сообщением о том, что в это время в Казани князем был Галибей, который подчинился Улу-Мухаммеду. Хан построил здесь крепость, укрепил ее (это, естественно, велось не в течение нескольких дней. – И.Г.) и назначил Галибея своим наместником (68, с. 165).

Можно предположить, что Ш. Марджани удалось в свое время найти доселе неизвестные источники, на основании которых он и оставил эти сведения. Для подтверждения своих мыслей скажем, что Каюм Насыри в своих работах использовал труды М.А. Алхатиша, жившего в XIV столетии, и М.К. Замахшара, жившего в XII столетии (12, с. 59).

Г.Н. Ахмеров отмечает, что болгары с радостью встретили Улу Мухаммеда, надеясь с его помощью, во-первых, отомстить русским за все страдания и беды, и, во-вторых, возродить и поставить на ноги свою древнюю многострадальную родину, сделать ее общим домом для болгар и татар (151, с. 86, 87).

Р.С. Фахрутдин об этом оставил следующую запись: «... в 1438 году, когда изгнанный из Сарая Улу Мухаммед подошел к Казани и

завоевал ее, а эмир Алимбек остался представителем высшего сословия духовенства-беков» (79, с. 38).

Представляет интерес такой факт, что в драме Г. Исхаки «Улу-Мухаммед» (о ней уже писали ранее) среди активных персонажей встречаем и Галибея (38).

О том, что Улу-Мухаммед был первым правителем нового Казанского ханства, имеются сведения и в русских источниках («Соловецкий список», «Список Румянцевского музея»).

Об этом писал и Х. Атласи. Он также подчеркивал, что имеющиеся у него на руках татарские источники, написанные несколько столетий назад, также считают Улу-Мухаммеда казанским ханом. По мнению Х. Атласи, именно отсутствие в русских источниках упоминания об Улу-Мухаммеде после сражения под г. Белев в 1439 г. является подтверждением того, что его не было на территории Московского государства. А упоминания в Львовской, Софийской летописях о том, что Улу-Мухаммед после похода великого князя Василия Васильевича против него хотел перезимовать в Нижнем Новгороде, подтверждают, что данный город являлся лишь временным пристанищем, а не основной его ставкой (2, с. 212, 213, 215).

М.Г. Сафаргалиев утверждает, что в 1437 г. во время захвата Улу-Мухаммедом Казани в этом городе сидел князь «вотчич» Алибек, правивший окрестностями Казани (94, с. 487).

Тот факт, что в Казани были свои князья, подтверждается русскими источниками. Так, К. Фукс писал о Казанском царе Тетяке (или Энтяке), который после содействия суздальскому князю в завоевании Нижнего Новгорода в 1395 г. со своим войском вернулся в Казань (69, с. 155). Он же дает список казанских ханов, где под номером один читаем имя Абдуллы-хана, вторым – Алимбея, затем Махмуда (Мухаммед-хана) (69, с. 170, 171).

М.Г. Худяков сообщает о царевиче Талыче, который в 1411 г. оказал поддержку нижегородскому князю Даниилу Борисовичу в выступлении против Москвы и совершил нападение на Владимир (65, с. 24).

В «Полном энциклопедическом иллюстрированном справочнике» первым правителем Казанского ханства назван также Улу-Мухаммед, годы правления которого 1437-1445 гг. (129, с. 82).

В учебнике «История России», изданном в 2000 г. имеется карта, в которой отмечено, что Казанское ханство существует с 1438 г. (139, с. 187).

Одним из противников данной версии является В.В. Вельяминов-Зернов, который считает, что после победы под Белевым Улу-Мухаммед направился к Нижнему Новгороду и в течение 8 лет находился там. Однако в этом случае возникает множество вопросов. Н.М. Карамзин пишет, что уже в следующий год Улу-Мухаммед с легким войском явился под стенами Москвы, откуда Василий, боязливый, малодушный, бежал за Волгу (31, с.151).

Кроме Москвы он предпринял походы и на Нижний Новгород, Муром. Здесь, естественно, возникает вопрос, с каким же войском Улу-Мухаммед дошел до Москвы? Ведь из Крыма он вышел отрядом в 3 тыс. человек. При разгроме 40-тысячного русского войска должны были погибнуть и его воины. Кроме того, если учесть состояние здравоохранения того времени, условия, в которых находились Улу-

Мухаммед и его приближенные, то и по этим причинам должны были быть потери в его отряде.

Как пишет М.Г. Сафаргалиев, о пребывании хана в городе Казани до 1445 г. говорится и в Архангелогородской летописи. Г.З. Кунцевич в своем исследовании Казанской летописи привел ряд возражений против основных выводов В.В. Вельяминова-Зернова о пребывании Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде после белевского побоища. Вслед за Г.З. Кунцевичем можно поставить вопрос: почему великий князь был против пребывания хана в Белеве, но терпел его несколько лет в Нижнем Новгороде? Чем же кормились татары в течение 8-летнего пребывания там? Ведь они не сеяли, не пахали, то есть они должны были все это отбирать у русских крестьян, по-другому грабить их. Ни Нижегородская летопись, ни фольклорные материалы не сохранили никаких данных о пребывании Улу-Мухаммеда в Нижнем Новгороде в течение 8 лет после ухода его из Белева (94, с. 496).

Ответы на поставленные вопросы начнем с утверждения М.Г. Худякова, который писал, что хан Улу-Мухаммед был дальновидным политиком, талантливым организатором и опытным полководцем. Он сумел правильно понять положение целой страны, оценить шансы на ее независимое существование, энергично принялся за дело и успешно провел свои замыслы в жизнь. Улу-Мухаммед оказался выразителем идеи роста производительных сил страны и дал новый толчок самостоятельному развитию местного края (65, с. 176, 177).

Исторические документы и русские летописи показывают, что время правления Улуг Мухаммеда было золотым периодом Казанского ханства, и что в эти годы число войн значительно сократилось (155, с. 331).

Казанское ханство с первых дней своей организации было сильным государством в политическом, культурном и экономических отношениях. Некоторое время оно противостояло Москве сильнее, чем Золотая Орда. Если бы Улу-Мухаммед опирался лишь на свою тысячную дружину, а не на организованное в социальном и экономическом отношении местное население, этого не было бы. Он лишь создал новую политическую и военную организацию на уже сформированной общественной почве (70, с. 23).

Как мы уже писали, сообщение о создании нового мусульманского государства распространилось далеко за пределами Казанского края, и к хану Мухаммеду начали прибывать люди из Орды, Астрахани, Азова, Крыма и других мест. Он также объединил вокруг себя местных булгаро-татар, чувашей, мордву, удмуртов и др. Однако в источниках нет сведений о том, что эти народы были покорены Казанью силой оружия, что между ними происходили когда-либо военные действия.

Есть версия и о том, что народы Поволжья, завоеванные еще Батыем и бывшие в подчинении у Золотой Орды, после распада последней, очевидно, освободились из под власти татар (94, с. 505). На

наш взгляд, это неверно. Как уже отмечалось, сведений о военных действиях ханов против местного населения мы не имеем. С образованием Казанского ханства они вновь были покорены казанскими ханами. В дальнейшем при осуществлении своих замыслов хан Мухаммед опирался на многочисленное казанское население, которое пополняло его войско. Во время походов хана Казань играла большую роль тыловой базы, где наместником оставался Алибей.

Хан Мухаммед, на наш взгляд, умер своей смертью. Кроме «Казанского летописца», нет сведений о его гибели от руки сына. Смерть его должна была быть естественной, так как хан был уже пожилым, у него было три взрослых сына, участвовавших в походах (65, с. 32).

Правда, П.И. Рычков пишет и о четвертом сыне Улу Мухаммеда Юсупе, который совместно с братом Касымом выехал в Москву для службы Великому князю Василию Васильевичу (171, с. 56). При этом, он не ссылается на какие источники. У других авторов мы нашли сообщение только о трех сынах.

После смерти Улу Мухаммеда можно предположить, что сторонники Алибея отказались принять на престол Махмута, за что последний убил его и силой завладел казанским тронном.

Не соответствует действительности, на наш взгляд, и версия об убийстве Махмутом своего брата Якуба, хотя некоторые преподносят это как реальность. Якуб неоднократно упоминается в русских источниках, в том числе под 1452 г., как участник русского похода, то есть через семь лет после своей смерти (65, с. 31).

Обратимся еще раз к татарским летописям, которые выпали из поля зрения В.В. Вельяминова-Зернова. Это «Ферхат намэ» и «Таварихи адавир», известные историкам XVIII в. и сохранившиеся лишь в отрывках в позднейших летописаниях. «При постройке новой Казани, - читаем мы в одном из этих отрывков, - ее первым ханом был Алтын-бек, вторым – Галим-бек, третьим – Мухаммед, четвертым – Мамтек».

К.Ф. Катанов и И.М. Покровский опубликовали отрывок из другой татарской летописи, в которой после рассказа о постройке города Казани сыновьями хана Абдуллы Алтын-беком и Алим-беком перечисляются имена ханов, живших в городе Казани: «Сперва сын хана Абдуллы – Алтын-бек, после него Махмет-хан, затем Мамек-хан». В обоих случаях преемниками Алтын-бека и Алим-бека назван в числе казанских ханов Мухаммед (94, с. 496).

Возвратимся к началу нашего изложения. Предположим, что до 1445 г. Улу-Мухаммед и Махмуд жили не в Казани, а, например, в Нижнем Новгороде, но и в таком случае, на наш взгляд, необходимо будет признать, что самостоятельное татарское государство в Среднем Поволжье в 1438-1445 гг. уже существовало, и организатором его являлся хан Мухаммед.

В газете «Вечерняя Казань» за 15 октября 2003 г. увидела свет статья «Нужен ли такой памятник?» В ней говорилось об объявлении

конкурса по поводу установления памятника Улу Мухаммеду в Кремле и об отношении к данному вопросу читателей.

В ответ на это в газете «Шәһри Казан» (2003, 5 ноября) появилась наша публикация : «Правда превратиться в реальность». Поддерживая установление памятника, мы писали: «Установленный памятник Улу Мухаммеду внесет исправления в историю татарского народа, расширит рамки вопросов, связанных с государственностью татар... Памятники Юрию Долгорукому в Москве, Петру I в Санкт-Петербурге являются украшением этих городов, и никто не высказывал недовольствие в связи с этим».

Такой памятник все-таки появился в Казани, правда, пока лишь в здании Национального музея. Но, как говорят, процесс пошел...

Казанское ханство – продолжение болгарской истории

*Разбойничье гнездо на Волге –
Казанское ханство...*

В.В.Каргалов

*В составе Казанского ханства
никаких болгар не было.*

Г.П.Егоров

*Образование Казанского ханства
простое восстановление Булгарского
ханства.*

Н.И.Фирсов

Как уже было сказано, в истории татарского народа немало спорных вопросов, один из них – образование Казанского ханства. В.А. Кучкин пишет, что «в 30-х гг. XV в. от Золотой Орды отделяются Среднее Поволжье, Крым, Астрахань. В Среднее Поволжье переходят кочевники бывшего хана Золотой Орды Улу-Мухаммеда, которые образуют Казанское ханство». Казанцев он считает отколовшейся в XV в. частью Золотой Орды (74, с. 27).

З. Валиди писал, что вместо Золотой Орды появилось пять государств под названием Казанское, Крымское, Астраханское, Русское, Ногаевское (152, с. 106).

Историк В.В. Каргалов же Казанское ханство называет разбойничьим гнездом (75, с. 3).

По другой версии, казанцы являются прямыми наследниками древних волжских болгар. В Москве 25-26 апреля 1946 г. состоялась научная сессия Академии наук СССР, которая впервые обсудила вопрос об этногенезе народов СССР. В работе сессии участвовали и выступали выдающиеся ученые-историки, археологи, этнографы, антропологи, языковеды: М.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский и др. Научное совещание пришло к главному выводу: по своему происхождению татары не имеют никакого отношения к монголам, татары прямые наследники болгар, использование этнонима «татары» по отношению к ним является исторической ошибкой (34, с. 10-13).

Выводы данного форума В.А. Кучкин называет научным абсурдом. В ходе наших исследований мы пришли к выводу о том, что труды некоторых историков, особенно советских, нужно читать очень и очень осторожно, а иногда и понимать наоборот. Почему В.А. Кучкин делает такой вывод, мы узнаем из его же суждений. «В Среднее Поволжье

переходят кочевники бывшего хана Золотой Орды Улуг-Мухаммеда, которые образуют Казанское ханство. Казанские татары родственны, таким образом, татарам астраханским и татарам крымским.

Когда в 1944 г. началось выселение крымских татар из Крыма, то этот абсурдный политический шаг, был дополнен абсурдом научным. Было принято специальное постановление, согласно которому казанских татар следовало считать народом, никак связанным с крымскими татарами. (Автор, наверное, забыл, что между этими двумя событиями было и постановление ЦК ВКП(б), принятое через два месяца после крымских событий, которое перекрыло пути объективного изучения истории татарского народа. – И.Г.).

Стали разрабатываться теории, утверждающие, будто казанские татары – прямые наследники древних волжских булгар, а не отколовшаяся в XV в. часть Золотой Орды, как и крымские татары» (74, с. 26, 27). Таким образом, он готовит почву для оправдания захватнической политики московских правителей, которые сначала расправились с Казанским государством, затем и другими. Наше, а также мнение других ученых о происхождении населения Казанского ханства мы излагали уже не единожды, продолжим и в дальнейшем.

Далее он делает свое главное заключение: нашествие Батыя не повлекло за собой уничтожения древнерусского народа (74, с. 27, 28). Почему же уважаемый ученый, делая такой вывод, не допускает даже мысли о том, что, хотя и разгромленные монголами в 1236 г., булгары также не были уничтожены, а продолжали жить на этой же территории? Или он думает, то, что положено Юпитеру, не положено быку?

Один из основных докладчиков названной сессии А.П. Смирнов, который посвятил всю свою научную деятельность изучению истории и археологии Волжской Булгарии, говорил: «Монгольское завоевание внесло мало изменений в состав народа Булгарии. Между булгарами и завоевателями монголами установились такие же отношения, как и на Руси» (34).

Выдающийся тюрколог и историк, член-корреспондент Академии наук СССР А.Ю. Якубовский в своем выступлении поставил вопрос: «Какое имеют отношение современные татары к татарам Золотой Орды?» Сам же ответил: «Народ Татарской республики, который занимает территорию Булгарского княжества, отсюда не переселялся, никем не уничтожен и продолжает жить здесь...» (34, с. 11, 12).

Мы не думаем, что В.А. Кучкин незнаком с материалами данного научного форума, наверное, просто ему тоже захотелось внести свою лепту в спор по данному вопросу. Ведь во многих трудах по общей истории, по истории Киевской и Московской Руси, народов СССР, да и не только в них, до сих пор находим отождествление татар с монголами.

М.Г. Сафаргалиев писал, что Казанское ханство, образовавшееся в 1438-39 гг., напоминало прежнюю Золотую Орду и по своей агрессивной политике в отношении к своим соседям, особенно Руси. При этом он

ссылался на К.Маркса, который в своих хронологических заметках, прежде всего, обратил внимание на эту сторону вопроса и писал, что в 1437 г. вследствие одного из мятежей, которые стали обыкновенным явлением у татар, хана Улу-Мухаммеда изгнали из его Кипчакской орды, и он основал Казанское ханство, которое почти на 100 лет сделалось опасным соседом для России. Можно быть уверенным, что свои выводы М.Т. Сафаргалиев сделал исходя из идеологических соображений. Он же пишет, что составитель Казанской летописи видел в образовании Казанского ханства не восстановление государства «Худых болгар», а образование новой орды, как «дщерь младую», рожденную «от престарелой матери» – Золотой Орды (94, с. 500, 503).

Обратимся к “Большой Советской энциклопедии”, где находим следующее сообщение: “Улу-Мухаммед в 1436-37 г. захватил находившееся в вассальной зависимости от Золотой Орды и возглавляемое местными князьями Болгарское княжество. Основное ядро населения этого княжества составляли болгары - старый оседлый народ, задолго до появления татар в Восточной Европе.

Население Казанского ханства увеличивалось благодаря эмиграции татар “от Златые орды, и от Астрахани, от Азуева (Азова), и от Крыма”. Казанское ханство сложилось в сильное государство, которое объединило под своей властью также и земли приволжских мари, удмуртов, чувашей и мордвы” (7, с. 545).

Это было написано в 1937 году, то есть до упомянутого форума было еще целых 9 лет и обвинять авторов в предвзятости, на наш взгляд, нет оснований.

Ф. Нурутдинов пишет, что термины «Золотая Орда» и «Казанское ханство» условные, то есть выдуманные, государства с такими названиями никогда на земле не существовали. Термином «Золотая Орда» русские историки называют действительно существовавшее в истории государство Кыпчак, а выдуман он был русским попом Иваном Глазатым в конце XVI в., спустя более 100 лет после гибели Кыпчака. Термин «Казанское ханство» был выдуман одним русским историком аж в XIX в. и этим термином АН СССР приказал называть действительно существовавшее Булгарское государство XV-XVI вв. со столицей в Казани. А термином «Казанское царство» русские летописцы называли не Булгарское государство, а одну из 8 губерний Булгарии – Казан иле. Слово «татары» было прозвищем средневековых монголов, никогда в Булгарии не поселявшихся, а «казанские татары» – русской кличкой казанских болгар (в языке самих болгар нет термина «Казанские татары») (42, с. 35).

Преемственность волжских болгар и казанцев, Булгарии и Казанского ханства четко показывают русские источники XVI века, прежде всего Никоновская летопись, составленная в 1563-1567 гг. Так, Никоновская летопись во многих местах отмечает: «Болгаре – иже ныне глаголются Казанцы».

Казанцы XV-первой половины XVI вв. также предпочитали называть себя булгарами. Показательно, что казанский царь и поэт Мухаммед Эмин считал себя выходцем из булгар, о чем свидетельствует его тахаллус «ал-Булгари». Крупнейший казанский поэт первой половины XVI века Мухамедьяр также нередко принимал этот этнонимический тахаллус и именовал себя так – Махмуд оглы Мухаммедьяр Булгари (61, с. 16).

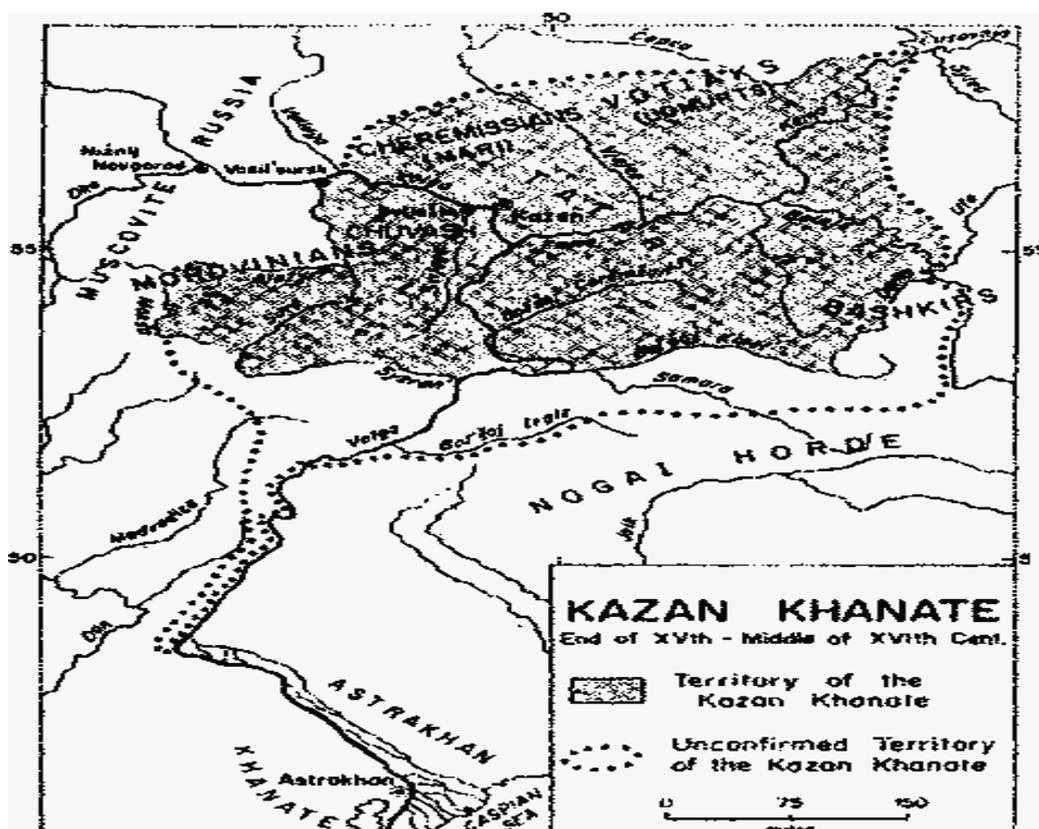
Европейские историки и географы второй половины XVI и XVII вв. настойчиво продолжают сохранять имя Булгарии на Волге. Так, на картах 1687 и 1705 гг. Николоса Витзена, лично побывавшего в Казани и Казанском крае в 1665 году, отмечена страна «Bolgaria»; на карте Марко Коронелли, составленной в 1680 году, указаны как страна «Bolgariend», так и город «Bolgari»; на карте Христофора Вейгеля, составленной в Нюрнберге в 1698 году отмечены страна «Bolgaria Regnum» и город «Bulgari Vel Ojer», т.е. Булгар-Биляр (61, с. 18).

Многие иностранцы, побывавшие в Восточной России, казанских татар также считают продолжателями болгарского рода. Например, прошедший в 1843 г. всю Россию немецкий путешественник барон Гикстаузен писал следующее: «Казанские татары относятся к знатным народам, они – прямые потомки булгар, у своих предков в наследство они получили торговлю» (151, с. 32).

П.И. Рычков писал следующее: «... имя Болгарское, кое еще и поныне у ученых магометан в чести и в употреблении, как то в 1754 г., известный башкирский возмутитель Батырша, возмущая башкирцев к бунту в письме своем всех здешних магометан болгарскими народами называл, в котором многии утвердились они немаловременно бывшими их в Болгарах владении» (171, с. 18).

Авторы новейшего учебника «История Татарстана» подчеркивают, что название «казанские татары» прочно закрепилось за коренным населением края только в XVII-XVIII вв. (125, с. 85).

Все же мы должны согласиться, что государство в Среднем Поволжье существовало давно, а ко времени занятия Улу-Мухаммедом Казань уже была крупным городом и унаследовала от Булгар его торговое и политическое значение (65, с. 24). Приход в Казань хана Улу-Мухаммеда с небольшим воинским отрядом привел лишь к замене на Казанском престоле булгарской династии на золотоордынскую.

Из исторических источников мы узнаем, что в IX в. н.э. у восточных славян складывается феодальное государство Русь, общая историческая колыбель трех братских народов: русских, украинцев, белорусов. По названию столицы державу восточных славян называют Киевской Русью. От Киевской Руси идет непрерывная тысячелетняя линия исторического развития к Московской Руси XV-XVII вв., к Российской империи XVII - начала XX в. и через Великую Октябрьскую социалистическую революцию к Союзу Советских Социалистических Республик (24, с. 35, 36). За этот период Русь пережила феодальную раздробленность – накануне Батыева нашествия на территории, занятой преимущественно древнерусским населением, насчитывалось 18 крупных государственных образований, а если считать вместе с мелкими, то около тридцати (74, с. 11); по другим сведениям, к началу XII в. образовалось уже около полсотни княжеств (24, с. 66).

В источнике, изданном в 2001 г. мы уже находим, что в конце XIII в. самостоятельных княжеств и уделов было 250 (140, с. 69, 70).

Менялись столицы – Киев, Москва, Санкт-Петербург, вновь Москва. Несмотря на все это, мы говорим о тысячелетней истории Русского государства. Прийти к такому выводу позволяют единство языка, религии, обычаев, традиций, общая территория и т.д.

Если к данному вопросу подойти с современных позиций, то мы уже не должны вести разговор об одном и том же государстве. К тому же археолог из Киева, Юрий Олейник, пишет, что украинцы и татары – родственные народы. Он также утверждает, что Киев основал брат

Кубрат-Хана Шамбат-Хан. Название Киев произошло от древнетюркского «Кыел» – отделись. Олейник пишет, что украинцы произошли от смешения тюрков и венедов («Крис», 1997, 26 марта).

У З.З. Мифтахова мы читаем, что Башту-крепость основана в 620 г. младшим братом Кубрата по имени Шамбат. Свое название крепость получила от прозвища Кубрата – Башту. Со временем крепость превратилась в цитадель крупного города, а с конца 50-х гг. IX в. столица Киевской Руси под названием Киев (90, с. 354, 374).

Однако, этот факт все еще подвергается сомнениям со стороны русских ученых. «Именно к этому времени (концу V в.) некоторые ученые относят помещенные в русской летописи события, связанные с основанием города Киева, столицы одного восточно-славянского союза племен, названного позднее полянами. Летопись рассказывает, что один из полянских князей Кий вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью основали город и нарекли Киевом в честь старшего брата», – читаем мы (139, с. 22).

Около 882 г. Киев был уже стольным городом Нового русского государства. Над Киевом свершилось знаменательное пророчество Вещего Олега: «Се буди мати градам русским!» И действительно, «от этой матери произошла вся древняя Русская земля. Отсюда, как из средоточия, распространились славянские племена на северо-востоке Европы и составили одно целое – Русское государство» (83, с. 124).

То, что до VII в. в районе Киева не было славян, подтверждает В.О. Ключевский, который пишет, что мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз. Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она, повторю, началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат. Отсюда, с этих склонов восточные славяне в VII в. постепенно расселялись по Русской равнине. Это расселение можно признать вторым начальным фактом нашей истории (35, с. 124).

Подтверждение словам В.О. Ключевского мы находим в новейшем источнике, который сообщает, что около 700 годах славяне появляются в современной России (129, с. 17). Таким образом, мы можем утверждать, что за 200 лет до своего появления на Руси славяне не могли построить свою будущую столицу.

Это является опровержением и слов П.И. Рычкова о том, что Казань и Казанское ханство появились усилиями татар 300 лет тому назад на земле, принадлежащей Российскому государству, о чем мы уже писали (171, с. 114).

Несмотря на утверждение православия, в Киеве еще и в XII в. сосуществовали ислам и христианство, тогда в стольном граде работало более десяти мусульманских мечетей. В конце IX - начале X в. там жил болгарский поэт Михаил Башту ибн Шэмси-Табир, которому приписывается эпическое повествование «Шан кызы». Приведенные

факты красноречиво свидетельствуют о том, что в этнокультурных контактах далеких предков современных русских и татар царил дух взаимной симпатии и уважения, без какого-либо намека на этническую или природно-расовую отчужденность (115, с. 13).

Косвенным подтверждением этому являются сокровища Кубрат-Хана, найденные в 1912 г. близ села Перещепино под Полтавой (булгарское название Балтавар). Это одна из самых сенсационных находок XX века. Сокровища хана Кубрата – одна из наиболее богатых и роскошных коллекций, которыми гордится Государственный Эрмитаж. Из почти восьмисот предметов Перещипинского соровища большинство – из золота (вес их составил двадцать пять килограммов) и серебра (пятьдесят килограммов) (144, с. 35).

Эти сокровища в 1994 г. были выставлены в Музее национальной культуры Татарстана («Республика Татарстан». 1994. 1 февраля).

Если вспомнить о том, что Кубрат хан был правителем в 640-х годах, то о принадлежности земель вокруг Киева, Полтавы, входящих в бассейн реки Днепр, болгарам, кажется, не остается место сомнениям.

Почему же с историей государственности в Среднем Поволжье происходит такая метаморфоза? Если подойти к данному вопросу адекватно с историей России, то нужно говорить об истории единого государства, лишь с разными этапами его существования: первый этап – со времени основания Волжской Булгарии до ее завоевания монголами в 1236 г.; второй – период монгольского ига; третий – государство с новым политическим и экономическим центром Казанью, которая первоначально называлась Булгар аль-Джадид, то есть Новый Булгар (26, с. 98).

Поэтому, на наш взгляд, неуместно вести речь об образовании совершенно нового государства: в основе государства, населения, его культуры, социально-политического строя лежали местные булгаро-казанские традиции (64, с. 24). Несколько тысяч воинов Мухаммеда не смогли изменить ни языка местного населения, ни религии, ни обычаев, но они сами растворились в их среде. Преемственность волжских булгар и казанцев, Булгарии и Казанского ханства четко показывают и русские летописи, которые отмечают, что «Болгаре – иже ныне глаголются казанцы».

Показательно, что князь Иван III после захвата Казани и объявления протектората над Казанью принимает титул князя Болгарского (65, с. 49), который сохраняется потом у русских царей, что лишний раз доказывает преемственность Казани от Камской Булгарии. То есть, в то время к данному вопросу еще не было политической подоплеки, а Иван III прекрасно понимал, что Казанское государство – есть продолжение Болгарского государства.

В соглашении, составленном 16 августа 1490 г. и подписанном Иваном III находим следующие слова: «Мы, Иоанн, божею милостию Государь всея Руси... Болгарский» (то есть Казанский) (145, с. 506).

Н.М. Карамзин в свое время также отмечал: «...между тем жители искали помощи в изобильной стране *Казанских булгаров* (выделено нами. – И.Г.), и Волгою привезли оттуда множество хлеба» (29, с. 17).

В настоящее время и некоторые авторы школьных учебников вынуждены признать, что ярлык «татар» монголам приклеен не совсем точно, а затем перешел к булгарам: «...пришельцы (позднее по имени одного из монгольских племен их назовут *татарами*)» (выделено авт. – И.Г.) (92, с. 70).

Булгарские традиции сохранились во всех сферах деятельности казанцев. Немалую роль в экономике края продолжала играть торговля: Казань, стоявшая на великом Волжском пути, связывала край на северо-западе с Русью, а на юге через Астрахань – с Кавказом и со среднеазиатским миром. Казань становилась связующим звеном между западом и востоком; немалую роль играл и караванный путь, идущий через Уральский хребет; несколько заглохший в период междоусобицы в Золотой Орде, он вновь оживился с образованием Сибирского ханства.

В Казань приезжали купцы из «Бухары, Шемахи и турчан и армян и иных стран». С. Герберштейн тоже сообщает о приезде купцов «из торжища Астраханского, а также из Персии и Армении».

Судя по отчету Иосафато Барбаро, Казань играла не меньшую роль и в XV в.: «Это страна торговая, - пишет он, - из нее идет большая часть мехов, которые направляются в Москву, Польшу, Персию и Фландрию» (94, с. 500).

В Казани в то время была единственная ярмарка, куда каждый год 24 июня, в день Рождества Иоанна Предтечи, съезжались русские купцы с азиатскими меняться своими товарами (83, с. 147).

Казанцы были неплохими торговцами, имели хорошую репутацию среди купцов других стран. Наверное, с тех времен сохранилась поговорка: «Татар ике сөйләми, урыс ике өйләнми» (буквально: «татарин дважды не скажет, русский дважды не женится»). Это является подтверждением их честности, верности своему слову, что ценилось во все времена.

Средневековая Казань располагалась на месте, которое в природно-географическом отношении выделялось исключительными удобствами для жизни людей. По описанию летописца второй половины XVI в., место это «пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и зверисто, и рыбно, и всякого угодия много, яко не можно обрести другого такого места по всей Русской нашей земле, нигдеже таковому подобно месту красотой и крепостию и угодием человеческим, не всем же, еще есть будет в чужих землях». Отсюда открывался широкий простор пойменных и надпойменных долин, занятых красными лугами с пышной растительностью, изобилующих старицами и озерами (99, с. 199).

По сведениям М.Г. Худякова, центральная часть ханства имела вид довольно культурной страны – обширные распаханые поля, большие

многолюдные селения с остроконечными башнями минаретов, оживленное движение по дорогам, бойкий товарообмен на базарах, зажиточные поместья беков и мурз.

Цветущее состояние Казанского ханства было описано князем А.М. Курбским, участником войны 1552 г.: «В земле той поля великие и зело преизобильные и богатые на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело («зело» означало высшую похвалу здешним мастерам. – И.Г.) прекрасны и воистину удивления достойны, и леса часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки на бы наподобие множества звезд небесных; также и скотов различных стад бесчисленные множества и различных зверей ... не знаю, где бы под солнцем больше было» (48, с. 31, 32).

С. Герберштейн задолго до князя А.М. Курбского писал, что казанские «татары образованнее других, так как они возделывают поля и живут в домах и занимаются разнообразною торговлею» (89, с. 145).

Появление целого ряда сел во второй половине XIV в. говорит об интенсивном развитии сельского хозяйства еще до образования Казанского ханства, оно составляло материальную основу нового государства.

Грамотность среди татар была распространена довольно широко, так как в каждом селении, где имелась мечеть, существовала также и школа. В крае была своя литература, образцы которой сохранились до наших дней. Культурные связи Казанского ханства с Туркестаном, Персией, Турцией и Аравией не прерывались. Из Персии доставлялись книги в Казань, благочестивые паломники совершали путешествие в Мекку, купцы и дипломаты ездили в Астрахань, Бахчисарай и Константинополь. Татарское население резко отличалось от инородцев своим богатством, зажиточной и комфортабельной жизнью, и эти особенности сохранились казанскими татарами до настоящего времени, несмотря на века унижения и иностранного ига (65, с. 233, 234).

Став политическим, экономическим и культурным центром, Казань приняла в свои стены весь цвет ремесленного люда и других переселенцев, наследников культурной традиции Волжской Булгарии. Казанские татары не только сохранили эти традиции, но и обогатили свою культуру творчески освоенным опытом марийского, чувашского и иных народов Поволжья, которые жили в Казанском ханстве.

Еще в Волжской Булгарии эти народы жили совместно, что продолжалось и в Казанском ханстве. Правда, М.Г. Сафаргалиев пишет, что «...от агрессивной политики Казанских ханов не в меньшей мере страдали и народы Поволжья: мордва, чуваша, мари, удмурты, башкиры, насильственно присоединенные к Казанскому ханству». Затем он сам же опровергает свою версию, отмечая: «время завоевания этих народов казанскими татарами не зафиксировано источниками» (94, с. 505). Откуда же тогда вывод о насильственном присоединении? А жилось этим народам в Казанском ханстве, на наш взгляд, неплохо, иначе они не

оказывали бы ожесточенное сопротивление в течение 5 лет московским завоевателям, о чем будет сказано в другой главе.

Строительное дело и зодчество, ювелирное, камнерезное, гончарное искусство, производство художественной майолики, цветных изразцов и красивейшей поливной посуды, кожевенное, кузнечное, текстильное, медеобрабатывающее, деревообрабатывающее ремесло – всем этим славились в XV-XVI вв. казанские татары (66, с. 6).

Здесь хотим обратиться к названным уже нами альбомам и книгам, в которых нашли отражение творения татарских мастеров этого периода. По ним мы узнаем, что в арсенал технических средств татарских ювелиров входили чернение по серебру («каралту»), гравировка («уеплау»), глубокая и плоская чеканка («тойма»), штамповка («басма»), инкрустация драгоценными металлами («корлау»), гравировка на самоцветах и искусство огранки камней («уеп таш кису»), литье («кыю») и др. (11, с. 77).

Не менее древним видом декоративного творчества татарского народа является художественная обработка металла. До нас дошли не только образцы этих изделий, но и имена их создателей. Так, на ручке медно-чеканного винного кувшина из золотисто-желтой латуни начертано: «Медник Эмин-хана – Насыр» (царь Мухаммед Эмин восседал на казанском троне с 1487 по 1495 и с 1501 по 1518 гг. – И.Г.) (11, с. 16). Снимок данного кувшина приводится ниже.

Из исторических сведений нам известно, что в Казани было много прекрасных зданий, в том числе ханский дворец, состоявший из нескольких каменных и деревянных построек (65, с. 265), пять каменных мечетей, из которых мечеть Кул-Шерифа имела восемь высоких минаретов. При ней находилось учебное заведение, где мусульмане получали высшее богословское образование. Именно у этой мечети учениками духовного заведения и мусульманскими муллами во главе с

Кул-Шерифом было оказано последнее отчаянное сопротивление русским. Все они до единого были перебиты (65, с. 271).

С мечетью Кул-Шерифа связана удивительная легенда о происхождении храма Василия Блаженного. В летописи об этом событии говорится так: «Построен был храм каменный преудивлен, различными образцами и многими переводами». Худяков приводит слова И.Е. Забелина о том, что слово «перевод» в древнем нашем искусстве означало снимок, копию с какого-либо образца (оригинала) ... это дает основание заключить, что при постройке храма художники руководились известными образцами» (65, с. 297).

Аналогию для храма Василия Блаженного Худяков находит именно в Казанском искусстве, говоря, что своими архитектурными формами Василий Блаженный больше всего напоминает мечеть Кул-Шерифа с ее 8 минаретами (65, с. 297), предание о которых записано Марджани. Восемь башен Василия Блаженного, увенчанные восточными куполами и размещенные вокруг центрального шатра, находят в себе поразительное соответствие в этих восьми минаретах (Учительская газета. 1993. 12 окт.).

В самом деле, в необычайных формах храма Василия Блаженного вдруг угадываешь стройные минареты татарских мечетей. Недаром Наполеон Бонапарт в 1812 г. назвал его «мечетью». Он в свое время завоевал Египет, там же принял ислам, много видел восточных мечетей и в данном случае, наверное, знал, что говорил (39).

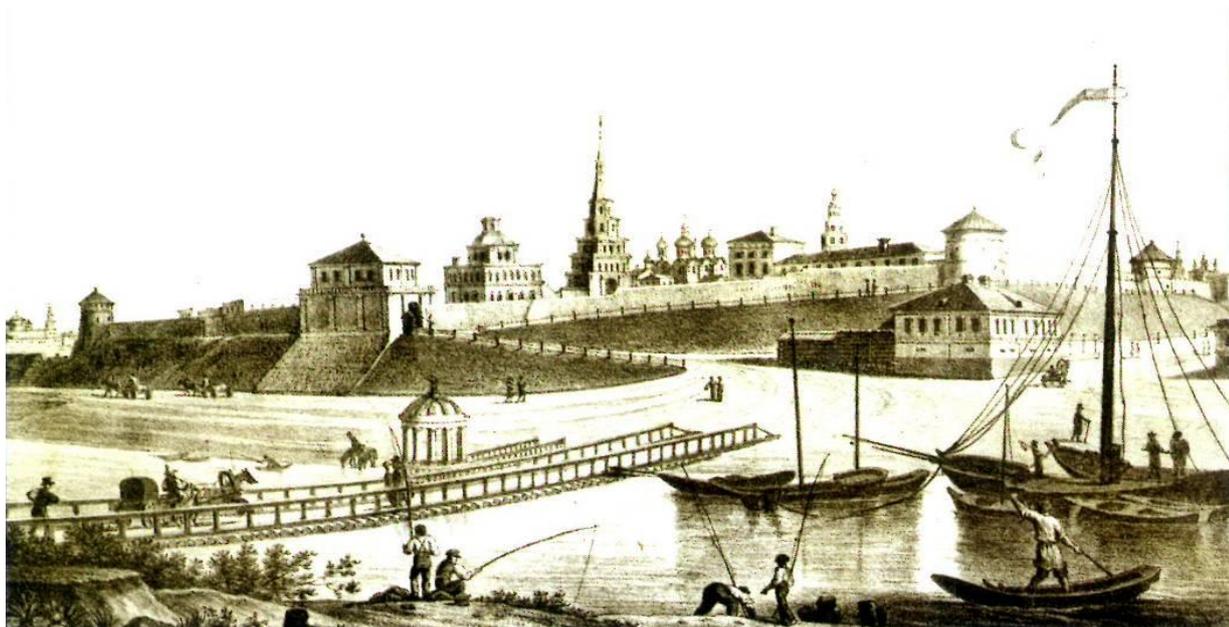
Строителем храма являлся тот архитектор, Постник Яковлев, которому было поручено сооружение каменной крепости в покоренной Казани и который мог, таким образом, на месте ознакомиться лично с памятниками казанской архитектуры (65, с. 297, 298), «узреть в постройке высоту, то есть увидел в сокровенной, духовной глубине мечети Кул-Шерифа своего Василия Блаженного – будущую жемчужину русского и мирового зодчества».

И. Грабарь писал, что Митрополит Макарий, глубокий духовный ученый, мысливший образами и сопоставлениями, советует царю соорудить каменный собор. Расположение престолов в храме Василия Блаженного наводит на мысль, что в группировку масс собора внесена идея не только «размерения основания» и что, кроме зодчих Бармы и Постника с товарищами, кто-то еще входил в дело сооружения храма и притом настолько, что руководящая идея принадлежала ему и что Барма и Постник, имена, которых сохранила нам летопись, только «быша премудрии и удобнии такому чудному делу» (Учительская газета. 1993. 12 октября).

В названном уже учебнике «История Татарстана» мы также читаем, что по образцу и подобно мечети Кул-Шариф в честь победы над Казанью в Московском Кремле был воздвигнут храм Василия Блаженного (125, с. 90).

В первом издании мы писали, что архитектурных памятников от времен Казанского ханства совсем не сохранилось, так как Иван Грозный беспощадно уничтожал все, что напоминало собой восточную культуру (62, с. 552), хотя он сам был поражен видом ханской столицы. Летопись сообщает, что царь «смотряши стенные высоты и мест преступных и, увидев, удивился необычной красоте крепости града» (60, с. 54).

Как видно из последних источников, оказывается, исчезли не все исторические памятники Казанского ханства. В связи с юбилеем города вышла книга «Святозарная Казань» (Санкт-Петербург, 2005). На гравюрах № 287, 289, 290 напечатанных на страницах 173-175 мы видим башню Сююмбеки и развалины мечети рядом с ней. На гравюре № 291 изображен вид Казанского Кремля со стороны нынешнего Молодежного центра. Они выполнены Э.Т. Турнерелли. Из этих рисунков ясно видна прежняя роль здания, которое называется «дворцовой церковью». Оно построено не русскими, а осталось со времен Казанской государственности. Это должно быть развалины мечети «Нурали», потому что его ступенки, архитектура не различаются от сегодняшнего, лишь достроен купол (см.).

Э.Т. Турнерелли нарисовал данные гравюры в 1840-х годах. Если это была бы построенная русскими церковь, то в годы, когда православная религия находилась в расцвете, в центре Кремля не стояла бы полуразрушенная церковь, тем более на гравюре отчетливо видны очертания нескольких православных храмов.

Также можно услышать много споров о том, кем и когда построена башня Сююмбеки. К вниманию читателей предлагаем материал, который был опубликован 2 июля 1877 г. в газете «Губернские ведомости». Его автор протоиерей Пл. Заринский. В данной газете помещен цикл статей под названием «Очерки древней Казани». В статье читаем (стиль автора

сохранен): «... потекохом ко городским стенам и к той великой башне, яже пред враты стояла на горе» (здесь он приводит слова А. Курбского. – И.Г.). Все это доказывает существование в Татарской Казани высокого минарета или башни в том месте, где ныне стоит Сумбекина башня. Очень может быть, что это башня носит название Сумбекиной башни, очень может быть ее форма изменена, но о принадлежности ее к старинной мечети едва ли может быть сомнение. При первом взгляде на башню вы видите, что четыре нижних этажа ее, несомненно, древней постройки и резко отличаются от остальных». На наш взгляд, никто в те времена не потребовал от русского священника написать статью, чтобы показать правдивую историю татар.

Хотим обратить внимание еще на такой момент. К книге «Материалы по истории Татарской АССР...» как приложение дается план города Казани XVI-XVII вв. Как видно из этого плана, около нынешней башни Сююмбике в Казанском Кремле было шесть «татарских палат». Из них первая приходится на нынешний Президентский дворец, пятая – башни Сююмбике, шестая – церкви около дворца (мечети Нурали) (169).

Далее, если башня была бы построена русскими после взятия Казани, сохранились бы, если не чертежи, то хотя бы имена мастеров или строителей! Известны же имена мастеров, которые реконструировали Кремль.

Нет ответа и на вопрос: «С какой целью, для чего москвичи построили такую башню в Казанском кремле?»

Нужно подчеркнуть и такой факт: татарская культура оказала влияние не только на архитектуру, но и на государственное и бытовое строительство Московской Руси. Так, некоторые черты государственного устройства Московской Руси находят себе объяснение в материалах, почерпнутых именно из истории Казанского ханства. Что же касается бытовых заимствований, то не подлежит никакому сомнению, что большая часть культурных влияний шла в Россию именно через Казанское ханство, которое было тесно связано с соседней страной торговым обменом (65, с. 236).

В феврале 1549 г. Иван IV собрал представителей разных слоев феодалов – это был первый Земский Собор (13, с. 122). Соборы такого рода казанцы проводили до этого неоднократно. Это доказывает, что для Казанского ханства собор «всей земли» был старым, привычным учреждением, для нарождавшейся новой России он был нововведением (65, с. 237).

Казанское ханство было развитым для своего времени в экономическом, культурном, военном и других отношениях государством, продолжавшим во всех этих сферах болгарские традиции. В его недрах сложился татарский народ. Сколько же болгарского, кипчакского, монгольского и других компонентов в нынешних татарах, чем, какой меркой его измерить – думаем, со временем и на этот вопрос будет дан ответ.

Истоки конфликта между Москвой и Казанью

После ликвидации зависимости от Золотой Орды борьба против агрессивного Казанского ханства стала первоочередной задачей.

История Отечества

Героическая борьба русского народа с наследниками их (монголо-татар. – И.Г.) недоброй славы – агрессивными татарскими ханствами – продолжалась несколько столетий.

В.В. Каргалов

Одно из подзаглавий школьных учебников называется «Присоединение Казанского государства». Авторы учебника неправильно (может быть, специально? – И.Г.) используют терминологию: присоединять можно, на наш взгляд, лишь то, что приобретено за деньги, обменено, подарено, досталось в наследство и т.д. В данном случае речь идет о «приобретении войною, покорении оружием страны или земли». Выдающийся знаток русского слова В.И. Даль этому понятию дал совершенно другое название – «завоевать» (19, с. 561). Таким образом, Казанское ханство не было присоединено, а было завоевано.

Одной из первых об этом заявила К.Р. Синицына, которая писала: «...завоевание Казанского ханства московским царем Иваном IV...», «...управлять завоеванным краем было поручено двум воеводам...», «...повстанческая борьба против завоевания Казанского ханства» и т.д. (124, с. 3, 4, 169).

Приведем полный абзац учебника: «Возник опасный для России широкий фронт враждебных ей государств. Участились опустошительные набеги со стороны Казани и Крыма, что наносило огромный ущерб России. После ликвидации зависимости от Золотой Орды борьба против агрессивного Казанского ханства стала первоочередной задачей» (24, с. 124).

Если использовать военную терминологию, фронт, хотя и широкий, - это не полная оккупация, в какой до этого времени находилась Россия. Избавление от власти Золотой Орды было огромным достижением и движением вперед. Зависимость северо-восточных русских княжеств от татар уже по мере распада Золотой Орды становилась чисто формальной.

Набеги татар не шли дальше окраин Нижегородского и Рязанского княжеств. Центральные районы русских княжеств не подвергались татарскому опустошению. Наоборот, летописи отмечают нападение русских князей на татарские владения на Волге. В 1366 г. новгородские ушкуйники ограбили «множество татарских купцов на Каме и в гор. Булгаре». Поход был повторен в 1369, 1370, 1371 и 1374 гг. В марте 1376 г. князь Дмитрий Константинович опять совершает поход в Булгары. В 1377 г. войска Московского и Суздальско-Нижегородского княжеств организовали новый поход на булгар (94, с. 386).

Даже о Казани летописное известие мы в первый раз встречаем в 1361 г. в связи с разорением ее Новгородской вольницей. Затем изредка стали попадаться известия о Казани, против которой в наказание за ее разбойничьи нападения русские князья посылают военные отряды. Так, в 1376 г. Дмитрий Иванович Донской и в 1395 г. сын его Василий Дмитриевич посылают войско под Казань. Следствием второго похода было совершенное разрушение и опустошение этого беспокойного города.

Около 40 лет после этого Казань лежала в развалинах, в которых укрывалось несколько бедных татарских семейств (83, с. 146).

Что касается опустошительных набегов со стороны Казани, здесь, как и в случае с Волжско-Камской Булгарией, видим попытку свалить вину «с больной головы на здоровую», потому что из 13 войн между Москвой и Казанью в 7 случаях инициатива войны была со стороны москвичей и в шести случаях исходила от казанцев. А.Х. Халиков пишет, что с 1461 по 1552 г. Русь организовала на Казань и казанские земли более 25 военных походов и нападений, многие из которых были нацелены на Казань. Казанцы за это время совершили на Русь всего 8 походов, причем ни разу на Москву или другие крупные города (64, с. 25).

Здесь, на наш взгляд, необходимо обратиться к В.В. Каргалову. Правда, Казанское ханство он называет «разбойничьим гнездом на Волге» (75, с. 3), но в то же время он, сам того не желая, раскрывает агрессивную, империалистическую сущность внешней политики Москвы.

Так, он пишет, что разгром Казанского ханства в 1552 г. был подготовлен *многими десятилетиями* (выделено нами. – И.Г.) дипломатической борьбы и неоднократными военными походами на столицу ханства – «град» Казань. Военное давление Русского государства Казань ощутила вскоре после свержения монголо-татарского ига. Уже в 1482 г. «послал князь великий Иван Васильевич рать под Казань и воеводы великого князя стояли на Волге все лето».

Великий князь Иван III, а затем его преемник на Московском престоле Василий III проводили по отношению к Казанскому ханству традиционную политику. Как только казанские «князья и уланы свергали очередного хана – ставленника Москвы, начиналась новая подготовка военного похода на Казань» (75, с. 6, 29, 113).

В.В. Каргалов также подчеркивает, что основным содержанием «казанской войны» были регулярные походы русских полков на Казань.

Таким образом, обвинять лишь Казанское ханство в завоевательных замыслах против России и агрессивности нельзя. Россия была не менее, чем Казань, повинна в тех войнах, которые возникали в Поволжье (65, с. 122).

Работа В.В. Каргалова приводит еще к одному значительному выводу, отвергающему суждения В.А.Кучкина, который хочет выдать казанцев за осколок Золотой Орды. Если бы это было так, то, по логике, казанцы должны были участвовать в походах золотоордынцев против Руси. А таких походов было много: в 1449, 1450, 1451, 1455, 1459, 1460, 1472 и, наконец, в 1480 гг. (эти годы выделены специально, так как в этот период уже существовало самостоятельное Казанское ханство. – И.Г.) (75, с. 5, 6).

Последний поход в школьном учебнике назван «стоянием на Угре», когда войска Ахмет-хана в течение месяца пытались переправиться через реку Угру. Однако эти попытки были отбиты русскими ратниками (24, с. 114). И ни в одном из этих походов казанцы не участвовали (мы такими сведениями не располагаем. – И.Г.).

Наоборот, когда в 1449 г. «скорые татары» из «Седи-Ахматовой орды» прорвались до самой Пахры и «много зла учинили христианам, секли и полон имали», они были отогнаны «служилым» царевичем Касимом (сыном Улу-Мухаммеда. – И.Г.) (75, с. 5).

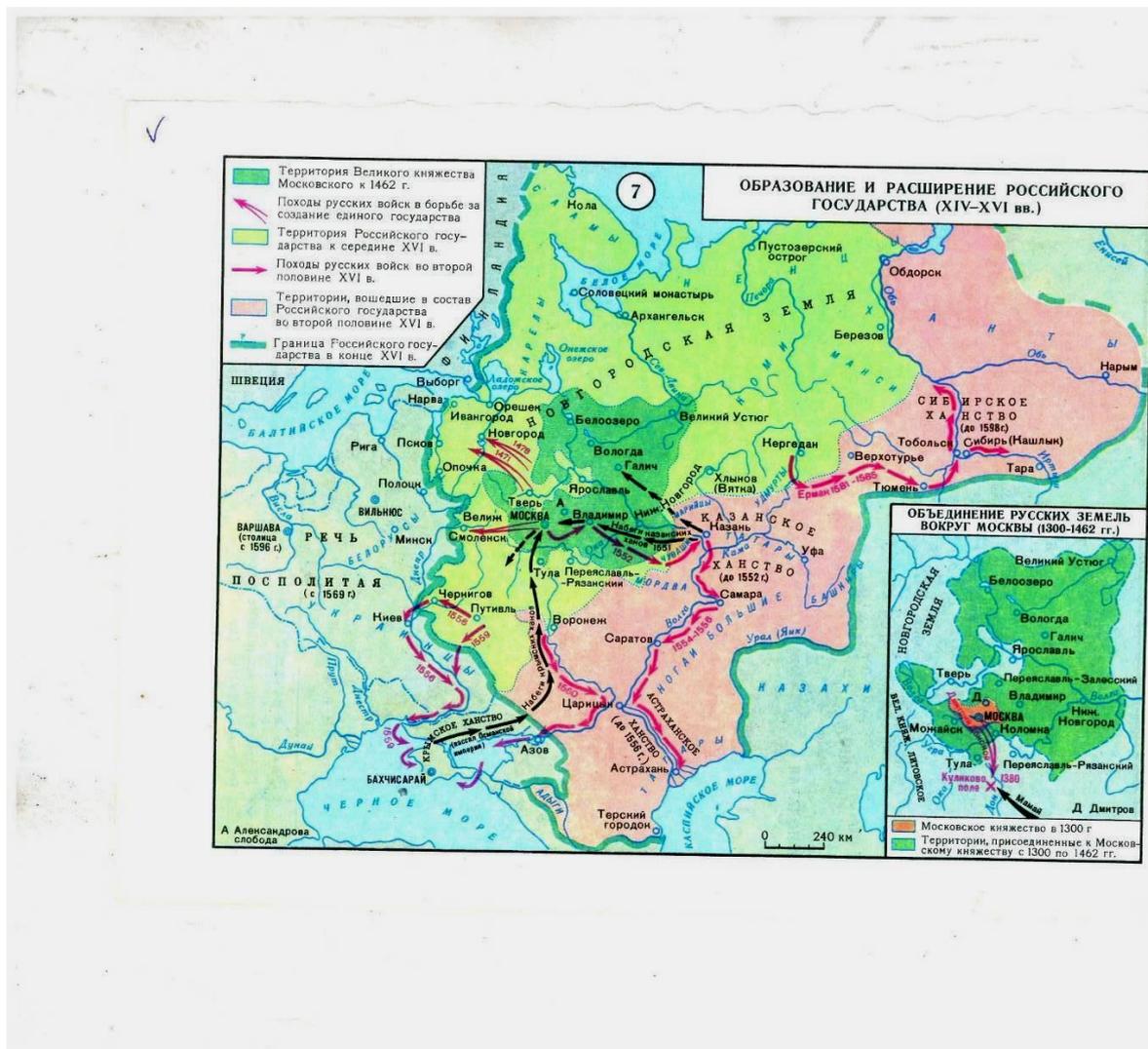
Нам могут возразить, что Касим был вассалом, подчиненным московскому князю. Однако то же самое происходило и с правителями Казанского царства. Так, Иван III мог послать казанского хана «под улусы» Большой Орды наряду со своими служилыми «царевичами». Во время русского похода на Вятку «царь казанский Мухаммед-Эмин по приказу великого князя послал рать свою».

В 1531 г. во время похода крымских татар за Окой против них своими полками стал «Шигалей, царь казанский». Каргалов здесь подтрунивает над летописцами, которые, несмотря на то, что Шах-Али давно уже изгнали из Казани, упорно продолжали называть его «царем казанским» (75, с. 30, 80).

Таким образом, явно чувствуется стремление авторов к преувеличению агрессивности со стороны Казани и тем самым к оправданию завоевательной политики России.

Для этого они допускают даже искажение фактов. Так, на карте 7, размещенной на с. 291 школьного учебника, черные стрелки с надписью «Набеги казанских ханов 1551» доходят до городов Москва, Владимир, Галич. Однако источники свидетельствуют, что в это время казанцам было не до походов на Русь. Они уже понимали, что судьба их государства решена, поэтому старались лишь оттянуть время. Для чего же тогда эти черные стрелы? Ответ на этой же карте: красные стрелы с надписью «1552» нацелены в противоположном направлении – на Казань.

То есть любой человек, даже ничего не понимающий в истории, не знающий русского языка, может сделать вывод: Иван Грозный в 1552 г. пошел походом на Казань в отместку за походы их ханов в 1551 г.! (см.).

А ведь «татары никогда не посягали ни на политическую автономию Русского государства, ни на власть русских князей, ни на их военную организацию, ни на религию, ни на язык» (65, с. 119).

Чтобы быть объективным, нужно отметить, что до конца 1540-х гг. русская политика по отношению к Казанскому ханству также не имела территориально-завоевательного характера, лишь затем русское правительство приходит к мысли о территориальном завоевании Казанского ханства, о включении его в состав русского государства. Соответственно этому изменяется вся система русско-казанских взаимоотношений, и для русских начинается настоящая завоевательная империалистическая война (65, с. 123).

Когда же в России стали создавать образ врага из соседних азиатских народов? И, кому вообще это понадобилось?

А.А. Бушков отмечает, что на такой вопрос в принципе можно дать вполне четкий ответ. Ненависть берет свое начало в конце пятнадцатого

века, когда Крым окончательно подпал под власть Турции. Пролегла черта – водораздел: тут – наши, а там – враги. И прошлые патриархальные взаимоотношения вражды-дружбы стали постепенно забываться. И не было в этом злой воли, просто на Руси о сохранности архивов не слишком заботились, пожары были часты. Так через несколько поколений многое забылось (Российская газета. см. выше).

По словам Г.С. Сабирзянова, важным моментом в истории развития отрицательной комплементарности между русскими и поволжскими татарами стало утверждение в Казани в конце 1430-х гг. династии ордынского царевича Олуг-Мухаммеда. При нем и в царствование его сына Махмуда (1445-1466) при землях бывшей Волжской Булгарии образовалось достаточно сильное государство – Казанское ханство. Оно выступало не только как суверенное государство во взаимоотношениях с Большой Ордой, но и имело реальную власть над Великим князем Московским Василием II и его администрацией. Московский правитель был вынужден отдавать «на кормление» сыновьям и вассалам Олуг-Мухаммеда некоторые русские города. С 1445 г. хан Мухаммед назначает в русские города казанских чиновников для сбора налога. В русских городах, где осели «казанские люди», с течением времени возникли мечети, в которых верующие мусульмане славили аллаха.

Разумеется, все это не могло не вызвать протеста и негодования со стороны местного населения и не дать повода православному духовенству вести работу против «бусурман». В результате в середине XV в. «болгаре, иже нарицаются казанцы», в представлении русских стали занимать положение ордынских татар (115, с. 18, 19).

Необходимо также отметить, что корни завоевательных замыслов против Казани таились и в сфере религиозного фанатизма, чаще всего приводящего к национальной и классовой ненависти. Духовенство, бывшее самой образованной частью русского общества, тяжелее всего переживало гнет татарского ига и больше всего скорбело о нем в проповедях, поученьях, летописях, житиях и прочих произведениях своей мысли, несмотря на то, что в материальном отношении духовенству жилось при татарах легко сравнительно с остальной частью народа. Как уже подчеркивали, согласно указанию ханов Золотой Орды, духовенство, а также братья и сыновья священников, живущие с ними вместе, освобождались от всяких даней и пошлин. Добавим, что запрещалось брать, изодрать, испортить иконы, книги, другие богослужебные вещи. За это тоже полагалась смертная казнь (51, с. 552).

Вот вам и варвары – дикие степняки! Для сравнения скажем – «культурнейшее» православное духовенство в течение скольких столетий изощрялось в надругательстве над религиозными чувствами других нерусских народов, проводя насильственное крещение, разрушая мечети и уничтожая места совершения культовых обрядов.

Продолжая эту проблематику, напомним слова М.Г. Худякова, который отмечал, что одну из самых светлых сторон в общественной

жизни Казанского ханства составляла полная веротерпимость, которая находилась в тесном соответствии с торговым характером городского населения, с традициями Волжско-Камской Булгарии, а также с государственным строем Сарайского ханства. В самой Казани находился христианский храм – Армянская церковь. К язычникам-инородцам мусульмане относились с полной терпимостью и никогда не пытались насильственно обратить их в мусульманство (Выступая на канале ОРТ 25 марта 2001 г., президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев также подчеркнул мирное сосуществование двух конфессий на земле Татарстана с давних времен. – И.Г.). В знак того, что в Казанском ханстве обращение жителей в мусульманство совершалось мирным путем, мулла во время молитвы в мечети Казанского края стоял, опираясь на посох странника, а в тех селениях, где жители принимали мусульманство, одновременно с мечетью должны были сооружаться и школы.

Как только русское государство почувствовало свою силу, в среде духовенства возникла мысль о мести и борьбе с иноверцами-мусульманами. Религиозные перегородки часто обостряли такие жизненные отношения, которые при обычных условиях оставались бы прочными и благожелательными; для русского купца татарский торговец был таким же человеком, каков он сам (65, с. 124).

Л.Н. Гумилев писал, что наши предки, жившие на Московской Руси и в Российской империи даже начала XVIII в., нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи – татары, мордва и т.д. такие же люди, как и тверичи, рязанцы и т.д. Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов – Шереметьевы и татар – Кутузов (18, с. 602).

Для духовенства же татарин был «поганым», и между ними не могло быть никакой солидарности. И первый открытый намек на завоевательную политику послышался именно из уст главы русского духовенства, митрополита Даниила, который в 1523 г. предначертал путь дальнейшей политики, сказав, что «Великий князь всю землю Казанскую возьмет» (65, с. 124).

Став главой церкви, митрополит Макарий объявил против казанцев «крестовый поход». Он принял непосредственное участие в военных приготовлениях: благославлял войска, произносил воинственные речи, писал послания, посылал на фронт подкрепления. По окончании войны Макарий предпринял неудачную попытку поголовного обращения всех жителей Казанского ханства в христианскую веру, следуя примеру завоевателей в американских колониях (169, с. XVI).

На царя Ивана IV влияли не только духовенство, бояре. С. Герберштейн сообщает, что «жена Ивана – гречанка ежедневно повторяла, что она вышла замуж за раба. В Москве был дом, где

останавливались татарские послы. Жена Ивана направляет послов к царице татар с богатыми дарами, просит подарить этот дом ей, т.к. с божественного видения собираются на том месте воздвигнуть храм. Получив этот дом, снесли, на его месте построили храм. Но уже татары, ни еще при жизни великих князей, ни после их смерти другой дом не получили» (89, с. 16).

При Иване IV противостояние между Москвой и Казанью строится уже и на политической основе. Для оправдания своих политических притязаний, по его заданию практически заново была переписана вся история Русского государства. Но вся ее предыдущая история настолько была тесно связана с Волжской Булгарией и Казанским ханством, что изуродовать историческое сознание своего народа было почти невозможно, не перекроив историю поволжских татар (115, с. 21). Что впоследствии было успешно осуществлено.

Как уже писали, войне против Казани был придан характер *крестового похода* (выделено нами. – И.Г.), для освобождения христиан, томящихся в плену «у поганых» (7, с. 550). Таким образом, по словам М.Г. Худякова, первая завоевательная, империалистическая война, ведшаяся русским царем на территории, не заселенной русским народом, была освящена благословением церкви и фанатической целью – обратить мусульман в христианство (65, с. 124, 125).

Нужно подчеркнуть, что простой люд находил общий язык, поэтому и после освобождения немало русских пленников не возвратилось в Россию, а предпочло остаться на землях Казанского ханства, чтобы заниматься хлебопашеством совместно с татарами, чувашами и т.д. (65, с. 213).

Таким образом, у авторов школьного учебника явно прослеживается стремление искусственного создания врагов в лице казанцев, татар, проживавших на территории Казанского ханства, чтобы тем самым оправдать завоевательную, империалистическую политику русского государства, царизма. Такой прием применялся неоднократно, однако тактика «охоты на ведьм» никогда не приводила к хорошему.

Присоединение Казани или завоевание?

Войне против Казани был придан характер крестового похода.

Большая Советская Энциклопедия...

Разгром Казанского ханства в 1552 г. был подготовлен многими десятилетиями дипломатической борьбы и военными походами на столицу ханства – «град» Казань.

В.В. Каргалов

Одна из трагических страниц в истории татарского народа – это борьба за независимость государства. Как мы уже отмечали, разгром Казанского ханства в 1552 г. был подготовлен многими десятилетиями и в ходе дипломатической борьбы и неоднократными военными походами на столицу ханства – «город» Казань. Победоносные полки Ивана IV пришли к стенам Казани по дороге, хорошо знакомой русским воеводам.

В 1487 г. Иван III вновь двинул на Казань большое войско и, несмотря на упорное сопротивление, Казань была взята, Али-хан попал в плен, был отвезен в Вологду, где вскоре и умер. Однако присоединить Казанское ханство к Русскому государству в то время еще не было возможности, и Казань становится только под его протекторат.

Не меньшую роль в борьбе за Казань сыграло подчинение Русскому государству Вятки. 16 августа 1489 г. была взята столица Вятской земли – город Хлынов. С прочным включением Вятской земли в состав Русского государства русское войско получило удобный плацдарм в непосредственной близости от границ Казанского ханства (75, с. 28, 29).

В 1506 г. большое русское войско подступило к Казани, против хана Мухаммед-Эмина, который осмелился ослушаться Москвы. Однако попытка взять город закончилась неудачей, казанцы нанесли русским страшное поражение.

Когда стало известно, что Мухаммед-Эмин тяжело болен, московское правительство использовало благоприятную обстановку для того, чтобы решить в свою пользу спор о наследнике казанского хана. 19 ноября 1517 г. явно не без посторонней помощи умер в русском плену Абдул-Латиф (брат Мухаммед-Эмина), которого крымский хан просил на казанский престол (75, с. 54). Это было сделано 29 декабря 1508 г. (209, с. 38).

Кроме крымского хана Менгли Гарея к Василию Ивановичу обратился и турецкий султан Селим (1 августа 1513 г.), чтобы отпустили

Абдул-Латифа в Крым к Менгли Гарею (209, с. 38). Однако это не было сделано, а Москвою на казанский престол была выдвинута кандидатура Касимовского царевича. Шах-Али, который на это никаких прав не имел (65, с. 76).

После переворота в 1521 г. на казанский престол садится представитель крымской династии Сахиб-Гирей. Это послужило сигналом к очередным действиям против восточного соседа. Летом 1523 г. под Казань была отправлена сильная рать, которая опустошила казанскую область и захватила много черемисских пленников. Результатом данного похода явилось строительство в устье реки Суры, в самой земле Казанской, города Васильсурск, срубленный по приказанию великого князя. Тем самым был сделан первый шаг к покорению Казанского царства (83, с.148).

Великий князь Василий III весной 1524 г. вновь организовал большой поход на Казань, в котором участвовало громадное войско («Казанский летописец» называет цифру 150 тыс. человек, Герберштейн – 180 тыс. – И.Г.). В армии находился бывший хан Шах-Али, выступавший в качестве претендента на казанский престол (65, с. 90). Однако взять город не удалось. Осада затянулась. Русское войско несло большие потери в боях, страдало от недостатка продовольствия. Пришлось отступить.

Во время осады Казани произошел интересный, на наш взгляд, случай, о котором упомянул еще М.Г. Худяков, ссылаясь на С. Герберштейна. Речь идет о том, как шестеро татарских всадников сделали вылазку из осажденного города и с успехом сумели отбиться от двух тысяч русских солдат. Вначале мы тоже не поверили в возможность такого случая. Однако, когда пришлось лично ознакомиться с работой С. Герберштейна, решили включить это сообщение в свою работу. Автор пишет, что «участники этой войны, люди, достойные доверия, рассказывали нам, что однажды шесть татар выехали на равнину к войску Московского владыки и царь Шигь-Алей хотел напасть на них со ста пятьюдесятью татарскими всадниками, но начальник войска воспретил ему это, и удобный случай отличиться был отнят у Шигь-Алея.

Татары отступают, не дав себя окружить, затем останавливаются, русские сделали то же самое. Татары, заметив их трусость и схватив тотчас луки, стали пускать в них стрелы; тогда те обратились в бегство, они преследовали их и ранили очень многих. Когда московиты снова обратились против них, повторилось то же самое. И таким образом издевались над врагом в притворном бегстве. Когда две лошади пали от пушечного выстрела, остальные, посадив на своих коней этих двух, вернулись к своим» (89, с. 155).

После провозглашения Ивана IV царем задача завоевания Казани стала первоочередной. В начале августа 1536 г. князь великий послал воевод своих на казанцев. «Воеводы сошлись с казанцами на Куси на речке, и казанские люди многие людей великого князя побили, ...и

многих детей боярских побили». При этом русским послам, отправлявшимся к иноземным государям, правительство наказывало говорить о русско-казанских отношениях осторожно, ссылаться на прошлые успешные походы против Казанского ханства (75, с. 115).

Решительная борьба Русского государства с Казанским «прегордым царством» началась с 1545 г., со времени постепенного возвращения московского правительства к политике дальнейшей централизации государства. Длительная и тяжелая «казанская война» завершилась лишь через семь лет. Основным содержанием «казанской войны» были регулярные походы русских полков на Казань и переговоры правительства Ивана IV с «московской партией» казанских феодалов (65, с. 125).

В апреле 1545 г. молодой князь, неизвестно по какому поводу, объявил вдруг поход под Казань, который не имел положительного успеха. В конце 1547 г. юный Иван опять выступил в поход на Казань, но возвратился в Москву, так как наступила оттепель. Второй поход под Казань он предпринял в 1549 г. Этот поход, так же как и первый, не имел успеха по причине плохой погоды (83, с. 150).

Эти неудачные походы москвичей до сих пор кому-то не дают покоя. Так, наш современник, казанский автор пишет: «Первый поход русского царя Ивана Грозного на Казань датируется 1547 годом. **К сожалению** (выделено нами. – И.Г.), он оказался неудачным» (200, с. 28). Таким образом, данный автор жалеет, что Казань была завоевана только через пять лет после первого похода русского войска.

Походы 1549 и 1550 гг. на Казань потерпели полную неудачу, поэтому русское правительство основательно готовилось к осуществлению серьезного предприятия. Зимой 1550-51 гг. военные действия не были возобновлены, и правительство готовилось к осуществлению серьезного предприятия. Был выработан следующий план завоевания Казанского ханства: военная программа заключала в себе: 1) блокаду Казани путем временной оккупации всех речных путей Казанского ханства и 2) основание русской крепости недалеко от Казани; программа политических действий заключала в себе следующие пункты: 1) низложение с казанского престола Крымской династии, 2) освобождение из рабства всех русских пленников, 3) присоединение к России правого берега Волги, 4) замену хана русским наместником.

Военная организация и техника были усовершенствованы и преобразованы. По примеру Крыма и Турции было спроектировано создание особого отборного войска из 20 тысяч «юнаков храбрых с огненной стрельбой» и т.д. (65, с. 128, 129).

В соответствии с вышеизложенным планом весной 1551 г. в устье реки Свияга была заложена русская крепость. Создав такой опорный пункт, русские обеспечили своей армии маневренность, регулярное передвижение и бесперебойное снабжение военными припасами,

питанием и фуражом. Это было очередным шагом к полному покорению Казанского царства.

С 15 по 20 августа производилась переправа русского войска через Волгу. Осада города Казани началась 24 августа 1552 г. У Ивана Грозного было 150 000 пехотинцев и всадников, 150 средних и крупных пушек. В Казани был 30-тысячный гарнизон, а за пределами города была 20-тысячная конница князя Епанчи, то есть соотношение сил 1:3 в пользу русских. После того как бывший казанский царь Шах-Али в ночь с 5 по 6 марта 1552 г. под охраной стрельцов переправил в Свияжск большие крепостные пушки, пищали, испортил порох (22, с. 67), казанцы значительно уступили москвичам и в артиллерии. Нужно подчеркнуть и то, что в войске Ивана IV около трети (50 тыс. – И.Г.) были татары, пришедшие с Шах-Али и князьями, перешедшими на службу к московскому государю (64, с. 28).

Огромную услугу русским оказал и перешедший на службу к царю казанский мурза Камай Хусаинов, который рассказал об обороне и военной силе казанцев, а также полностью раскрыл план обороны Казани (22, с. 69), указал место тайника, где осажденные брали воду.

Казанцы оборонялись героически, добиваясь согласованного действия защитников города и находившихся вне его. Князь Курбский вспоминал, что они (казанцы. – И.Г.) применяли хитрость. Когда на высокой башне появлялось знамя и начинали махать им, то из леса очень грозно и прытко ударяли в русские полки. Одновременно из всех городских на наши шанцы очень жестоко и храбро набегали. Сам Карачи с 10-тысячным войском ударили на те шанцы, где были пушки. Даже отогнали русских от пушек, но на помощь подоспели шляхта муромская, отборные войска и казанцы отступили (48, с. 25).

Об этом мы читаем и в художественной литературе: «Помнишь... казанского царевича Япанчу? Как дерзко он бился с нами! Из Казани ушел, чтоб покоя нам не давать! Сидит в засеке в лесу и ждет: явится на самой высокой градской веже знамя, и вот он уже скачет на наши полки, а из города тоже!.. Отворят ворота, вывалят тысячей – и пошла резня. Япанча с одной стороны, казанцы – с другой» (41, с. 119). Поэтому было решено разделаться с войском Япанчи. Русские поделили войско на две части и направили против них. Силы были неравны. Многие погибли, около тысячи попали в плен, которых русские привязали к столбам перед шанцами (48, с. 28-30). По словам З.З. Мифтахова, князь Епанчи допустил всего лишь две ошибки. Во-первых, он не выяснил: есть или нет на башне знамя. Во-вторых, он поспешил настолько, что не дождался сведений от дозорных с флангов. Эти, незначительные на первый взгляд, ошибки оказались роковыми как для самого Епанчи, так и для других воинов. В пылу сражения Епанчи не заметил, что его отряд окружают, а когда заметил движение русских войск в тылу, быстро оценил ситуацию, было уже поздно (117, с. 206).

Нужно подчеркнуть и то, что окрестное население организовало партизанскую войну (7, с. 550). Оказать помощь осажденному городу пытались и мари, и чувашаи, но они тоже были разбиты (22, с. 71). Так, Курбский вспоминал: «Через 4 дня к нам в тыл ударили черемисы с Галицкой дороги, много наших коней угнали» (48, с. 32).

Осада Казани 1552 г. отличалась от предыдущих тем, что была произведена по всем инженерно-техническим правилам того времени, в том числе с использованием подкопов и мин при помощи пороха. И, в конце концов, крепость не могла устоять против разрушительного действия подкопов под стены, взрывававшихся при помощи пороха.

После двух мощных взрывов 2 октября (было взорвано 24 больших бочки пороха общим весом 7680 кг) (22, с. 74) около 100 тыс. воинов пошли на штурм, которым противостояли оставшиеся в живых защитники. Несмотря на многократное превосходство, русские не особенно охотно шли в бой. Очевидец писал, что на штурм нас пошло много, а дошло мало, некоторые возвратились, а многие лежали, притворяясь убитыми или ранеными. Однако, как только увидели, что мы уже в городе, «раненые» вскочили, «мертвые» воскресли – все сбежались в город, но не ради ратного дела, а с корыстными целями. Увидев, что русские увлеклись грабежом, казанцы воспользовались этим и перешли в наступление. Успех казанцев немедленно вызвал панику среди русских. Русское командование приказало убивать мародеров, тем самым паника была остановлена (65, с. 151, 152).

Последний бой произошел на ханском дворе. Посоветовавшись, осажденные решили живыми не сдаваться и пробиваться за город. Отдав хана с одним только его приближенным русским, они бросились через ворота и стены на реку Казанка, перейдя вброд речку, пробившись сквозь русское войско, рассыпались по лугам и скрылись в заречном лесу. Это был единственный отряд казанского войска, уцелевший от гибели (65, с. 152).

Авторы школьного учебника неоднократно отмечают, что монголо-татарские полчища оставляли позади себя пепелища и горы трупов (24, с. 84-86). В этом отношении не отстали от монголов и воины Ивана Грозного, потому что в завоеванной Казани была произведена страшная резня, так как русское командование распорядилось произвести поголовное избиение всех мужчин. В результате все мужское население громадного города было истреблено. Из мужчин был оставлен в живых лишь один хан Ядыгар. С женщинами поступили также жестоко: царь отдал их в полное распоряжение своим солдатам: «Вся же сокровища казанская, и жены их и дети велел всему своему воинству имати». Завоеватели расправились с побежденными с такою жестокостью, которая может сравниться с беспощадностью древних ассирийцев (65, с. 286).

Здесь хотим провести некоторые параллели, сделать сопоставления, выделить некоторые факты из истории. А.А. Бушков пишет, что в

современной исторической литературе принято описывать самыми черными красками взятие турками Константинополя в 1453 г. Однако более углубленное знакомство с первоисточниками заставляет на многое смотреть по-иному. Далее он продолжает, что после взятия города случилась резня – как бывало во все века, религиозная принадлежность победителей и побежденных тут ни при чем. В конце концов, при взятии Варшавы войсками Суворова в 1793 г. казаки-христиане насильствовали, а затем убивали христианских монахинь, а надетых на пики детей таскали по улицам.

Но вот дальше начинаются события вовсе не укладывающиеся в традиционную картину «басурманских зверств». Храм Святой Софии турки превращают в мечеть – но множество других христианских церквей остается в неприкосновенности, и в них продолжают службы. Греческие библиотеки оставлены в целости – еще столетие спустя Ожье Бусбек, посол короля Фердинанда в Стамбуле, покупал древнегреческие книги *возами* (выделено автором. – И.Г.).

Брат погибшего императора константинопольского Деметрий ... возвращается в новую столицу Оттоманской империи, ко двору султана! от которого получает пенсию, слуг, телохранителей – и умирает в довольстве глубоким стариком (104, с. 86, 87). Этим мы не оправдываем и не обеляем турок, у нас к ним совершенно нейтральное отношение, но для нас дорога истина. Правда, в данном случае мы только повторяем Аристотеля, который говорил: «Платон мне друг, но истина дороже» (120, с. 101). Тем более что через несколько страниц мы опять обратимся к султанской Турции, социальный и экономический строй которой находился «на самой низкой, варварской стадии феодализма», «...а татары и другие народы Среднего Поволжья избежали опасности порабощения *варварским турецким феодализмом*» (выделено нами. – И.Г.) (121, с. 3, 6).

Хотим еще раз подчеркнуть, что каждое событие, факт, персона должны занять свое место, принадлежащее им в истории, место без очернения, приукрашения, фальсификации.

Поверженный город представлял ужасное зрелище: пылали пожары, дома были разграблены, улицы были завалены трупами, везде были потоки крови. Источники свидетельствуют, что «побитых во городе толикое множество лежаше, яко по всему граду не бе, где ступати не на мертвых; за царев же двором, где на бегство предалися, и с стен градских и по улицам груды мертвых лежаше с стенами градскими ровню. Рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше и по Казань реку и в реке, и за рекою по всему лугу мертвии погании лежаша» (65, с. 152, 153). Для въезда Ивана IV в город едва сумели очистить от трупов улицу длиной около 200 метров.

Здесь будет уместно сказать о том, что Ивану Грозному посвящено много художественных произведений, кинофильмов, воспевающих его заслуги перед Россией, показывающих его как выдающегося

государственного деятеля. Так ли это? Воздерживаясь от комментариев, приведем только слова В.О. Ключевского: «Таким образом, положительное значение царя Ивана в истории нашего государства далеко не так велико... Важнее отрицательное значение этого царствования... которое по конечным его результатам можно поставить наряду с *монгольским игом*...» (выделено нами. – И.Г.) (36, с. 186, 187). То есть если на одну тарелку весов положим период монгольского ига, а в другую – Ивана IV (Васильевича), будет равенство.

Почему Иван Грозный проявил такую жестокость? По сообщениям историков, в детстве Иоанн наблюдал жестокую внутреннюю борьбу между боярами, каждому из которых хотелось быть первым. Много погибло в этой борьбе знаменитых бояр русских, но... они сделали его свидетелем возмутительнейших сцен. Отсюда пошли корни жестокого характера Иоанна, ознаменовавшего впоследствии свое царствование такими поступками, за которые по справедливости получил название «Грозного» (83, с. 149).

Хотя, что можно ожидать от детоубийцы? По некоторым источникам известно, что Иван задушил больше ста собственных детей сразу после рождения: ведь незаконные младенцы, как известно, не угодны Богу (118, с. 411). Великий русский художник И.Е. Репин изобразил на своей картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» один из таких «подвигов» царя. Содержание картины помимо конкретного исторического правдоподобия ситуации и характеров говорит о «вечной» коллизии наказания деспота мукой раскаяния за невинно пролитую кровь (119, с. 271).

Один из авторов пишет, что в Иване вдруг открылась любовь к пирам и веселью. Постепенно на пирах веселье обратилось в буйство, выходки стали непристойными. Непременным условием было напиваться до бесчувствия, тем, кто пил мало, вино лили на голову. Самый разнузданный разврат вскоре стал обыкновенным делом (147, с. 106).

Царь начинает убивать бессистемно, бессмысленно. Убивает сам своим остро заточенным посохом, убивают его подручные. ...убиты во множестве князья суздальские, ростовские, ярославские и не счесть им числа.

Опричные жертвы еще никто не считал. Счет им ведется на десятки, если не на сотни тысяч. Обычно сжигали дотла села, наполовину опустошали и вырезали и города: Клин, Тверь, Псков, Новгород, Вышний Волчок (148, с. 288, 289).

В Новгороде сначала бросали с моста измученных мужчин. Женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов. Общее число жертв называют до 15 тыс. человек. В Псковской летописи общее число погибших доводится до 60 тыс. (147, с. 113, 114).

К. Маркс назвал «кровавой баней» то, что было устроено Иваном IV в Новгороде и Твери (146, с. 193).

О его жестокости свидетельствует и следующий пример: «Воеводу по имени Никита Казаринов велел посадить на бочку с порохом и взорвать. Перед казнью он сказал: «Ты уже получил обличие ангела, вознесись в небеса и молись за нас» (180, с. 102).

Опричники похищали для него девиц и замужних женщин, и муж должен был еще радоваться, если жену возвращали живой (147, с. 111).

Правду говоря, царь Иван очень любил женщин, их искали повсюду. Например, перед третьим браком приказал собрать со всего русского государства две тысячи девушек. Из их среды отобрали 24, проверенных лично самим и специальными старушками. Окончательный выбор пал на дочери купца по имени Марфа Собакина.

У царя было 50 любовниц из представителей разных национальностей и сословий (180, с. 109).

На Иване IV мы остановились более подробно потому, что в средствах массовой информации и школьных учебниках проявляется попытка идеализировать деяний тиранов, русских царей.

И не только идеализировать. На Архирейском соборе прозвучало предложение даже канонизировать Ивана IV. Говорил об этом, выступая на телевидении (Канал «Россия», 9.10.2004.) Кирилл – митрополит Смоленский и Калининградский (ныне патриарх всея Руси). Однако собор на это не пошел, так как за Иваном IV было много грехов. Ведь он лично убил митрополита, другого священника, в свое время был отлучен от причастия и т. д.

В то же время другим народам долгое время запрещалось говорить о своих древних правителях. Еще в предвоенные годы казанско-татарская общественность в лице одного из крупнейших литераторов и историков Н. Исанбата обратила внимание на весьма слабое использование в изучении истории и культуры предков татарского народа исторических преданий и баитов. С этой целью была предложена публикация на страницах литературного журнала болгаро-кипчакского эпоса «Идегей». Однако эта публикация вызвала шовинистический угар в московских верхах, в результате чего 9/XIII-1944 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) об ошибках в идеологической деятельности Татарского обкома ВКП(б) (150, с. 5).

Казань пала, однако борьба продолжалась. Здесь вспоминаются слова великого русского полководца М.И. Кутузова: «С потерей Москвы не потеряна еще Россия» (59, с. 21). Погибло Казанское правительство, было уничтожено войско, разрушена государственная организация, но это не сломило казанцев, и теперь борьба принимает стихийный характер – ее продолжает вести сам народ (65, с. 54).

Казанцы восстановили верховную власть в ханстве, выбрав на казанский престол мурзу Али-Акрама, брата царицы Суюн-Бике (той самой знаменитой казанской царицы, о которой сложено так много легенд. – И.Г.). Столица же была временно перенесена на 160 верст от Казани вверх по течению (65, с. 156).

Что бы ни писали о нем, надо отдать должное Али-Акраму: хотя он и понимал, что судьба Казанского ханства решена, но согласился занять престол и возглавить борьбу казанцев за независимость. Война длилась 5 лет, в ходе которой казанцы нанесли несколько сильных поражений московским войскам (7, с. 550). Лишь в 1557 г. народ, доведенный до отчаяния, отказался от продолжения борьбы, силы казанцев были окончательно истощены.

По данным Никоновской летописи в ходе этой войны было убито 1560 татарских князей и мурз. Андрей Курбский сообщает, что в те годы была ликвидирована практически вся верхушка Казанского ханства (141, с. 428).

О характере войны и ее участниках есть различные, в том числе полярные, мнения. Мы уже привели мнение М.Г. Худякова, однако считаем необходимым изложить его мысль: «...казанцы упорно отстаивали свою независимость, и их поддерживали инородцы, соединившиеся против чужеземных завоевателей» (65, с. 157).

А вот советско-татарстанские ученые писали, что многолетняя борьба марийского и чувашского народов против казанских ханов завершается тем, что так называемая «Горная сторона» (правобережье Волги. – И.Г.) добровольно присоединяется в 1551 г. к Русскому государству. Следует отметить, что в числе «присоединившихся» оказалось и собственно татарское население «Горной стороны», которое приняло затем участие в борьбе с последним казанским ханом Эдигером. В 1551 г., опираясь на «горных людей», Иван IV построил в устье реки Свияги г. Свияжск, ставший опорным пунктом для дальнейшего наступления на Казань (121, с. 5).

Борьбу народов казанского края за независимость они преподнесли как «сопротивление местных (татарских. – И.Г.) феодалов, вовлекшие в эту борьбу часть чувашских и марийских феодалов, потерявших свои прежние привилегии», а подзаглавие книги ими названо: «Борьба с реакционными выступлениями местных феодалов». Они столь же категорично заявляют, что народные массы бывшего ханства решительно выступили против этой авантюры (26, с. 138, 139). Это не соответствует действительности (авторы школьного учебника (24) в новой редакции убрали сообщение о том, что «против казанских феодалов выступили также народы Поволжья (мари, чуваш), поддержавшие действия русских войск». – И.Г.).

Конечно, винить их сегодня в необъективности, предвзятости трудно: это, наверное, не их вина, а беда. В 1955 г. другую оценку этим событиям цензура просто не пропустила бы. Хотя можно было бы сослаться на мнение отдельных историков, исследователей даже критикуя их. Главное, в данном случае, сообщить читателям о наличии других версий, не совпадающих с официальной, посеять в их сердцах «зерна сомнения». А уж когда прорастут эти зерна, человек сам будет стремиться дойти до истины.

К сожалению, неточности историков иногда подхватывались писателями, которые использовали весь свой талант, всю свою богатую фантазию для изображения событий давно минувших дней, приписывали своим героям такие подвиги, которым трудно даже верить, по-своему описывали и оценивали те или иные события.

Так, марийский писатель А.С. Крупняков написал большое произведение «Гусляры» – «историческое троекнижие о том, как Русь ордынское иго сбросила». Главным героем повествования является Апаз Тугаев (он же Акпарс) – сотник Шах-Али, воевода Ивана Грозного, князь марийский. Читая этот трехтомник, невольно задумываешься о том, что марийский народ может гордиться своим великим сыном: ведь не будь его, Ивану Грозному не захватить Казань. Акпарс принимает самое активное участие в строительстве Свияжска. Именно к нему явился и выдал тайну перебежчик от князя Япанчи. Он же разгадал тактику действия войска Япанчи, устроил засаду и заманил их туда, одним ударом копья лично убил его (Япанчи) в этом же бою. Пока он совершал свои подвиги, Иван Грозный молился в походной церкви, а «старые воеводы вдруг на молодом его лице увидели испуг и растерянность» (71, с. 358). Был момент, когда царь даже подумывал - не снять ли осаду и не вернуться ли в Москву?

Но тут как тут Акпарс, который, играя на гусях на виду у казанцев, дошел до самой стены города Казани, сообщил русским, что расстояние до стены крепости семьсот двадцать шесть шагов. Затем лично сам по совету минного мастера поместил бочки с порохом, сам же зажег свечу и поставил ее на порох. Впоследствии он разгромил восставших земляков, крестил их. При этом царь Иван Грозный неоднократно приказывал казнить его, обзывал предателем, и он бывал на волосок от смерти. Однако в самый последний момент всегда и все выяснялось, ему даровали жизнь, и он опять верой и правдой служил царю, стараясь доказать свою небывалую преданность. Неоднократно покушались на его жизнь и его противники, но он оставался неуязвим до конца. Вместе с Акпарсом на стороне царя также храбро сражались его воины-марийцы.

Данное произведение художественное и не претендует на историческую достоверность, но неискушенный читатель по нему может сделать далеко идущие выводы. Тем более что есть определенный круг личностей, в том числе выдающихся, которые историю изучают по художественной литературе.

Так ли было в данном случае? Сам же А.С. Крупняков пишет, что князь Япанчи, руководитель и вдохновитель казанцев в борьбе за независимость, и Мамыш-Берды происходили от марийцев.

Считаем нужным привести выдержку из заметки, опубликованной в газете «Известия» от 29 апреля 1993 г.: «В 1556 году в ходе борьбы марийского народа за свою государственность погиб легендарный князь Болдуш. Долгое время этот праздник находился под запретом, и лишь

теперь, в годы реформы, маришцы могут, не таясь, склонить головы перед памятью выдающихся предков». Здесь под «своей государственностью», на наш взгляд, нужно понимать борьбу казанцев за независимость. Если князь Болдуш воевал бы на стороне московского царя, никакого запрета не было бы, наоборот, его имя крупными буквами было бы вписано в историю Российской, а на его родине воздвигнули бы памятник. Примерно такой же, какой хотел вылепить А.С. Крупняков Акпарсу, только его левая рука была бы простерта в другую сторону.

Другой автор, Г.П. Егоров выражает сожаление, что казаки (то есть чуваш. – И.Г.), оказавшие неоценимую помощь Руси во взятии Казани и в освобождении Волги от неприятеля, буквально были преданы глумлению. Однако в данном вопросе не все сходится с концами. Он ссылается на австрийского посла С. Герберштейна, который якобы писал, что «чуваша самые искусные стрелки». Хотя тот же С. Герберштейн отмечал, что «царь казанской области может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваша – весьма искусные (не самые, а весьма искусные. – И.Г.) стрелки. Таким образом, посол отмечает чуваш не как противников казанцев, наоборот, союзниками (142, с. 67).

Наиболее точную и интересную оценку участию других народов в этой борьбе, на наш взгляд, дал С.М. Соловьев, который писал: «Таким образом, после взятия Казани нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтобы усмирить все народы, от нее прежде зависевшие» (51, с. 465, 466). Значит, не так уж плохо им жилось в прежнем государстве!

Хотим обратить внимание наших читателей и на оценку, которая дается в учебниках и трудах историков на присоединение Казанского ханства к Российскому государству. Она тоже неодинакова.

Так, авторы «Истории Татарской АССР» заявляют, что «с этого времени татарский народ, многие годы страдавший от тяжелого гнета чуждых ему деспотических золотоордынских и казанских ханов, вошел в состав развивавшегося в прогрессивном направлении русского государства». Далее они продолжают, что «... создание централизованного Русского государства было ускорено потребностью обороны от нашествия турок и монголов (удивительно, откуда могла появиться во второй половине XVI в. монгольская угроза для усилившейся России? – И.Г.), присоединение к Русскому государству для народов края было единственным выходом из создавшегося положения. Татарский и другие народы Среднего Поволжья избежали тем самым опасности быть поглощенными деспотическим и варварским турецким феодализмом, который на многие столетия отбросил бы назад развитие их производительных сил и культуры» (26, с. 140).

Здесь авторы, во-первых, явно преувеличивают угрозу со стороны Турции: слишком большие расстояния между этими государствами, даже в годы самых крепких связей в Казани не было турецких воинов. Во-вторых, они слишком открыто показывают свою зависимость от

сложившихся стереотипов, называя турок варварами. Во всяком случае, в наши дни уже никто, думаем, не осмелится пришить им такой ярлык.

Далее они пишут, что присоединение к Русскому государству положило конец феодальной раздробленности (в Казанском ханстве этого не было. – И.Г.), бесконечным варварским нашествиям (кроме нападений со стороны русских на независимость казанцев никто не посягал. – И.Г.), хищническим истреблениям производительных сил (со стороны кого?), деспотическому гнету со стороны ханов, от которых страдали массы (зато они попали дополнительно под гнет русского царя, царских чиновников, православной церкви и т.д. – И.Г.).

В подтверждение этого приведем пример. Во время завоевания Казани, Московское правительство объявило, что местное население будет платить налоги в том же объеме, что и бывшему казанскому правительству. В действительности это условие было нарушено, объемы налогов возросли многократно. Это явилось внешней причиной волнений. Например, в 1580-1584 гг. все марийское население Луговой стороны участвовало в «черемисских войнах (169, с. XXII).

Таким образом, уважаемые авторы явно вынашивают мысль, что без присоединения к Руси казанцы «совсем бы пропали». Тут я вспоминаю женщину, которая благодарит бога за то, что муж ее пьет. Она сдавала пустые бутылки и покупала продукты для своих детей, при этом восклицала: «Если бы не пил муж, где бы я брала деньги!»

Ими же было сделано «открытие» о том, что «от русских крестьян были переняты новые формы ведения хозяйства, в частности «зачатки садоводства и огородничества» (121, с. 6).

Хотя в одной из глав мы уже писали о хозяйственной деятельности болгар, но придется еще раз напомнить о том, что уже в Волжской Булгарии было развитое сельское хозяйство, садоводство и огородничество. Об этом свидетельствуют найденные при археологических раскопках в Биляре огуречные, маковые, конопляные, вишневые, малиновые зерна, семена и косточки (63, с. 85).

«Овощми приизобильна земля казанская», – писал и летописец (125, с. 86).

Здесь без комментариев, на суд читателя, хочу привести оценку М.Г. Худякова присоединению Казани к Русскому государству: «Чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссальною гекатомбою человеческих жертв закончился «крестовый поход» христоролюбивого воинства против казанцев, первое выступление русского государства на путь территориальных завоеваний. Кроме огромного количества человеческих жизней, насильственно унесенных в могилу, кроме бесчисленных слез, страданий и горя, пережитых казанским народом, печальный день 2 октября знаменовал собою гибель материального состояния, накопленного целыми поколениями, и утрату культурно-бытовых ценностей, которые теперь были безжалостно извлечены из

укромных уголков, где они бережно сохранялись, без сожаления были изломаны, изуродованы, потеряны, уничтожены. Тысячи драгоценностей, ювелирных украшений, тканей, произведений высокого мастерства и искусства погибли. Богатству народа был нанесен страшный удар, от которого он едва мог бы оправиться. Громадный город сделался жертвой солдатского грабежа» (65, с. 153, 154).

Взаимоотношения завоевателей и покоренных вылились в самые тяжелые формы, какие только могли существовать между победителями и побежденными. В столице Казанского ханства русские применили крайне жестокую меру: опасаясь покушений, они категорически запретили татарам жить, даже входить внутрь города. Всем уцелевшим жителям города было приказано выселиться за пределы городской черты. Это принесло новую беду населению, пережившему ужас разграбления и погрома. Принудительное выселение и запрещение татарам даже входить в город сопровождалось варварским приказом русского правительства – «все мечети пометать и в конец их извести» (65, с. 159).

Оставшимся в живых жителям города велели переселиться за городом. Об этом в одном из источников мы нашли следующие слова: «Московское правительство отвело для них (татар. – И.Г.) особое место на пустыре, по образцу еврейских гетто в польских и других западноевропейских городах» (169, с. XXI).

В городе Казани разрешалось проживать лишь 32 татарам, 8 из которых были служилые татары, а 24 новокрещены (169, с. 179).

Громадная гибель людей и неисчислимый материальный урон были страшным ударом для казанских татар. Погибли почти все культурные сокровища, оставшимся в живых пришлось доживать свои дни в глухих лесных деревушках, думая не о культурных приобретениях, а лишь о суровой борьбе за существование. В нужде и лишениях угасло последнее поколение образованных казанских людей, носителей старинной культуры.

В войне за независимость погибли тысячи жителей, казанский народ лишился лучших своих сыновей, не говоря уже о материальных потерях, и прошло много лет, прежде чем он, вынужденный перейти от городского быта к крестьянскому, утративший свои культурные приобретения, приспособился к новым условиям существования. Страшное понижение культурного уровня, экономический регресс, сопровождавшийся переходом к примитивным формам хозяйствования и сокращением всех потребностей, упадок промышленности и торговли, обеднение населения, отвычка от участия в строительстве государственной и общественной жизни – вот те последствия, которые принесло казанским татарам русское завоевание (65, с. 162).

Таким образом, подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что Казанское ханство, основное население которого составляли тюрко-язычные болгары, являлось развитым в экономическом и культурном отношении государством Восточной Европы. Оно имеет

славную и богатую историю, которая должна быть известна не только его жителям, но и другим народам, населяющим Россию.

Авторы названного учебника (24) допускают неточности не только в отношении истории Казанского ханства, но и других народов. Так, они пишут, что Башкирия и Удмуртия добровольно вступили в подданство России. Правда, не столь категоричны они в своих утверждениях в очередном учебнике. Например, взамен «Удмуртия добровольно вступила в подданство России» пишут: «возможно, подобное имело место и в Удмуртии» (23, с.124).

В русских летописях сохранилось следующее сообщение: «А из Казани писал князь Петр Иванович (Шуйский. – И.Г.), ... а башкирцы пришли, добивь челом (челомъ добити, добили челомъ – принести в дар. – 175, с. 1489), и ясак поплатили» (173, с. 282). Данная запись датирована 1557 годом.

27 мая 2007 г. в Выставочном зале Федеральных архивов открылась выставка, посвященная 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Автор этих строк присутствовал на данном мероприятии. Слов нет, выставка была организована на самом высоком уровне. На стендах были размещены различные исторические документы, их фотокопии, карты, схемы, родословные. В одном из залов даже была установлена юрта, в которой находилось все необходимое для повседневной жизни его владельца.

В аннотации о выставке написано: «Выставка открывается уникальным документом – Никоновской летописью, которая сохранила запись о присяге башкир русскому царю Ивану IV Васильевичу». Мы уже выше привели отрывок из данной летописи, который намного отличается от слов, которые записаны организаторами выставки.

Мы также обратили внимание на то, что в Указе Президента России, изданном в связи с юбилеем, записано «добровольное вхождение», а – Президента Башкирии «добровольное присоединение». А ведь значение слов «вхождение» и «присоединение» не идентичны!

Если считать прибытие группы людей (у которых не известны даже имена и звания. – И.Г.) с подарками к воеводе и плативших ясак как добровольное вхождение в состав русского государства, пусть так будет, спорить не будем.

На наш взгляд, для решения такого важного вопроса необходимо наличие государственности. Как пишет А.Н. Гусманов, в XV и первой половине XVI в. башкиры не имели своей политической организации; они были раздроблены между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской ордой (56, с. 5).

По словам Г.В. Юсупова, даже сложение башкир в народность стало возможным лишь с присоединением Башкирии в XVI в. к Русскому государству (114, с. 166).

Далее А.Н. Гусманов приводит высказывания различных авторов, в том числе и дореволюционных, которые отрицают факт присоединения.

Сошлемся на примеры: «... выработанная Витебским (автор его называет историком буржуазно-монархического направления. – И.Г.) концепция не допускала мысли о возможности добровольного присоединения какого-либо народа к Русскому государству в силу исторической ситуации» (56, с. 30).

Автор советского периода Н.Ф. Шуерипов теорию о добровольном характере подданства башкир называет «сказкой» и заявляет, что нет никаких исторических данных, кроме голословных записей дворянско-царских историков о том, что башкиры «добровольно приняли русское подданство» (56, с. 31, 32). Таких примеров перечислено немало.

Но у А.Н. Усманова нет ссылки на исторические документы, для подтверждения своей гипотезы, он опирается лишь на народные предания.

Вернемся к сообщению уже в упомянутой летописи: «Того же месяца (сентябрь, 1558 г. – И.Г.) приехал из Сибири царя и великого князя (то есть Ивана Грозного. – И.Г.) служивые Татарове Девлетъ-Хозя да Собаня Рязановы, а с ними Едигеря, князя Сибирского, посланники Ивтемир с товарищы, а привезли дань Сибирские земли сполна, тысячу соболей..., да и грамоту шертную (шертный – утвержденный клятвою. – 175, с. 1588) привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве (рабстве. – И.Г.) и дань на всю свою землю положил, и впред ежегодь беспереводно та дань царю и великому князю съ всей сибирьской земли давати» (173, с. 285).

Попробуем порассуждать. От Сибирского князя через его доверенных людей вручают самому царю грамоту, со словами клятвы и печатью, подарки, ясак. Обещают и в дальнейшем подчиняться и платить ясак. Несмотря на это, мы еще нигде и никогда не встречали сообщение о добровольном вхождении Сибирского ханства к России!

Ответ находим в стенограмме лекции С.В. Вахрушина: «После завоевания казани сибирский хан Эдигер в 1555 г. счел для себя более выгодным признать власть московского царя, обязавшись платить дань пушниной – тысячу соболей в год. Этот дань он платил не очень аккуратно.

Но и Москва, принявшая его в качестве вассала, также не выполняла своих обязательств. Эдигар признал власть Московского государства, очевидно, рассчитывая на помощь и поддержку Москвы в борьбе с Шибанидами, потомками первых Сибирских ханов. Москва не могла ему оказать этой поддержки из-за отдаленности, и около 1563 г. Эдигар был свергнут своим соперником, одним из Шибанидов – Кучумом (198, с. 8).

Обратимся к историческим сведениям. Согласно им, начало проникновения русских в Башкирию относится к XIV-XV вв. Но систематическая колонизация Башкирии с ее «землицею, всем угодною», началась со времени завоевания Казани, после чего башкиры начали платить московскому царю ясак.

В приведении башкир к «порядку» не малая была и роль упомянутого А. Курбского. Это мы представляем на основе следующего примера: «Доселе Курбский служил Иоанну верно; ни одно пятно не затмевало его славы: бился ли он под Тулою, под Казанью, в **степях ли Башкирских** (выделено нами. – И.Г.) или на полях Ливонии, везде победа украшала его чело своими лаврами, везде удары меча его решали битвы к славе и чести России» (48, с. XLVII).

Русские воеводы в дальнейшем производили широкие захваты земель. В XVII в. Башкирия уже вполне являлась колонией России. По сообщению историков, упорная борьба против русских колонизаторов является главным драматическим содержанием «русского» периода истории Башкирии (если было бы добровольное вступление, была бы надобность в таком отчаянном сопротивлении? – И.Г.). В течение второй половины XVII в. основываются города Мензелинск, Кунгур, Бирск, которые восстающие башкиры безуспешно стараются разрушить как форпосты русской колонизации. Ответом на колониальную политику Москвы являются восстания в 1645, 1661, длительное восстание с 1662 по 1683, затем новое восстание с 1704 по 1708 гг. Эти восстания подавляются с чрезвычайной жестокостью.

Так, при подавлении восстания, продолжавшегося с 1735 по 1741 гг., было казнено, замучено и роздано в рабство до 30 тыс. башкирского населения, 396 (по другим данным 700) селений разграблено, разорено и сожжено, огромные стада – угнаны.

Вместе с воином и купцом шел церковник. Так как уложение царя Алексея Михайловича запрещало заключать земельные сделки с некрещеными, то башкир массами насильно обращали в христианство. Сначала православные миссионеры насильно крестили башкир толпами, а затем следовала экспроприация обращенных (5, с. 129, 130).

В 1995 г. вышла книга А.С. Доннелли «Завоевание Башкирии Россией 1552-1740». Автор пишет: «Для обращения местных жителей (башкир и других. – И.Г.) в христианство в 1721 г. было основано Уфимское епархиальное управление. Вскоре оно было закрыто вследствие ненужности. Местные народы остались верны своей религии, особенно татары, которые были преданы исламу. В целом, попытка обращения мусульман в русскую православную оказались безуспешными» (177, с. 239).

Заслуживает внимания его следующая мысль: «Другим характерным моментом исследований дореволюционных историков является идеализация роли России, русских в Башкортостане, политики царизма в особенности. Таким образом, работы последних в целом носят тенденциозный, односторонний характер, они служат общей цели русского царизма в Башкортостане – ассимиляции и русификации коренного населения» (там же, с. 19).

Доктор исторических наук И.Г. Акманов пишет следующее о данной книге: «Автор (Доннелли) в принципе не отрицает добровольное

присоединение башкир, но считает это формальным признанием русского владычества, а добровольное подчинение было в форме сюзеренитета. Интересно его положение о том, что башкиры находившиеся до этого в зависимости от других государств, относительно легко могли пойти на подчинение России (177, с. 23).

То же самое происходило и с удмуртами. Однако попытки обратить их в христианство успеха не имели. Народные массы Удмуртии неоднократно восставали против усиления власти Московского государства. Особенно крупным было восстание, охватившее удмуртов и марийцев в 1557 г. (8, с. 573, 574), в период борьбы казанцев за независимость.

Таким образом, факт добровольного вступления этих народов в состав России является очередным вымыслом, оправдывающим захватническую политику русских царей, и не находит подтверждения в исторических источниках.

Хотим подчеркнуть, что во все времена Россия находилась в состоянии войны. Либо войны с соседями (чаще по своей инициативе), либо войны внутренней, межрегиональной (брат на брата, народ на народ). Так, русские князья только за 11 лет перед Куликовской битвой (1368-1379) вели 41 войну, в том числе и «вражеским окружением».

Кто начинал войну? В 14 случаях инициатива была со стороны московского князя Дмитрия Ивановича, в – 6 новгородцев, в 4 - тверских князей, по одному - Рязани и мордовских князей. Всего 26 войн, из которых большинство – борьба между собой.

За эти годы монголы-татары нападали на Русь 5 раз, литовцы – 7, немцы – 2. Итого было 14 столкновений. Соотношение – 26 и 14 – не в пользу русских.

Расширение пределов, границ, подвластных территорий, зон влияния шло, начиная от Рюриков, Ивана III, Романовых и кончая советским государством. Наибольший прирост этих территорий был в период с начала XII века до середины XIX (правление Александра II).

В.О. Ключевский выявил в этом историческом периоде две закономерности, которые актуальны и для нынешних споров о путях России.

Первая закономерность: чем дальше раздвигались границы Российского государства, тем сильнее становился гнет внутри его, тем бесправнее становился народ.

И вторая закономерность и особенность: развитие сферы деятельности человека, новые поприща, не увеличивали благосостояния народа, а увеличивали лишь внешнюю силу государства.

Все войны за новые территории, все захваты, вся колонизация новых земель шли за счет народа, ложились на его плечи тяжелым бременем. Сам народ от колонизации ничего не получал. Наживалось лишь чиновничество, грабя туземцев и казну («Открытый урок». № 8 (44), 2004, август).

Есть разные подходы и к трактовке факта завоевания Казани Иваном Грозным. Так, советско-татарстанские ученые пишут, что в начале 1552 г. московский царь попытался мирным путем урегулировать взаимоотношения между двумя государствами и вел переговоры о переходе Казанского ханства под протекторат Русского государства, но безрезультатно. Казанские феодалы протурецкой ориентации, совершив переворот, посадили на престол астраханского царевича Эдигера и вступили на путь войны с Русским государством, рассчитывая на помощь Турции. Это обстоятельство заставило правительство Ивана IV предпринять против Казани более активные действия..., с гнездом турецкой агентуры в Казани было, таким образом, покончено (121, с. 5).

Другое мнение: «...в гибели Казанского ханства одна ли Москва повинна? Почему мы не вспоминаем казанских князей Ислама, Кибяка и мурзу Аликея Нарыкова, по призыву которых в нарушение достигнутых в Свияжске договоренностей было взбудоражено население Казани и брошено под секиры многократно превосходящих войск Ивана IV? Почему остается в тени имя князя Чапкуна Отучева? Ведь прекрасно зная соотношение сил в то время, он, тем не менее, возглавил временное правительство, которое вместе с приглашенным из Ногайского княжества астраханским царевичем Ядькаром выступило организатором явно обреченной на неудачу войны» (115, с. 31).

В обоих случаях мы видим попытку обвинения казанцев в развязывании войны с Москвой. На наш взгляд, судьба Казанского ханства и казанцев уже была предрешена. История доказывает: то, что первоначально называется добровольным, в конце концов, приводит к насилию и исчезновению всего достигнутого, а нежелание казанцев в последний момент покончить со своей независимостью впоследствии не позволило татарам исчезнуть как нации. Правда, им пришлось заплатить за это страшной ценой.

Вот какую оценку действиям упомянутых казанцев дал М.Г. Худяков: «...герои переворота угадали народное настроение и сумели воспламенить упавших духом казанцев. Как бы велики ни были упреки казанцам в недостатке патриотизма и в том, что общественные группы в ожесточенной борьбе за свои интересы оказались неспособными возвыситься до сознания общегосударственной пользы, одного этого момента достаточно для того, чтобы оправдать казанский народ и снять с него упрек в отсутствии национального чувства. Казанцы могли справедливо гордиться геройским подвигом этих людей, спасших независимость своей родины» (65, с. 144, 145).

Здесь можно было бы поставить точку, однако считаем нужным подчеркнуть еще один факт. Искажается не только история. В XIX в. художник К.Б. Вениг написал картину «Взятие Казани» (к сожалению, местонахождение подлинника этой картины неизвестно. – И.Г.). В № 10 за 1998 г. журнала «Казан утлары» была помещена иллюстрация копии этой картины. Однако в ней имеется много неточностей, вернее говоря –

подделок, в корне искажающих идею автора, сюжет. Так, обессилевший от ран и находящийся в могучих объятиях товарища воин оказался здоровым, который уже не думает о сражении; двое женщин из пяти, находящиеся перед ними, вообще исчезли, третья оказалась повернутой спиной к сражающимся; мусульманский священник, рвущийся в бой, превратился в молодую женщину; другая женщина, в глубокой скорби обнимающая раненого мужа, оказалась обезглавленной и без одной руки и т.д. Фрагменты из подлинника и копии опубликованы в газете «Шәһри Казан» за 18 декабря 1998 г. (иллюстрация подлинника увидела свет в этой же газете за 21 февраля 1993 г.). Если грамматические ошибки в письме, тексте еще можно устранить в кратчайшие сроки, то с творением кисти великого мастера сделать то же самое трудно.

Да только воз и ныне там...

*Я из мишар...
Х. Такташ*

*... ишан Хабибулла во время
своего путешествия побывал
в Мишарстане и других местах...
Ш. Марджани*

С негативным отношением к истории татарского народа, самим татарам и другим нерусским народам, встречаемся и в наше время. В этом ряду запрет перевода татарской письменности на латиницу, запрет национального компонента в образовании и сдачи единого государственного экзамена на родном языке и т.д.

Выступая на III съезде Всемирного конгресса татар 30 августа 2002 года В.В. Путин говорил: «В заключение, что бы я хотел сказать по поводу изучения национального языка. Полная дурь и бред, если кто-то где-то запрещает в многонациональной стране изучать родной язык или препятствует этому. Абсолютно недопустимо, вредно для страны в целом. Россия – сосредоточие такого национального, культурного, языкового богатства, которого в мире нигде нет. В этом как раз сила нашего государства... Абсолютно недопустимо, если кто-то говорит о том, что нужно сокращать изучение родного языка» («Звезда Поволжья», 2007, 22-28 ноября).

Повторим, это было сказано 30 августа 2002 года, а 1 декабря 2007 года его же указом национальный компонент был исключен из программы общеобразовательных школ («Звезда Поволжья», 2011, 25 февраля-2 марта).

Это значит, что могут перестать существовать национальные школы и гимназии, а те школы, где татарский, чувашский, удмуртский и другие языки преподаются как предмет, могут тоже исчезнуть. Учащиеся школ, которые закрываются под предлогом оптимизации, а эти в основном национальные школы, будут обучаться на русском языке и по программам русских школ. Без школ негде будет обучаться родному языку, а с потерей языка исчезнет и нация.

Ярким примером негативного отношения к татарам служат последние две переписи населения, проведенные в России. Так, если в предыдущей переписи татар предлагали разделить на несколько десятков «национальностей», то уже в последней – на более 100.

Для чего это делается? Чтобы татары не были вторыми в России по количеству населения? Или кому-то надо и выгодно разъединить татарский народ? Ведь уже давно живет стереотип «разделяй и властвуй!»

Несколько лет назад на центральном телевидении прозвучало сообщение о том, что жители Архангельской области хотят назвать себя не русскими, а «поморами». К тому же они поставили вопрос перед правительством о переименовании своей области в «Поморскую республику». Также в России есть камчадалы, казаки и т.д. Однако во время переписи все они должны были записываться русскими.

И среди татар есть «новомыслящие», которые призывают называться мишарями, кряшенами, булгарами, ногаями и т.д. Что же определяет национальность человека? Рассмотрим это на нескольких примерах. По имеющимся данным в последнее время в России проживают около 30 тыс. крещеных татар. Можно ли их назвать отдельной нацией? Они говорят на татарском языке, обучаются в татарских школах по татарским учебникам, выписывают и читают газеты и журналы на татарском языке, слушают татарское радио, смотрят телевидение на этом же языке и т.д. Правда, есть различия в их одежде, обрядах, традициях. Отличаются они также и тем, что исповедуют христианство.

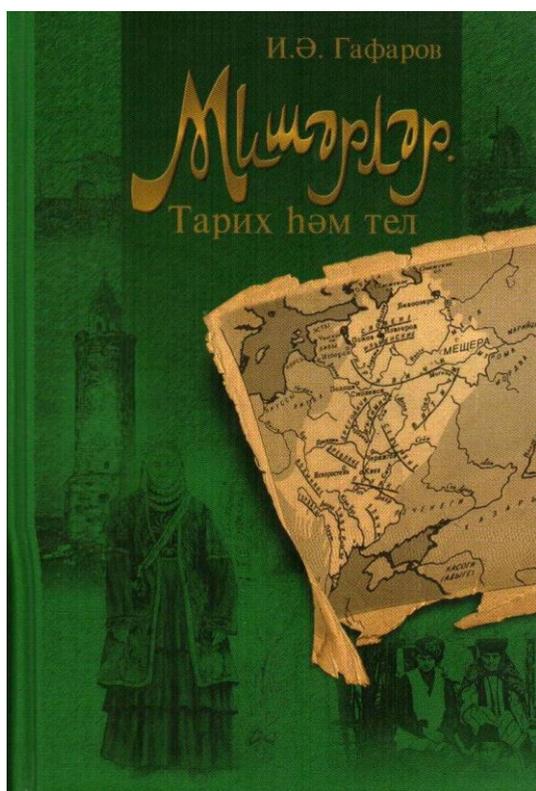
На наш взгляд, национальность человека не определяется по религии. Как уже писали, бывший генеральный секретарь коммунистической партии Франции Роже Гароди, известный ученый Жак Ив Кусто, не перестали быть французами после принятия ислама. Знаменитый боксер Мухаммед Али, после перехода в ислам лишь заменил имя, продолжая с гордостью слушать гимн Америки в свою честь. Бывший выпускник Христианского учебного заведения, православный священник, депутат Государственной Думы Вячеслав Полосин также после принятия ислама не сменил национальность, во всяком случае, мы не владем такими сведениями.

Иногда путаницу в это вносят и средства массовой информации. Так, несколько лет назад на телеканале «Россия» была передача о ногайбаках. Ногайбаки – бывшие служилые татары, в ходе заграничного похода в 1813-1814 гг. они побывали и во Франции. Впоследствии они поселились в Челябинской области, свои деревни называли Париж, Шампенхауз и т.д. Их численность в настоящее время около 15 тысяч человек. В кадре несколько старушек готовят пищу, сами говорят на татарском языке. Диктор при этом пытается доказать, что ногайбаки самостоятельная нация.

Особенно много этих спор вокруг мишар. Естественно, они составляют самую большую этническую группу среди татарского народа. Сегодня их мы встречаем во всех регионах России, странах Содружества независимых государств, в больших городах как Москва, Санкт-Петербург, в иностранных государствах.

Во время последней переписи их предлагали разделить на следующие этнические группы: **мещеряки**, **мижер** (кроме чувашского любой язык), **мижер** (с чувашским языком), **мижерь**, **мишари**, **мишары**, **мишар** (выделено нами. – И.Г.). Хотим подчеркнуть, что в татарском языке «мишәр» пишется без мягкого знака, а во множественном числе с окончанием – **ләр**. Выходит, что из-за незнания или нежелания знать русскими чиновниками грамматических правил татарского языка, мишар надо делить на группы?

Более подробно о мишарах изложено в нашей книге “Мишәрләр. Тарих һәм тел” (“Мишари. История и язык”, 2011). Данная работа написана на татарском языке. Поэтому для русскоязычных читателей хотим дать некоторые сведения из этой книги.

“Мишарский вопрос” в истории татарского народа является одним из таких, которому до сих пор нет полного и точного ответа. Так, в “Советской исторической энциклопедии” записано: “... происхождение мишар неясно” (183, с. 355).

Для начала отметим, что происхождение слова мишари некоторые ученые связывают с понятием “лес”, то есть “м(е)иша” + “ир” и получается лесной человек. В русском языке суффикс “ар” означает мужчину: мишар, болгар, мадьяр, балкар, хазар и т.д.

На наш взгляд, слово “мишар” вошло в употребление вместе с приходом на службу Московскому государству служилых татар из Мещерского края. Данный край был расположен на северной части

бывших Тамбовской и Пензенской губерниях, в бассейнах рек Мокша и Цна.

У Н.М. Карамзина дается карта Восточной Европы. Как видно из нее, в 862 годах в верховьях Дона, у реки Клязьма находим Мещерский край, который занимал достаточно большую территорию. Восточнее жили мордва, а далее волжские булгары (184, с. 22). Ниже приводим ксерокопию данной карты:

Вначале служилых татар называли “мещеряками” (мишарями), то есть буквально переселенцами из Мещерского края. В ходе колонизации новых земель, Московское государство начало переселять их для охраны своих южных и восточных границ. В дальнейшем переселения были и на добровольных основаниях, то есть мишари в поисках свободных земель отправлялись на юг по реке Волга и на восток. Вместе с ними распространяется и название “мещеряки” (мишари).

Русский ученый Б.А. Куфтин слово “мещеряки” связывает с географическим названием. У него мы находим следующее сообщение: “... князь Курбский прошедший с войском к Казани через всю Рязанскую, затем Мещерскую землю ни о каком особом мещерском племени не упоминает, а говорит только о существовании в Казанском царстве кроме татарского, “пяти различных языков”, где нет мещерского” (185, с. 17).

Исследователь истории мишар ученый и священник Е.А. Малов, и другие также связывали слова “мишар-мещеряк” с топонимикой.

В татарском языке до сих пор встречаются названия “мещера”, “тюмень”, “алатырь” и другие. Таким образом получается, что тюменцы – пришедшие из г. Темниково, алатырцы - из г. Алатырь и т.д. Например, мама известного в Венгрии, Италии, России ученого, нашей землячки Лины Сцилард была “тюменкой”, то есть ее предки переехали в Башкирию из Темниковского края.

Татарский ученый Г.Н. Ахмеров считал, что название “мишар” татарам, которые формировались в Поволжье, дано казанцами (187, с. 19).

Нет пока точного ответа и на вопрос: “Кем были предки мишар? Что лежит в их начале?” Одни ученые хотят доказать, что мишари это отатарившиеся останки финских племен, другие – буртасы и т.д.

Есть мнение и о том, что одним ответвлением мишари относятся к венгерским мадьярам. то есть ученые хотят найти в мишарях упоминаемых в летописях “можар” .

На наш взгляд, в составе мишар имеются различные компоненты, в том числе ногаи, казанские, крымские татары, половцы и т.д. Не можем исключить и наличие угро-финского компонента.

В то же время мы считаем, что существующее мнение, якобы “мишари” являются этнографической группой татарского народа, устарело. Одним из первых об этом высказала Л.Т. Махмутова, которая много сил приложила изучению мишар. Она писала: “Этноним “мишар” нужно употреблять и в значении сословие, и это нужно изучать исходя из историко-лингвистического взгляда” (188, с. 11).

Мы в течение многих лет собирали факты, сведения, документы, подтверждающие о том, что слово “мишар” означает сословие. Так, в соответствии с царским указом от 10 апреля 1798 г. в Башкирии вводится кантонная система. Это касается башкир, мещеряк, оренбургских и уральских казаков. Данные **сословия** (выделено нами. – И.Г.) переводятся в разряд военных. Они привлекались к охране юго-восточных границ Русского государства. Как видно из архивных материалов, организации башкиро-мещеряцкого войска обращалось большое внимание. Например, в документе “Проект образования Башкирского и Мещеряцкого войска” полностью освещены порядок организации, их существование и т.д. (189, с. 9).

Подтверждение о том, что название “мещеряк” означает сословие, находим и в других документах. “Указом от 11 января 1736 г. разрешалось продавать представителям определенных сословий, в частности дворянам, офицерам и мещерякам земли взбунтовавшихся башкир...” (188, с. 54-55).

Продолжим наши рассуждения: “Мещеряки... живут нанимая земли у башкирцев, и за службу никакого ясаку (налог. – И.Г.) не платят”. В другом источнике читаем: “В начале XVIII века мишари, башкиры и тарханы (старшины) других народов, ясак вообще не платили” (190, с. 17).

Хотим объяснить читателям, что ясак устанавливался не по национальности того или иного человека, а в зависимости от его занимаемого положения в обществе. Таким образом, мишари были освобождены от налога ни за то, что принадлежали какой-то нации или этнической группе, а за свою службу.

Нужно отметить, что мишари служили правительству с верой и правдой. Как писал историк С.В. Бахрушин: "... на открытую "измену" служилые татары решались редко. Дорожа своим привилегированным положением и особенно своим жалованием, они, в общем, держались очень осторожно" (191, с. 174).

Об этом свидетельствует и тот факт, что среди мишар было много дворян. Так, по материалам переписи 1897 г. известно, что в Пензенской губернии из числа татар (мишар) было 981 человек, сюда входят и члены их семей, имеющих титул потомственного дворянина. Татар в губернии числилось более 58,5 тысяч (159, с. 237).

В Оренбургской губернии проживало около 93 тысяч татар. Из их числа было 510 потомственных, 69 личных дворян, 318 почетных граждан, 686 купцов и члены их семей. Кроме того, 18470 человек татарского происхождения и 17590 членов их семей входили в казацкое сословие (159, с. 158-159).

Для сравнения отметим, что в Казанской губернии в то время проживало 675419 татар, а потомственных дворян из их числа было лишь 121, личных – 124 человека (159, с. 283).

Хотим еще раз подчеркнуть то, что такие звания давались только за хорошую и верную службу царскому правительству.

В годы Отечественной войны 1812 г. мишарские полки приняли участие во многих сражениях, а 1-й полк по приказу М.И. Кутузова был оставлен нести гарнизонную службу в освобожденной от французов и еще пахнувшей дымом Москве (192, с. 50, 51).

Участвовали мишари и в заграничных походах 1813-14 годов, в Турецких, Крымских войнах. Их мы находим и в войсках Минина и Пожарского, которые в 1612 г. направлялись на Москву, для освобождения ее от поляков (193, с. 37).

Как писал А.Х. Халиков, переход татар-мишар на службу Русскому государству особенно усилилось после победы в 1380 году Дмитрием Донским Мамай на Куликовом поле. По его данным в основе более трех десятков знаменитых русских фамилий находятся татары-мишари. Среди них Бахметьевы, Беркутовы, Богдановы, Карачурины, Куприны, Мещерские, Мосоловы, Тенишевы и др. (64).

Мишар мы находим и в числе тех, кто внес большой вклад в развитие культуры татарского народа: Гаяз Исхаки, Кави Наджми, Хусаин Фаисханов, Шариф Камал, Гафур Кулахметов, Хади Такташ, Габдрахман Абсалямов, Хасан Туфан, Заки Нури и многие другие. Не зря Х. Такташ писал: «Я из мишар...», а Х. Туфан: «А мой язык немного мишарский...» (157, с. 7).

Обратимся к историческим материалам. По данным Российской переписи 1811, 1816, 1834 годов мои предки со стороны отца Абэн (1730 года рождения), Якуб (1754), Масхут (1777), Гафар (1809), со стороны мамы Усман (1735), Зямил (1764), Маняф (1791), Маулихан (1819) записаны “служилыми татарами”, а в 1858 г. – лашманами (заготовители леса для строительства судов Российского флота. – И.Г.) (Государственный архив Ульяновской области, ф. 156, оп. 2, д. 39, л. 135 об.; д. 94, л. 312 об.; д. 139, л. 78 об.; д. 601, л. 58 об.). Эти названия в ту пору не означали национальность или этническую группу, а означали сословие. Приводим копию “Ревизской сказки” за 1834 г.:

Ревизская сказка.

2540 Сады апрель 1022 Дни будничного учета в уезде...
Возле ст. Деревят Стараго Проуринско Казань

	<i>Муромин мовъ</i>	<i>Возле ст. Деревят в 2-м отделе Ревизской сказки числен в 1834 году было 100 душ</i>	
	<i>Омурин мовъ</i>	<i>Домашн</i>	<i>Копия 1834 года</i>
	<i>Графинин Радимисов</i>	<i>50</i>	<i>Копия 1834 года</i>
	<i>Графинин Радимисов от 1-го отдела</i>	<i>24</i>	<i>43</i>
	<i>Графинин Радимисов от 2-го отдела</i>	<i>5</i>	<i>23</i>
	<i>Графинин Радимисов от 3-го отдела</i>	<i>2</i>	<i>21</i>
	<i>Графинин Радимисов от 4-го отдела</i>	<i>1</i>	<i>10</i>
	<i>Графинин Радимисов от 5-го отдела</i>	<i>1</i>	<i>12</i>

После 1910 г. они уже пишутся татарами. В настоящее время, некоторые “умники” почему то их потомков хотят назвать мишарями.

Как видно из материалов переписи 1897 г., в тот период в России зарегистрировано более 620 тысяч мишар (159). К 1926 г. их число сократилось до 200 тысяч. Естественно, мы не можем согласиться с такими данными. Во-первых, в 1926 г. мишари указаны только в двух регионах – Башкирии (137,9 тыс.) и Пензенской губернии (100,6 тыс.). Родным языком они указали татарский. А в тех местностях, где и в настоящее время в большом количестве проживают мишари - Нижнем Новгороде, Рязани, Симбирске, Москве, Саратове, Самаре, Донбассе, Туле, даже в Татарстане не указано ни одного мишарина. А ведь в то время только в сельской местности указанных регионов проживало более

2,7 млн. человек (160). Предположим, если только половина из них мишари, то получается около 1,4 млн. мишар.

В свое время Е.А. Малов писал, что в Рязанской, Тамбовской, Пензенской и в других вышеназванных регионах проживают татары-мусульмане по прозвище “мещеряки” или “мишари” (186, с. 3).

Во-вторых, когда количество других народов за 30 лет увеличилось вдвое, почему же количество мишар сократилось в 3 раза. Как уже писали выше, если в Пензенской губернии в 1897 г. было записано 58,7 тыс. татар, то к 1926 г. только мишар в этой губернии зарегистрировано уже более 100 тысяч, прирост составляет почти в два раза. Здесь, на наш взгляд, лишь один ответ – впоследствии мишар записали татарами, то есть победила историческая правда, татары, которые раньше входили в сословие “служилые татары”, по-другому “мишари” были записаны в составе своей национальности.

Продолжая размышления, хотим подтвердить свои предположения следующим примером. В 1920 г. количество мишарских населенных пунктов в Башкирии было 120, в это число не входят маленькие поселки. Деревень, в которых совместно проживали мишари, башкиры, тептяры, татары составило около 60. Деревни были большими. В некоторых из них проживало около 3000-4000 человек (174). Возникает законный вопрос: когда же население этих деревень успело отатариваться или обашкириться, ведь в дальнейших переписях название “мишар” даже не упоминается. Ведь не могло же население этих деревень полностью вымереть или улетучиться!?

В-третьих, в материалах переписи 1926 г. имеется таблица, которая определяет родной язык народов, населяющих СССР. Всего этих языков 146. В их числе нугайский язык, на котором общались 23 тыс. человек, нагайбакский - 11 тыс., а мишарский язык, на котором должны были общаться около 240 тыс. (это только в 2 регионах. – И.Г.) человек, отсутствует.

На наш взгляд это еще и еще раз подтверждает, что мишари во все времена считали себя татарами, а родным – татарский язык. Сошлемся на “Советскую историческую энциклопедию”, где написано: “Мишари - этнографическая группа татар. Сами себя называют татарами..., говорят на особом диалекте татарского языка. В культурном отношении мишари почти не отличаются от татар, с которыми в настоящее время постепенно сливаются” (183, с. 526).

Хотим предложить нашим читателям слова русского священника Е.А. Малова, хорошо изучавшего мишар, их язык, обычаи: “Мишари народ бравый. Твердость в данном слове у мишар ценится очень дорого. Если мишарин скажет одно слово, то какое бы ни случилось несчастье, от своего слова он уже не откажется. Мишари народ гостеприимный, уважают гостей.... Среди мишар особенно уважаются люди ученые” (186, с. 75, 77).

В завершение попробуем найти ответ на вопрос: “Какая разница между татарами и мишарями?” Ответ один - в языке. Татарский язык состоит из 3 диалектов: западный (мишарский), средний (казанский), восточный (сибирский). Мишарский диалект сыграл большую роль в формировании грамматических особенностей литературного татарского языка.

В мишарском диалекте имеются особенности в области фонетики, морфологии, синтаксисе, а также в лексике. Например, в вышеназванной работе мы дали краткий толковый словарь более 1500 слов, употребляемых в данном диалекте и отличающихся от литературного татарского языка. Одним из особенностей мишарского диалекта является употребление, в основном, звука “ц” вместо “ч”. Например, слово перец в среднем диалекте произносят борыч, мишарском – бырыц, цыпленок - чеби-цебеш и т.д. Такое явление наблюдается как в начале, так и в середине, в конце слова.

В мишарском диалекте также наблюдаем выпадение в словах гласных и согласных звуков, звука й в дифтонгах –**ай-**, –**эй-**, –**ой-**, –**ый-**, –**өй-**, вместо звука ж произносится звук й или з и т.д.

Хотим подчеркнуть и то, что имеются древнейшие рукописи, которые очень близки к мишарскому диалекту. Один из них - “Codex Cumanicus”, то есть, “Итальяно-половецкий (куманский) словарь”, написанный еще в XIV веке итальянскими монахами. Ученый В.В. Радлов в 1884 г. писал: “Мы должны причислить куманский язык к западным наречиям... из них куманский язык ближе всего стоит к волжским наречиям и в особенности к наречиям мишеров”. Правда, он отмечает, что “... куманский язык представляет более раннюю степень развития, чем язык нынешних мишеров. Таким образом материалы Кодекса ясно доказывают, что наречие татар приволжских в отношении фонетики очень немного изменилось в течение почти 500 лет” (195, с. 41, 45).

Известный татарский ученый Л.Г. Махмутова писала, что из 2223 слов, внесенных в данный словарь, как видно из работы В.В. Радлова “Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики”, 1781 (80%) применяются в татарском языке. Она также подчеркивает, что более 160 слов являются мишарскими (196, с. 68-153). Хотим отметить, что в это число не входят значительное количество слов, которые по своему применению и произношению очень близки к мишарскому диалекту.

Знакомится с “Codex Cumanicus” для татар не составляет большого труда, ведь в 30-х годах в татарском языке применялся латинский алфавит, а в настоящее время во всех школах Татарии изучают иностранные языки на базе данного алфавита.

Можно услышать и такое: “Зачем проводить исследования о мишарях, писать о них, ведь это приведет к отрыву их от татар?” Нет,

наоборот, мы хотим доказать, что мишари и татары это единое целое, их нельзя и не нужно разъединять!

К. Фукс 170 лет тому назад, когда царское правительство, православная церковь проводили жесткую политику против нерусских народов, им запрещали иметь свои газеты и журналы, их школам не давались ни копейки писал: “Казанские татары, в течение трехсот лет от их покорения, сохраняют еще так много собственного, национального, что заслуживают особенного внимания наблюдательного этнографа. Они всегда живут отдельно от русских и от других их окружающих племен, перед которыми они стараются, даже и ныне, поддержать то преимущество, каким отличались некогда их предки. Они гордятся своим происхождением, своими моральными качествами, своей религией, своим домашним бытом...” (69, с. 14).

Поэтому зачем нам делится на малочисленные национальности? Наоборот, надо объединятся! Только тогда бодрый голос татарского народа, занимающий второе место в России по количеству населения, будет звучат на весь мир. А если разделимся, тогда будет слышен голос похожий лишь на писк комара, звучащий из десятков углов.

Естественно, сказать о том, что все татары, говорящие на мишарском диалекте, переселились из Мещерского края мы не можем. Поэтому имеет право на жизнь и версия о том, что мишари являются этнографической группой татар.

Заключение

Как нельзя иметь двух матерей, так не может быть и двух историй. История – учитель жизни. Только истинная мать учит своих детей обычаям и традициям, языку своего народа, знакомит с родословной. На основе опыта предыдущих поколений мы учимся не совершать ошибок, не делать опрометчивых шагов в своей жизни и т.д.

Однако история иногда может стать мачехой, даже злой мачехой, которая для достижения своих меркантильных интересов обведет вокруг пальца кого угодно. Она может рассказать своим пасынкам и падчерицам придуманные ею же события с добавлением различных интересных, но не существующих фактов, оставляя вне внимания настоящую историю. Хотя винить в этом нужно и тех, кто заказывает историю, а также выполняющих этот заказ.

Со стороны некоторых историков в свое время допускались неточности, в том числе и грубейшие, в освещении тех или иных периодов, событий, фактов, даже личностей. Особенно в Советский период в историю внесли много вымыслов, оправданий империалистических захватов. В истории сначала отсекали целый пласт исторических трудов, а потом о них просто забыли. И зря. Их авторы были явно не глупее нынешних исследователей. Меньше всего повезло истории татарского народа, изучать которую очень непросто из-за явного недостатка источников, в первую очередь письменных. Одним из первых М.Г. Худяков сделал попытку сказать правду об истории татарского народа, но тогда правда была не в чести. В 1936 г. он был арестован как «враг народа» и расстрелян в Ленинграде.

Татарский народ имеет многовековую и богатую историю, которая своими истоками уходит к болгарским, а далее вглубь тюркским племенам. На территории Татарстана с давних времен в дружбе и согласии проживали татары и русские, чувашаи и мордва, марийцы и удмурты, другие народы.

Первым государством на нынешней территории Татарстана была Волжская Булгария, развитое самостоятельное государство, имевшее для своего времени высокую культуру, экономику, развитую торговлю и т.д.

По берегам Волги и Камы строились города – центры ремесла и торговли. Основой хозяйства было плужное земледелие. В X в. в Булгарии был принят ислам. Здесь развивалась торговля с Арабским Халифатом, Византией, восточными славянами и др. Булгария соперничала с Древнерусским государством, Великим княжеством Владимирским.

Булгары состояли в тесных экономических, торговых и культурных отношениях с Русью и сыграли несомненную роль в становлении российской государственности, а также в жизни других народов Поволжья и Урала.

Однако это цветущее государство погибло под ударами татаро-монгольских завоевателей, хотя первое их нападение было успешно отражено. Булгары продолжали оказывать сопротивление, в основном пассивное, захватчикам. Они уходили на север, где в последующем образовался новый экономический и политический центр.

В середине XV в. со своими приближенными здесь появился бывший золотоордынец Улу-Мухаммед, который и считается основателем Казанского государства. Это государство появилось не на пустом месте, а было продолжением Волжско-Камской Булгарии. В данном случае произошла лишь замена болгарской династии на золотоордынскую. Улу-Мухаммед со своим отрядом в несколько тысяч человек не должен был и не смог изменить этнический состав, обычаи, традиции, религию, язык и т.д. местного населения.

Казань и Россия были двумя соседними государствами, связанными самыми тесными узами, в том числе экономическими, торговыми, даже кровными. Оба народа заимствовали многое друг у друга, что мы обнаруживаем в языке, способах ведения хозяйства и т.д. Это влияние было взаимным, то есть «дорогой с двухсторонним движением», а не только со стороны русского народа, как пытаются доказать некоторые.

Правда, между Русью и Волжской Булгарией, особенно Казанским ханством, были не только годы мирного сотрудничества, но и кровавых столкновений. Однако последних было меньше и в них погибло меньше народа, чем в княжеских междоусобицах. Эти столкновения в основном происходили по инициативе князей, ханов и верхушки духовенства. Простые люди между собой ладили и находили общий язык. Мы надеемся, что это взаимопонимание, взаимодоверие, дружба будут вечны. Этому должно способствовать хорошее знание, правильное освещение и понимание истории Татарстана, татарского и других народов, истории в целом.

Краткие сведения об авторах

Акманов И.Г. – доктор исторических наук.

Алтон С. Доннелли – американский ученый-историк.

Амин Аль-Холи – египетский ученый-арабист, филолог, историк.

Андрушкевич Игорь Николаевич – историк-публицист, родился в 1927 г. в семье эмигрантов. С 1948 г. жил в Аргентине, член редколлегии единственной в мире монархической газеты «Наша страна».

Атласи (Атласов) Хади Мифтахутдинович (1876-1938) – известный общественный деятель, педагог, ученый-историк.

Ахмед ибн Фадлан – арабский ученый X в., секретарь Багдадского посольства, посетившего в 922 г. Волжскую Булгарию.

Ахмеров Гайнетдин (1864-1911), историк, археограф, педагог, общественный деятель. Собрал значительные этнографические и археологические материалы по истории татарского народа.

Баскаков Николай Александрович (1905-1996) – видный тюрколог, доктор филологических наук.

Безертинов Рафаэль Нуртдинович – современный исследователь истории тюркских народов.

Белавин Андрей Михайлович – современный ученый-историк, труды по археологии. Пермский государственный педагогический университет.

Буровский Андрей Михайлович – президент Красноярского регионального отделения Международной академии ионосферы, действительный член Академии науковедения.

Бухараев Равиль Раисович – писатель.

Бушков Александр Александрович – один из самых издаваемых российских авторов, «король русского исторического боевика».

Валиди Ахмад-Заки (1890-1970) – лидер башкирского национально-освободительного движения, тюрколог.

Воробьев Николай Иосифович (1894-1967) – этнограф, профессор Казанского университета.

Гамалетдин Мохаммед ас Саид – доктор наук, историк, университет «Айн Шамс», г. Каир, Египет.

Герберштейн Сигизмунд (Зигмунд фон) (1486-1566) – немецкий дипломат. Посетил Россию в 1517, 1526 гг.

Глухов Максим Степанович (1937-?) – современный историк-публицист, автор ряда книг и научных трудов по истории и духовной культуры татарского народа.

Гудзий Николай Калининович (1887-1965) – советский литературовед, академик АН УССР.

Гумилев Лев Николаевич (1913-1993) – известный ученый, этнограф, доктор географических наук. Труды по истории тюркских, монгольских, славянских и других народов Евразии.

Закиев Мирфатых Закиевич (1928) – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан.

Ихсан Ишраги – современный ученый-историк, Тегеранский университет, Иран.

Имамихон Мухаммадтаги – современный ученый-историк, Тегеранский университет, Иран.

Иштван Фодор – венгерский ученый, известный специалист по средневековой археологии.

Измайлов Искандер Лерунович – современный ученый-историк.

Казаков Евгений Петрович (1934) – современный ученый, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории АНТ.

Калинина Татьяна Михайловна – современный историк, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН, г. Москва.

Карамзин Николай Михайлович (1766-1826) – писатель, историк, почетный член Петербургской АН. Автор многотомной «История государства Российского», которая содержит ценные сведения по истории Влжско-Камской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства.

Каргалов Вадим Викторович – современный историк, доктор исторических наук.

Каримуллин Абрар Гибадуллович (1925-2000) – современный ученый, доктор филологических наук, академик АН РТ.

Карл Фуке (1776-1846) – профессор Казанского университета. Автор трудов по истории татарского народа.

Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – русский историк, крупнейший представитель русской историографии, академик.

Коновалова Ирина Геннадьевна – современный историк, старший научный сотрудник Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН, г. Москва.

Курбский Андрей Михайлович (1528-1583) – князь, боярин, писатель, переводчик. Участник Казанских походов.

Куфтин Борис Алексеевич (1892-1953) – этнограф, археолог, действительный член АН Грузии. Труды по этногенезу народов СССР, в т.ч. крымских, касимовских татар, мишарей.

Кучкин Владимир Андреевич – современный историк, доктор исторических наук.

Малов Евфимий Александрович (1835-1918) – тюрколог, православный миссионер. Отдельные работы посвящены исследованиям этнографии татарского народа.

Малов Сергей Ефимович (1880-1957) – тюрколог, языковед, член-корреспондент АН СССР.

Мифтахов Зуфар Зайниевич – современный историк, профессор, автор учебника «История Татарстана и татарского народа» и др.

Милюков Павел Николаевич (1859-1943) – русский политический деятель, историк, публицист.

Моця Александр Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев.

Мухлинский Антон Осипович – доктор филологических наук, профессор, труды в области турецкой словесности.

Орлов Алимжан Мустафович – современный ученый-философ, живет в г. Нижний Новгород.

Рыбаков Борис Александрович (1908-?) – советский археолог и историк, академик АН СССР.

Рычков Петр Иванович (1712-1777) – историк, экономист, член-корреспондент Петербургской АН (1759).

Сабирзянов Гумер Салихович – современный ученый-историк, кандидат исторических наук. Институт татарской энциклопедии АНТ.

Синицына Клара Романовна (1932-1995) – кандидат исторических наук, доцент, автор трудов по истории Татарстана.

Соловьев Сергей Михайлович (1820-1879) – известный русский историк. Создатель научной школы, академик Петербургской АН.

Сулакшин Степан Степанович (1954) – современный ученый, доктор физико-математических наук, профессор Академии военных наук. Народный депутат СССР, депутат Государственной Думы нескольких созывов.

Сулейменов Олжас Омарович (1936) – известный казахский поэт.

Татищев Василий Никитич (1686-1750) – известный русский историк, государственный деятель, автор трудов по этнографии, истории народов России и сопредельных территорий.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893-1965) – советский историк, создатель научной школы, академик АН СССР.

Усманов Миркасым Абдулахатович – историк, археограф, публицист, действительный член АН РТ.

Фахретдинов Равиль Габдрахманович – видный татарский историк, доктор исторических наук.

Фирсов Николай Николаевич (1864-1934) – советский историк, профессор. Труды по истории народов Поволжья и др.

Хабибуллин Мусагит Мударисович (1927) – татарский писатель, автор исторических романов по истории татар.

Халиков Альфред Хасанович (1929-1994) – доктор исторических наук, академик АНТ. Труды по археологии и истории Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Халидов Анас Бакеевич – современный языковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Ближнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Хара-Даван Эренжен – врач и писатель-историк, калмык по национальности, эмигрировавший из России в потоке первой волны русской эмиграции в годы гражданской войны.

Худяков Михаил Григорьевич (1894-1936) – известный казанский историк и краевед.

Хузин Фаяз Шарипович (1951) – современный историк, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ.

Чичерина Светлана Валентиновна (1862-1921) – известный востоковед, сестра первого советского наркома по иностранным делам Г.В.Чичерина.

Яковлев Иван Яковлевич (1848-1930) – чувашский педагог-просветитель. Способствовал открытию чувашских школ в Поволжье. Создал чувашский алфавит и заложил основы чувашского литературного языка.

Янсон Ингмар – ученый-историк, профессор, г. Унсала, Швеция.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. А м и н а л ь-Х о л и. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. – М.: Восточная литература, 1962.

2. А т л а с и Х. История Сибири. Сююм-бике. Казанское ханство. – Казань: Таткнигоиздат, 1993.
3. Б а с к а к о в Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979.
4. Б а с к а к о в Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985.
5. Большая Советская Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1927. Т.5.
6. Там же. Т. 6.
7. Там же. Т. 30.
8. Там же. Т. 55.
9. Б о р о д и н С.П. Дмитрий Донской. – Краснодар: Кн.изд-во, 1981.
10. В а л е е в Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. – Казань: Таткнигоиздат, 1984.
11. В а л е е в а-С у л е й м а н о в а Г. Ф., Ш а г е е в а Р. У. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. – М.: Сов. художник, 1990.
12. Г а й н у л л и н М. Каюм Насыри (Его научная, литературная и просветительская деятельность). – Казань: Таткнигоиздат, 1945.
13. География России: Учеб. для 8-9 кл. ср. школы. – М.: Просвещение, 1993.
14. Географический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
15. Г у д з и й Н.К. История древней русской литературы. – М.: Просвещение, 1966.
16. Г у м и л е в Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993.
17. Г у м и л е в Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990.
18. Г у м и л е в Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989.
19. Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. язык, 1978. Т. 1.
20. Д у б р о в и н а Л. А. История о Казанском царстве (Казанский летописец). – Киев: Наукова думка, 1989.
21. Знаменитые люди о Казанском крае. – Казань: Таткнигоиздат, 1990.
22. История Казани. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. Кн. 1.
23. История Отечества: Учеб. для 8 кл. ср. школы. – М.: Просвещение, 1993.
24. История СССР: Учеб. для 8 кл. ср. школы. – М.: Просвещение, 1989.
25. История СССР: Учеб. для 7 кл. – М.: Просвещение, 1984.
26. История Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. Т. 1.

27. История Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1980.
28. К а з а к о в Е. П., С т а р о с т и н П. Н., Х а л и к о в А. Х. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1987.
29. К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. – М.: Наука, 1991. Т.2, 3.
30. Там же. Т. 4.
31. Там же. Т. 5.
32. К а р г а л о в В. В. Татаро-монгольское нашествие на Русь. XIII век: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – М.: МГУ, 1962.
33. К а р г а л о в В. В. Свержение монголо-татарского ига. – М.: Просвещение, 1973.
34. К а р и м у л л и н А. Г. Татары: этнос и этноним (на тат.яз.). – Казань: Таткнигоиздат, 1991.
35. К л ю ч е в с к и й В. О. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. Т. 1.
36. Там же. Т. 2.
37. К у л Г а л и. Кысса и Йусуф. – Казань: Таткнигоиздат, 1983.
38. Мирас. 1992. № 1.
39. Там же. № 2.
40. М у х л и н с к и й А. О. Исследования о происхождении и состоянии литовских татар. - Спб.: [Б.И.], 1857.
41. П о л у й к о В. В. Лета 7071. – М.: Мол. гвардия, 1979.
42. Н у р у т д и н о в Ф. Булгарский вопрос. – Оренбург: Булгария, 1993.
43. Досье. 1991. № 7. Прил. к Лит. газете.
44. Путешествие Ибн Фадлана на реку Итиль. – Казань: Мифи-Сервис, 1992.
45. Республика Татарстан. 1994. 15 янв.
46. Русско-татарский словарь. – Казань: Таткнигоиздат, 1938.
47. С а б и р о в Р. М. По городам Татарии. – Казань: Таткнигоиздат, 1976.
48. Сказания князя Курбского. – Спб.: [Б.И.], 1833. Ч.1.
49. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
50. С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1988. Кн. 1. Т.1, 2.
51. Там же. Кн. 2. Т.3-4.
52. Там же. Кн. 3. Т.5-6.
53. С у л е й м е н о в О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: Жазушы, 1975.
54. Тайны веков. [Сб.] – М.: Мол. гвардия, 1977.
55. У с м а н о в М. А. От прошлого к будущему (на тат.яз.). – Казань: Таткнигоиздат, 1990.

56. У с м а н о в А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. – Уфа: Башкнигоиздат, 1982.
57. Ф а х р у т д и н о в Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984.
58. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Рус. язык, 1986.
59. Ф е д о с о в И. А. История СССР: Учеб. для 8 кл. – М.: Просвещение, 1982.
60. Ф е х н е р М. Великие Булгары. Казань. Свияжск. - М.: Искусство, 1978.
61. Х а л и к о в А. Х. Кто мы – булгары или татары? – Казань: Казань, 1992.
62. Х а л и к о в А. Х. Приказанская культура. Археология СССР. Свод археологических источников. – М.: Наука, 1980. Вып. 1-24.
63. Х а л и к о в А. Х. Первое государство (на тат.яз.). – Казань: Таткнигоиздат, 1991.
64. Х а л и к о в А. Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. – Казань: Таткнигоиздат, 1992.
65. Х у д я к о в М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспроизведение. – Казань: Таткнигоиздат, 1990.
66. Ч е р в о н н а я С. М. Изобразительное искусство Советской Татарии. – М.: Сов. художник, 1983.
67. Ч и ч е р и н а С. О языке преподавания в школах (для восточных инородцев). – Спб.: Тип. В.Я.Мильштейна, 1910.
68. М а р д ж а н и Ш. Б. Источники по истории Казани и Булгара (на тат. яз.). – Казань: Таткнигоиздат, 1989.
69. Ф у к с К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. Репринтное издание. – Казань: Таткнигоиздат, 1991.
70. В о р о б ь е в Н. Н. Материальная культура казанских татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1953.
71. К р у п н я к о в А. С. Гусяры (историческое троекнижие о том, как Русь ордынское иго сбросила). Книга третья. Марш Акпарса. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978.
72. О р л о в А. М. Мещера, мещеряки, мишаре. – Казань: Таткнигоиздат, 1992.
73. Идель. 1993. № 1.
74. К у ч к и н В. А. Русь под игом: как это было? – М.: Панорама, 1991.
75. К а р г а л о в В. В. На степной границе. – М.: Наука, 1974.
76. А г и б а л о в а Е. В., Д о н с к о й Г. М. История средних веков: Учеб. для 7 кл. – М.: Просвещение, 1989.
77. Г л у х о в М. С. Татарика. Энциклопедия. – Казань: Ватан, 1997.

78. Е г о р о в Г. П. Воскресение шумеров. – 2-е изд. – Чебоксары: Атал, 1993.
79. Ф а х р е т д и н о в Р. С. Булгарские и казанские тюрки. – Казань: Таткнигоиздат, 1993.
80. Ф а х р у т д и н о в Р. Г. Мелодия камней. – Казань: Таткнигоиздат, 1986.
81. К а р и м у л л и н А. Г. У истоков татарской книги. – Казань: Таткнигоиздат, 1992.
82. Ф а х р у т д и н о в Р. Г. История татарского народа и Татарстана. – Казань: Магариф, 1995.
83. Исторический календарь. Десять веков российской истории. – Донецк: Сталкер, 1996.
84. Идель. 1993. № 7, 8.
85. История России с древнейших времен до конца XVII в. – М.: АСТ, 1998.
86. Родина. 1991. № 6, 7.
87. РСФСР. Административно-территориальное деление. – М., [Б.И.], 1986.
88. Литература. 1996. № 13.
89. Г е р б е р ш т е й н С. Записки о московитских делах. – Спб.: Изд-во А.С. Суворина, 1908.
90. М и ф т а х о в З. З. Курс лекций по истории Татарского народа. – Казань: Дом печати, 1998. Ч.1.
91. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131-1153 гг.). – М.: Глав. ред. вост. литературы, 1971.
92. П р е о б р а ж е н с к и й А. А., Р ы б а к о в Б. А. История Отечества: Учеб. для 6-7 кл. – М.: Просвещение, 1996.
93. Археологическое изучение болгарских городов. – Казань: Мастер Лайн, 1999.
94. На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй XVII вв.). – М.: ИНСАН, 1996.
95. А н д р у ш к е в и ч И. Н. Макроистория. – Новосибирск: Благовест, 1992.
96. Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. язык, 1979. Т.2.
97. П а т ш и н Н. В. Записки прокурора. – Казань: Матбугат йорты, 2000.
98. Б у т р о м е е в В. П. Всемирная история в лицах: Раннее средневековье. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
99. Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы международного симпозиума. Казань, 8-10 сент. 1998. – Казань: Мастер Лайн, 1999.
100. История России: Учеб. – М., Новосибирск: ИНФРА-М, 2000.

101. История Отечества: Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999.
102. Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. 1957. № 2.
103. Е н д и р я к о в В. А. История Егоркинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии. – Елабуга, [Б.И.], 1994.
104. Б у ш к о в А. А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; - Спб.: НЕВА; Красноярск: Бонус, 2001.
105. История России с древнейших времен до конца XVII века. – М.: АСТ, 1998.
106. З а к и е в М. З., К у з ь м и н - Ю м а д и Я. Ф. Волжские булгары и их потомки. – М.: ИНСАН, 1993.
107. Б е з е р т и н о в Р. М. Татары, тюрки – потрясатели великих империй. – Наб. Челны: Калкан, 1997. Т.1.
108. Ч а п ы г и н А. П. Степан Разин. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986.
109. Я познаю мир. Иллюстрированная всемирная история: С древних времен до XVII в. – М.: АСТ, 1999.
110. С у л а к ш и н С. С. Измена. – М., Фонд развития политического централизма, 1998.
111. Отечественная история: энциклопедия. – М.: БСЭ, 1994. Т.1.
112. Казань. 2000. № 8.
113. Программы для общеобразовательных учреждений. История. – М.: Просвещение, 1997.
114. Советская этнография. 1957. № 2.
115. С а б и р з я н о в Г. С. Поволжские татары и русские в зеркале симпатий и антипатий. – Казань: Фэн, 1993.
116. К о з л о в В. П. Колумбы российских древностей. – М.: Наука, 1984.
117. М и ф т а х о в З. З., М у х а м а д е е в а Д. Ш. История Татарстана и татарского народа. – Казань: Магариф, 1995.
118. Б у ш к о в А. А., Б у р о в с к и й А. М. Россия, которой не было. – Красноярск: БОНУС, 2000.
119. Энциклопедический словарь юного художника. – М.: Педагогика, 1983.
120. Б у т р о м е е в В. П. Всемирная история в лицах: Древний мир. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
121. Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. 1955. Вып.1.
122. Идель. 1965. № 5, 6.
123. Казань. 2000. № 7.
124. С и н и ц ы н а К. Р. История Татарстана и татарского народа. – Казань: Магариф, 1995. Ч.2.
125. История Татарстана: Учеб. пособ. для основной школы. – Казань: ТАРИХ, 2001.

126. Закиев М. З. Тюрко-татарский этногенез. – Казань: Фикер; М.: ИНСАН, 1998.
127. Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. – Казань: Таткнигоиздат, 1969.
128. Хрестоматия по истории СССР. Т. 2. – М.: Гос. учебно-педагогическое издательство, 1952.
129. Россия: Полный энциклопедический иллюстрированный справочник. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
130. Скрынников Р. Г. Русь IX-XVII века. – Сп.-Б.: Питер, 1999.
131. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. – М.: Рус. язык, 1980. Т. 4.
132. Военный энциклопедический словарь. – М.: Рипол классик. 2002.
133. Веко А. В. История России с древнейших времен до наших дней. – Минск: Современный литератор, 2001.
134. Мажигов Ю. И. История. «Примерные билеты и ответы по истории для подготовки к устной итоговой аттестации выпускников 11 классов общеобразовательных учреждений в 2001/2002 учебном году». – М.: Дрофа, 2002.
135. Валеев Ф. Т. Сибирские татары. – Казань: Таткнигоиздат, 1992.
136. Общественные науки и современность. - 2004. № 2.
137. История России с начала XVIII до конца XIX века. – М.: АСТ-ЛТД, 1998.
138. Очерки по истории татарской культуры. – Казань: Фикер, 2001.
139. Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века. – М.: Просвещение, 2000.
140. Деревянко А. П., Шабельникова Н.А. История России с древнейших времен до конца XX в. – М.: 2001.
141. Татары. – М.: Наука, 2001.
142. Гафаров И. А. Какой национальности казаки?//Мэгариф. 2002. №1.
143. Лавров С. Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. – М.: Айрис Пресс. 2003.
144. Кубрат хан хэзинэлэре. Сп.-Б.: АО«Славия», 1997.
145. Крамзин Н. М. История государства Российского. – М.: Эксплоо, 2003.
146. История СССР с древнейших времен до конца XIII в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Высшая школа, 1983.
147. Рыжов К. В. Монархи. – М.: АСТ. АСТРЕЛЬ, 2003.
148. Мусский И. А. Сто великих диктаторов. – М.: Вече. 2004.

149. Назаров И. И. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности. Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Выпуск 15, 1958.
150. Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Болгария. – Казань, ФЭН, 1994.
151. Ахмеров Г. Н. Избранные труды. – Казань: Таткнигоиздат, 1998.
152. Валиди А.-З. Кыскача төрек-татар тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшрияты, 1992.
153. Мурад Аджиджи. Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой степи. – М.: 1999.
154. История России с древнейших времен до начала XXI века.: Для школьников ст. кл. и поступающих в вузы.: Учеб. Пособие. 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003.
155. Сахапов М. Ж. Вестник возрождения. – Казань: Центр инновационных технологий, 2001.
156. История России. – М.: ИРФРА-М. Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000.
157. Гафаров И. А. Туган як мирасы. – Казань: Тат. Книгоиздат, 2004.
158. Магницкий В. К. Несколько данных о мишаря и селения их в Казанской и Симбирской губерниях. – Казань: Тип. Импер. Университета, 1886.
159. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXIX. Симбирская губерния. Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1904.
160. Всесоюзная перепись населения 17/XII-1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928.
161. Татарская нация: история и современность. – Казань: Магариф, 2002.
162. Народы России. Житвописный альбом. – Вып. IV. – СПб.: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1879.
163. Чуваши. Этническая история и традиционная культура. – М.: ДИК, 2000.
164. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии В. Магнитским. – Казань: Тип. Импер. Университета, 1881.
165. Чуваши Татарстана (коллектив авторов). – Чебоксары, 2006.
167. Яковлев И. Я. Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959.
168. Малов С. Е. Из поездки к мишаряим (О наречии мишарей Чистопольского уезда). – Казань: Тип. Импер. Университета, 1804.
169. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани. 1565-68 гг. и 1646. – Ленинград: изд. Академии наук, 1932.

170. Полное собрание русских летописей. - Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись. – М.: 2000.
171. Рычков П. И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1767.
172. Родина. – 2006. - № 10.
173. Полное собрание русских летописей. Т. 13, Патриаршая или Никоновская летопись. – М. Наука, 1965.
174. Список населенных пунктов Башреспублики. – Уфа: Изд. Башкниги, 1926.
175. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 3. Вып. 3. – СПб., 1909.
176. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бенъ Омаръ Ибн Даста. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1869.
177. Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией 1552-1740. – Уфа: Ватан, 1995.
178. Светозарная Казань. Центральный выставочный зал «Манеж». – 2005.
179. Бухарев Р. Сказание о Казани. – СПб.: Славия, 2005.
180. Хитрово К.П. Законодательные памятники XVI-XVII столетий. М., 1905.
181. Трофимов А. А. Чувашская народная культовая скульптура. – Чебоксары: Чувашское книж. изд-во, 1993.
182. Сокровища хана Кубрата. – СПб.: АО «Славия», 1997.
183. Советская историческая энциклопедия. – М.: изд.-во “Советская энциклопедия”, 1966.
184. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: ЭКСМО, 2003.
185. Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. – Ч. 1. – М.: Сов. Энциклопедия, 1926.
186. Малов Е.А. Сведения о мишарях. – Казань: Тип. Импер. Каз. унив. 1885.
187. Ахмеров Г.Н. Избранные труды. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998.
188. Рамзанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань, 1984.
189. Навеки вместе с Россией. Выставка архивных документов, музейных экспонатов и редких изданий, посвященная 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. – Уфа, Информреклама, 2007.
190. Материалы по истории Башкирской АССР. – Т. 4. – Ч. 2. – М.: Издд. АН СССР, 1956.
191. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. – Т. 3. – Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

192. А х м е т ш и н Ш.К., Насеров Ш.А. Татары в 1812 г. / журнал “Татарстан”, № 7, 2007.
193. Б а х р у ш и н С.В. Минин и Пожарский. – Ташкент: Изд-во УзФАН, 1942.
195. Р а д л о в В.В. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря. – СПб.: 1884. Приложение к XLVIII-му тому Записок имп. Академии наук.
196. М а х м у т о в а Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику “Codex Cumanicus” по данным лексики //Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. – Казань, 1982.
197. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.: - Л.: Изд. АН СССР. 1949.
198. Б а х р у ш и н С.В. Завоевание Сибири. Стенограмма лекции проф. С.В. Бахрушина, прочитанной 4 марта 1938 г. – М.: 1938.
199. Е н и к е е в Г.Р. По следам черной легенды. – М.: - Нижний Новгород: Изд. дом «Медина», 2009.
200. Казань / Автор-сост. С.В. Хворостунова. – М.: Вече, 2007.
201. Н и к и т и н Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). – М.: Наука, 1987.
202. Д а в л е т ш и н Г.М., Х у з и н Ф.Ш. Булгарская цивилизация на Волге. – Казань: Таткнигоиздат, 2011.
203. Г а ф а р о в И. А. Мишари. История и язык /на тат. языке/. – Казань: Идель-Пресс, 2011.
204. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века. – М.-Л., Изд. АН СССР, 1936.
205. К истории инородческих переводов Н. Ильминского. – Казань: Тип. Имп. университета, 1884.
206. Х а б у т д и н о в А.Ю. Лидеры нации. – Казань: Таткнигоиздат, 2003.
207. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. - Т. 1. - Саранск: МНИИЯЛИ, 1940.
208. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – Ч. 4. – М.: Тип. Селивановского, 1828.
209. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – Ч. 5. – М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894.
210. Г а ф а р о в И.А., Ш и х р а н о в А.Н. Городище /Исследования истории Юго-Западного региона РТ и села Городище. – Казань: Идель-Пресс, 2012.
211. Гафаров И.А. Земляки – наша гордость. – Казань: Идель-Пресс, 2010.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	
Истории с историей	
Волжско-Камская Булгария: миф или реальность?	
Булгар или Пулкар?	
Чем занимались булгары?	
Культура и образование в Булгарии	
Когда булгары стали мусульманами?	
Монголы в жизни русских и татар	
Связи булгар с другими народами и государствами	
Булгары-татары в составе Русского и других государств	
Дискуссии по вопросу основания Казани	
Кто был первым правителем Казанского ханства?	
Казанское ханство – продолжение булгарской истории	
Истоки конфликта между Москвой и Казанью	
Присоединение Казани или завоевание	
Да только воз и ныне там	
Заключение	
Послесловие	
Краткие сведения об авторах	

И.А.Гафаров

От истоков к истине

(история Волжской Булгарии
И Казанского ханства на перекрестке мнений)

Технический редактор: *Реховская Н.*

Дизайнер: *Ахияров Р.*

Компьютерная верстка: *Маклакова Т.*

Корректоры: *Давлетзянова Г., Кабирова А.*

Пописано в печать 5.07.2012. Формат 60x90 1/16
Усл. Печ. Л. 16,0. Заказ М-726, Тираж 300.

Отпечатано в типографии
Филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

